НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

SHOUT
SHARE
IT

- На дорогах войны
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - М. Верниковская
  - М. Верниковская
  - А. Хорев
  - В. Черепанов
  - Д. Алексеев
  - В. Чернов
  - С. Оборский
  - Б. Мацевич
  - А. Поздняков
  - В. Марков
  - И. Диденко
  - Н. Жуков
  - И. Богуславский
  - М. Шушарин
  - Д. Веснин
  - А. Шмаков
  - А. Федоров
  - Л. Вайнштейн
  - П. Усынин
  - С. Буньков
  - В. Пролеткин
  - В. Вохминцев
  - Л. Кузьмин
  - Б. Мацевич
  - В. Василевский
  - А. Куликов
  - ФОТОГРАФИИ

На дорогах войны

Дорогой читатель!

Ты прочтешь эту книгу и узнаешь о замечательных людях — твоих земляках, которые в тяжелые годы Великой

Отечественной войны с оружием в руках защищали нашу Родину.

Прошло 20 лет со дня победы над гитлеровской Германией, но наш народ свято помнит и чтит героев фронта и тыла, чьими героическими усилиями отстаивалась свобода и независимость нашего социалистического Отечества.

Мы расскажем тебе о фронтовых судьбах Героя Социалистического Труда Николая Ильича Савичева, доменщика Магнитогорского металлургического комбината; Ивана Степановича Таранца, электрослесаря Уфалейского леспромхоза; главного хирурга города Златоуста Марка Иосифовича Соколова; Николая Дмитриевича Голубятникова из поселка Первомайский Челябинской области; Александра Егоровича Голощапова из колхоза „Прогресс“ Макушинского района Курганской области; бывшего снайпера Валентины Лазаренко, расценщицы локомотивного депо станции Троицк; слесаря Челябинского автоматно-механического завода Николая Федоровича Агапова, героя танкового экипажа „Амурский мститель“; бывшего полкового врача, ныне педиатра в городе Кургане Тамары Ивановны Шмаковой; агронома Полтавского совхоза Челябинской области Григория Александровича Шкинева; прославленного партизана из Кыштыма Алексея Андреевича Бородулина; зоотехника Увельского совхоза Челябинской области Александра Ивановича Кутепова, бывшего фронтового разведчика; директора школы села Огнево Челябинской области Степана Михайловича Бакланова, бывшего узника Бухенвальда; фельдшера из села Первое Краснее Оренбургской области Екатерины Яковлевны Яровенко и многих, многих других.

Пусть жизнь этих людей, их ратный подвиг служат для тебя примером мужества и героизма, самоотверженности и беззаветной любви к нашей великой Родине.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

В. И. ЛЕНИН

С первых дней своего существования Советское государство подвергалось суровым испытаниям. Враги всех мастей, окружившие плотным кольцом Советскую республику, стремились во что бы то ни стало задушить ее, смести с лица земли. Конфликты на Китайско-Восточной железной дороге, нарушения границы у озера Хасан, у реки Халхин-Гол и на Карельском перешейке завершились 22 июня 1941 года вероломным и внезапным нападением фашистской Германии на Советский Союз.

Началась Великая Отечественная война советского народа, навязанная германским империализмом. Она продолжалась четыре года. Более трех лет наша страна сражалась один на один с многомиллионной армией фашистской Германии, опиравшейся на военно-экономический потенциал почти всей буржуазной Европы.

Это был самый трудный и самый героический период в истории нашей Родины. Советский народ поднялся на защиту первого в мире социалистического государства.

Призыв Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства защитить свое Отечество нашел горячий отклик в сердцах всех трудящихся нашей страны. Миллионы тружеников сменили орудия мирного труда на боевое оружие и встали грудью на защиту социалистической Родины, а оставшиеся в тылу своим героическим трудом помогали советским солдатам ковать победу. Фронт и тыл у нас с самого начала войны стали единым целым.

Большой вклад в дело разгрома фашистской Германии внесли южноуральцы. Уральские города и села послали на фронт танковые бригады, лыжные батальоны, отдельные роты, экипажи подводных лодок, многие тысячи добровольцев. Из ворот наших заводов выходили не только грозные машины, но и сформированные и укомплектованные из рабочих этих заводов боевые подразделения и части, ядром которых были коммунисты и комсомольцы.

В Подмосковье и у стен Сталинграда, в Златой Праге и фашистском логове — Берлине враг на своей шкуре испытал не только крепость уральского металла, мощь нашей боевой техники, но и несокрушимую силу воина-уральца.

Славный боевой путь прошли танкисты-добровольцы 63-й гвардейской Челябинско-Пиотраковской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова II степени добровольческой танковой бригады, 96-й отдельной танковой бригады, экипажи подводных лодок «Челябинский комсомолец» и «Ленинский комсомол». В самых тяжелых боях не посрамили южноуральцы славного своего имени.

Многие тысячи челябинцев, оренбуржцев и курганцев ушли на фронт, но не все вернулись домой. Те, кто навсегда остался на полях сражений, отдали свою жизнь за Родину, за наше счастье. Те же, кто вернулся, заняты сейчас мирным созидательным трудом.

И часто случается так: работает человек в коллективе, работает честно, добросовестно, скромно, и никто из окружающих даже не подозревает, что у их товарища за плечами — героически пройденные фронтовые дороги.

Наша книга рассказывает о фронтовиках в прошлом и мирных тружениках в настоящем. Она посвящена памяти погибших и тем, кто в тяжелую годину испытаний вел героическую борьбу в тылу врага.

Товарищ! Читая эту книгу, присмотрись повнимательнее к героям-воинам южноуральцам, бери с них пример, расскажи о них нашей молодежи, нашим детям. Пусть они узнают о троичанке Вале Лазаренко («Снайперская книжка Валентины Лазаренко»), чебаркульце Николае Дмитриевиче Голубятникове («Два часа из жизни солдата»), рабочем Челябинского автоматно-механического завода Николае Федоровиче Агапове («Амурский мститель»), златоустовце Василии Миронове («Сапер В. Г. Миронов»), увельце, кавалере трех орденов Славы Александре Ивановиче Кутепове («Мера мужества»), доменщике-магнитогорце Герое Социалистического Труда Николае Ильиче Савичеве («Лицом к огню») и о многих наших героях-земляках.

Прочтя эту книгу, включись в поиски еще не известных стране героев, помоги сделать их подвиги достоянием всех.

Южноуральцам — верным сыновьям и дочерям Советской Родины, героям фронта — посвящается эта книга.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
Г. К. КРАСКОВСКИЙ

М. Верниковская
ЛИЦОМ К ОГНЮ

Мои встречи с Николаем Ильичом Савичевым чаще всего проходили у доменных печей Магнитогорского комбината. Гудит, надрываясь, печь, готовят канавы к выпуску чугуна горновые, и всегда вместе с ними мастер. Не сразу отличишь его среди других. Он совсем не «вписывается» в традиционные представления о доменщиках, людях сильных, с развитой мускулатурой. Невысокого роста и в плечах неширок, на худощавом, чуть продолговатом лице с тонкими морщинками у глаз кожа мягкая, не загрубелая. Распрямит над канавой свою могучую спину горновой Дмитрий Карпета — и фигура мастера рядом покажется совсем неприметной. Но по тому, как, наклонив голову, сдержанно заговорит разудалый Карпета с Николаем

Ильичом, угадываешь в мастере большую душевную силу.

В разговоре Николай Ильич по-мужски, по-рабочему скуп на слова. Голос у него негромкий, с хрипотцой, как будто всегда простуженный, но он умеет заставить слушать себя. Помню партийное собрание доменщиков. На трибуну поднялся Николай Ильич, и в красном уголке сразу стало тихо. Так всегда бывает тихо в зале, когда люди знают, что этого оратора надо слушать, что он скажет то, что думает, то, что надо.

— Некоторые наши коммунисты недостаточно проявляют инициативу, слабо помогают беспартийным товарищам, — негромко, спокойно начал свое выступление Николай Ильич. — Возьмем, к примеру, мастера пятой доменной печи Ф. Сам он неплохо руководит бригадой, а вот как обстоят дела в других бригадах, его не заботит.

Савичев говорил о том, что в хорошем коллективе человек может заново рождаться и с каждым днем становиться лучше. В зале в первом ряду он увидел инженера, возглавляющего отдел организации труда и зарплаты, и, повернувшись к нему, не повышая голоса, высказал то, что думал о нем: «Без души относится к рационализаторам и изобретателям и своей инженерной мысли не выказывает». Инженер поежился, ожидая, что сейчас Савичев расскажет о судьбе собственного предложения, не получившего хода. Но Николай Ильич о себе говорить не стал. Человек отстаивал не себя, а интересы общего дела.

Возвращаясь с собрания, мы оказались вместе в одном трамвае. Николай Ильич подмышкой прижимал книги, из кармана спецовки выглядывали свернутые газеты.

— Да вот, пропагандист я. Завтра надо к занятиям готовиться, — мягко улыбается он, перехватив мой взгляд.

Вскоре после этого на бюро горкома партии слушался вопрос о работе доменного цеха, обобщался положительный опыт. Цех работает хорошо, коэффициенты — лучшие в стране, чугун самый дешевый. Характер речей невольно получался хвалебным, как будто и не было в цехе теневых сторон. Тогда поднялся из-за стола член бюро горкома Николай Ильич Савичев, откашлялся и негромко сказал:

— Я думаю, что надо говорить не о достижениях. О будущности надо думать. Так понимаю задачу сегодняшнего обсуждения.

Вероятно, он пришел на бюро со смены: лицо его бледнее обычного. Как и тогда, на собрании, спокойно, рассудительно говорит о деле. Называет резервы, которые, по его мнению, имеются в цехе: повышенное дутье, стойкость отдельных узлов

печи, механизация горновых работ. И вот уже по другому руслу идет разговор на бюро. А Савичев скромно занимает свое место у края стола. Нет, не зря представительствует в бюро городского комитета партии рабочий, обладающий принципиальностью коммуниста, большим житейским и производственным опытом. Может, оттого и мне запоминается каждая встреча с Николаем Ильичом и как-то по-особому волнует.

Раннее зимнее утро, на улице еще не совсем рассвело, в диспетчерской цеха под высоким потолком тускло горят лампочки. На длинных деревянных скамейках сидят люди. Начальник цеха обращается к Савичеву:

— Как работала ваша бригада?

— Нормально.

Вопрос к другому мастеру:

— Почему повысилось содержание серы в чугуне?

Все выяснено, все расходятся. Савичева просят задержаться. В дверях появляется человек со свертком чертежей в руках. Проходит к столу и аккуратно раскатывает лист ватмана. Это конструктор из заводоуправления. Начальник цеха, инженер техотдела склоняются над чертежом. Подходит Николай Ильич.

На листе ватмана — его рационализаторское предложение. Наблюдая тяжелую работу горновых, едва успевающих подготавливать канавы к выпуску чугуна, Савичев задумался: «А почему нельзя разливать чугун не через один, а через два носка, передвигая ковши по мере наполнения их чугуном?» Мысль эта снова и снова овладевала им.

Будут потери чугуна? Но их можно избежать. Для этого нужно, чтобы паровоз во время разливки был на путях и передвигал состав, а механическая задвижка вовремя перекрывала желоб и направляла струю в запасной носок.

В цехе своими силами изготовили механическую задвижку, испытали новый метод разливки. Опыты показали: в три раза сокращается длина канав — значит, в три раза сокращается тяжелая, изнурительная работа горновых, ускоряется процесс разливки.

Предложение Савичева получило право на разработку заводского, промышленного изготовления всех устройств. Конструктору предстояло дополнить, развить мысль рабочего, учесть некоторые моменты. Например, как добиться того, чтобы при падении мощной струи чугуна в ковш не получалось всплеска? Достаточно ли только рассчитать высоту падения струи и длину носка желоба?

— Идея, по-моему, лучше разработана во втором варианте, — говорит конструктор и раскатывает на столе новый лист ватмана.

— Надо попробовать и то и другое, — спокойно замечает Николай Ильич, и начальник цеха согласно кивает головой.

В то время готовилась к сорокалетию Советской власти книга о Челябинской области, и я пришла договориться с Николаем Ильичом о его статье. Отвлекать его в рабочее время не решилась и вечером разыскала квартиру Савичевых на Правом берегу. Николай Ильич где-то задерживался. Жена его только что закончила побелку квартиры и, вытирая руки, провела меня в комнату. У внутренней стены стояло пианино, прикрытое газетами, у окна этажерка с книгами. Женщина, желая занять меня, принесла откуда-то альбом и пачку писем, свернутых треугольниками.

— Это муж с войны прислал.

Мне казалось, что я знаю все о мастере-доменщике Савичеве, а вот его фронтовой жизни не знала. Только вспомнила, что многие годы ходил он на работу в гимнастерке. На фотографиях в альбоме увидела его в офицерской форме в кругу фронтовых друзей.

Писем читать не стала, но надписи на фотографиях прочла. Это были дарственные надписи — Николаю Савичеву, начальнику штаба дивизиона. Сдержанная солдатская любовь к командиру сквозила в коротких карандашных строчках, полустершихся от времени. На одной фотографии была такая надпись:

> «Жди меня, и я вернусь. Жди, вернусь с победой. Геннадий».

— А вот это письмо из-под Ржева особенно мне дорого, — сказала жена Николая Ильича, протягивая согнутый по углам листок. В нем оказалась переписанная фронтовая песня: «…Ты, любимая, знаю, не спишь и у детской кроватки тайком ты слезу утираешь». Я подняла голову. Лицо женщины, разгоряченное домашней работой, в мелких капельках белой извести, улыбалось: ведь письмо пришло давным-давно…

Разбирая письма и фотографии, мы не заметили, как вошел в комнату Николай Ильич. Укоризненно взглянув на жену, махнул рукой: «Зачем все это?» В ответ на мою просьбу, сказал, что сам напишет статью, и вскоре передал ученическую тетрадь, наполовину исписанную аккуратным твердым почерком. Записи Николая Ильича не нуждались ни в поправках, ни в примечаниях. Он описывал все так, как было, и это придавало его рассказу «о самом себе» особую достоверность.

> «Мое детство проходило в станице Магнитной. В 1928 году я окончил семилетку. Прислали к нам в

поселок геодезистов снимать план местности на Левом берегу Урала. Я определился к ним работать. Люди наносят на бумагу какие-то неведомые знаки. Из их разговоров узнаю, что вот здесь, на Левом берегу Урала, будет построен город-завод.

…Кончилось лето, уехали геодезисты, а я поступил в школу ФЗО в Белорецке. Там работает на заводе мой двоюродный брат. Вечером приходит он ко мне в общежитие и говорит: «Ты, наверно, работать будешь в Магнитной. Там домну строят». Посоветовал идти в группу доменщиков. Так я и сделал. Через год приехал домой, смотрю через реку, на Левый берег Урала, а там, где мы с геодезистами замеры делали, палатки белеют. По вечерам около них костры горят. Зимой я снова учился в Белорецке, а вернулся оттуда летом, в тридцатом году, когда начинался монтаж первой доменной печи»…

Николай Ильич хорошо понял, для какой цели требовался в юбилейную книгу области рассказ о его жизни. Он не отбирал, не описывал каких-то исключительных эпизодов из своей биографии. Но те скупые детали и подробности, которые приводил, имели теперь историческое значение. Получалось так, что это была не только его личная биография, но и биография Магнитогорска, доменного цеха комбината.

«…Я имел на руках удостоверение, в котором значилось:

«Н. Савичев окончил школу ФЗО в Белорецке по профессии доменного производства». С этим удостоверением пришел на стройку, в отдел кадров. На дверях деревянного барака висела дощечка: «Отдел кадров Магнитостроя». В одном окне оформляли людей на стройку, в другом — на завод. Меня оформили в доменный цех рабочим. Паренек, который оформлял на работу, сказал: «У тебя третий номер». Так я пришел в доменный цех Магнитогорского металлургического комбината третьим по штатной ведомости…

За долгие годы работы был рабочим, газовщиком, мастером. Сейчас на домнах действует автоматика, а тогда печь жилы тянула, палила огнем»…

Но Николай Ильич как-то сразу прикипел к домне. Первая доменная печь на Магнитке, затем вторая, третья. Задувать домны не простое дело, и хоть не выдался новый доменщик

ростом и в плечах неширок, а силу свою над печами хорошо чувствовал. Понимали это и другие. Когда через несколько лет принимали Савичева в партию, смотрели на него так, словно он ростом выше стал.

Ни на какую другую работу не променял бы он профессию доменщика, а пришлось: враг, внезапно обрушившийся на нашу Родину, захотел испытать его силу, выдержку, мужество в огне войны.

В начале сорок второго года ушел Савичев добровольцем на фронт. Про войну Николай Ильич упомянул в тетради скупо: участвовал в освобождении Ржева, в прорыве блокады Ленинграда, в штурме Будапешта. Всего не расскажешь, что пережито. Его часть с ходу попала в бой в районе Ржева. Ржев — один из узлов, которые немецкое командование хотело превратить в центры укрепленных районов западнее Москвы.

В лютый мороз, по пояс в снегу, с большими боями и потерями часть Савичева тяжело продвигалась вперед. За пять кровопролитных дней достигли Волги в районе Ржева и, оттеснив противника, заняли подступы к городу.

Савичева назначили командиром взвода управления. С той же спокойной деловитостью, с какой заступал на смену в цехе, принял он новые обязанности. Обеспечивал связь с батареями, с пехотой, с разведчиками. Однажды командир одной батареи занес на карту не в тот квадрат место расположения точки. В течение нескольких часов орудие било мимо цели. Начальник штаба дивизии отстранил командира от командования и назначил на батарею Савичева. Теперь Николай Ильич высекал огонь из орудия, прикрывая атаку солдат.

Мороз стал еще злее, по глубокому снегу без дороги продвигаться было невозможно, но люди шли и тянули за собой орудия. Транспорт из-за заносов и метелей не справлялся с подвозом боеприпасов, горючего, продовольствия. А тут еще началась бомбежка. Часть оказалась оторванной от главных сил фронта и, полуокруженная врагом, вынуждена была перейти к обороне.

Непрерывные бои измотали людей. И все же в этих условиях Николай Савичев, магнитогорский металлург, чувствовал себя сильным, сильнее врага, сильнее смерти. Свою душевную силу, силу рабочего, коммуниста он старался передать бойцам. Каждый день спокойный, сдержанный командир требовал от солдат того, что делал сам, — умываться, бриться чистить орудие, пришивать воротнички. Однажды в самый горький отчаянный час заговорил Савичев о Магнитке, о только что построенной новой домне. Там, в тылу, люди тоже стояли лицом к огню. Савичев предложил

бойцам написать письма домой, это оказалось лучшим средством вселить в уставших людей веру, заставить думать о жизни. Сам командир послал жене песню, которой выразил все: тоску и боль, лишения и холод, и надежду, что с ним ничего не случится…

Бои на Ржевском направлении продолжались долго. Они занимают многие трудные страницы в истории Великой Отечественной войны и в биографии доменщика Савичева.

— Тяжело было под Ржевом?

Он смотрит куда-то мимо меня, как будто снова видит снега и окопы и что-то еще, чего я не знаю и, качая головой, негромко говорит:

— Ржев что! Там в снегу окопаться можно было, а вот под Ленинградом в болоте стояли, под беспрерывными бомбежками. Ночью приносили сухарей, мерзлой каши.

Нелегкий боевой путь прошел Николай Ильич Савичев. За участие в прорыве блокады Ленинграда он удостоен ордена Красной Звезды. С боями дошел до Будапешта, стал начальником штаба дивизиона.

На войне бывало всякое. Случалось и такое, когда командиры, не умея убедить бойцов словом, хватались за наган. И мне особенно западают в душу слова Савичева: «Я всю войну провоевал без нагана». Но зато однажды, уже в восточной Пруссии, обнаружив на развалинах разбомбленного дома пианино, Савичев распорядился взять его с собой. В части всегда оказывались люди, умевшие играть на баяне, и сам Савичев нередко брал в руки баян, а вот пианист был один. И все же дивизион не расставался с громоздким беккеровским инструментом, который перевозили по дорогам войны вместе с батареями. Заслышав в прифронтовом лесу музыку, бойцы говорили: «Музыкальный дивизион Савичева концерт дает».

Выполнив свой боевой солдатский долг, Николай Ильич вернулся к доменным печам. Спазмы сжимали горло — шутка ли, почти пять лет не видел своего цеха! Сколько нанюхался пороху! А тут в нос ударил родной запах гари, окалины. К вечеру освоился и деловито, обстоятельно вникал во все, как будто вчера только отошел от горна. За войну печи поизносились, оборудование устарело. Надо было многое менять, внедрять новую технологию, новые методы режима. Приходилось, как на фронте: брать с бою один рубеж, за ним второй, третий. Как и на фронте, за каждый трудно взятый рубеж получал Николай Ильич награды. К боевым орденам прибавился орден Ленина, медаль «За трудовую доблесть», высокое звание Героя Социалистического Труда.

Среди многих поздравлений, в связи с присвоением звания

Героя, его особенно обрадовало два. Одно — прибывшие из-под Тулы. Его прислал тот самый Геннадий, лихой баянист, который писал на фотографии: «Жди, вернусь с победой». Вернулся-таки! Работает железнодорожником. Второе — пришло из Челябинска от бывшего топографа Накоскина, с которым прошли всю войну рядом. Писал, что работает школьным учителем.

Недавно я побывала в Магнитогорске и, конечно, навестила доменщиков. Как всегда, не сразу увидела у горна Николая Ильича. Кажется, годы совсем не изменили его, разве что голос стал глуше и жесты еще скупее, а на губах прежняя, мягкая улыбка. Он переводит разговор на другое: с рудой трудно стало, работа идет не так, как хотелось бы. Огорченно вздыхает:

— Если бы хорошо с загрузкой было…

А в Челябинске у меня произошла такая встреча. Однажды подошла ко мне миловидная девушка, музыкальный редактор телевидения.

— Вы были в Магнитке, видели моего папку? — по-детски спросила она.

— Папку? Кто он?

— Савичев, Николай Ильич.

Я смутно начинаю вспоминать, что когда-то была на квартире Савичевых, видела девочку-подростка. Значит, музыкант?

— Это, наверно, от отца передалось, — говорит она и на щеках ее образуются ямочки.

— Он ведь очень любит музыку. Раньше нас с сестрой научился играть на пианино. На слух подбирает любую мелодию. Играет вальсы Шопена, рапсодию Листа.

— А я-то думала, что все знаю о Николае Ильиче…

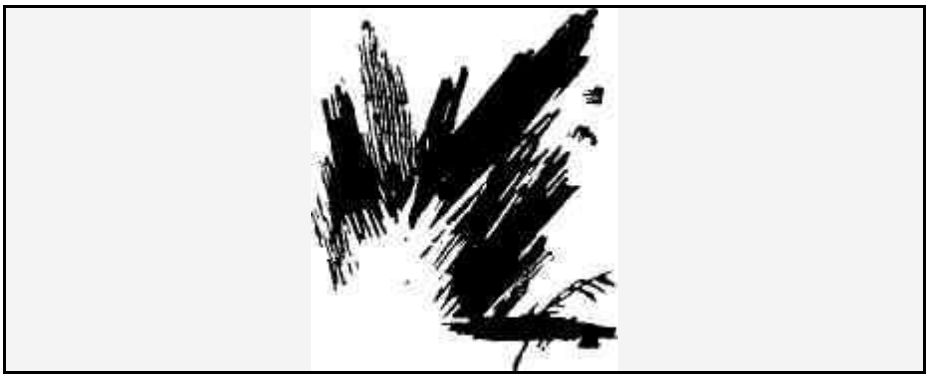
— Так не только с вами, — говорит дочь Николая Ильича, улыбаясь мягкой отцовской улыбкой. — Один московский журналист написал об отце такое: «Придя с работы, он быстро разогрел ужин, так как долго не было жены, а дочь еще не пришла из школы…» Неправда. Отец никогда не притронется к кастрюлям, как бы ни был голоден. В коллективном саду сторож говорит всем: «Берите пример с Николая Савичева, вон какой у него чудесный сад». И не знает, что вся работа Николая Ильича по уходу за садом заключается в том, чтобы привезти и отвезти маму. Это она удобряет почву, делает прививки, а он все больше книжки читает. О доменных печах…

Девушка некоторое время молчит, улыбаясь.

— Года два назад, — продолжает она, — отец заболел. У него пропали слух и голос. В больнице врачи успокаивали: «Пройдет. Это профессиональная болезнь. От шума домен». А может, это последствия войны?.. Два месяца пролежал в больнице. Когда

пришел домой, сел к пианино и заиграл. Может, лучше было бы стать ему музыкантом, а не доменщиком?

Не знаю, шутит она или всерьез, но мне хочется сказать ей, что людям нужна всякая музыка, и музыка Труда тоже, и что ее отец в своем труде истинный художник, а в бою истинный солдат, хотя солдатами не рождаются…



М. Верниковская
ПОСЛЕДНЯЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Родной уральский край! Высокие горы оградили тебя от суховеев, как сторожа-великаны встали у твоих подземных кладовых, и чем ты суровей, тем сильнее человек, полюбивший тебя, назвавший своим краем. А тот, кто научился любить свой край, умеет любить и тебя, Родина. Для него и за далью гор — родная, русская земля и никому ее не отнять и не убавить. Своей жизнью доказали это твои сыновья. Вот рассказ об одном из них.

Его имя — Иван Птицын. После смерти друзья дали ему другое имя и заставили жить в фильме «Орлиный остров». Это киноповесть об экспедиции советских ученых на загадочный остров в Черном море. Начинается фильм с кадров о войне. В бушующем море борется с волнами тяжело раненный моряк с

потопленного врагом катера. На экран наплывают слова: «Памяти Птицына Ивана Захаровича, советского археолога и военного моряка, ученого и мечтателя, павшего смертью храбрых в бою с фашистскими захватчиками». Читающий эти строки, запомни это имя навсегда. Только памятью сердца можно воздать должное тем, кто не вернулся домой, защищая Родину.

Мы не сразу узнали, что Иван Птицын — наш земляк, из старинного горнозаводского города Аши. Об этом позднее сообщили его родные. И тогда Иван Птицын (в фильме Громов Иван Васильевич) шагнул с экрана, протянул руку — давайте знакомиться! — и повел в свой родной город, на Канатную улицу. Там, в доме № 17, прошли его детство и юность, там живет его мать, хранятся фотографии. На Ашинском металлургическом заводе работают два брата Ивана Птицына. Один — конструктор, другой — инженер по инструментам. Сестра — бригадир сборщиков на заводе «Электролуч».

По склонам высоких гор, обступивших город, сбегают к реке деревянные домики, цепляясь друг за друга березовым частоколом огородов. В центре самая высокая гора — Липовая. Далеко вокруг разносится аромат незаметных цветов черноствольной липы. Летом пчелы роятся семьями в рощах, насыщаются липовым цветением. А внизу блестит рыбьей чешуей река Сим. В расселинах между гор — завод. По утрам зыбкие волны заводского дыма смешиваются с тонкими голубыми струйками над крышами домов. От низких труб над крышами растекается свой запах — горелой осины, пережаренного масла и рыбных пирогов.

Новостройки Аши пока еще не подошли к Канатной улице и можно легко представить, как в те далекие годы вечерами в пятистенном доме заводского бухгалтера садилась у раскрытых окон пить чай из самовара большая семья. Захар Иванович Птицын любил эти вечерние часы. Но не они манили младшего сына. Ваня убегал в горы, в лес. Из-за крутых отрогов залетали незнакомые птицы, пробуждали в подростке ощущение силы и полета. Прошло много лет, а мать Ивана — Екатерина Матвеевна — и сейчас помнит, как нарекал мальчик куриц кличками голубей. Иван делал всю работу по дому — носил воду, колол дрова, загонял куриц на насест и украдкой бегал к заводу.

И сейчас на Канатной босоногие мальчишки пускают голубей в небо и, задрав головы кверху, смотрят, как проносятся, прочерчивая белые полосы, реактивные самолеты. Мальчишки теперь мечтают о космосе. Ваня Птицын мечтал о рабочей спецовке. Он первым в семье принес в деревянный домик на Канатной запах заводской гари и машинного масла. Завод стал

его романтикой, его гордостью. Глядя на фотографии, с которых смотрит широколицый подросток с крупными чертами и юношеской припухлостью губ, мать до сих пор не может понять его тогдашнего упрямства:

— Пошел на мартен работать. Приходит домой грязный, я его корю — кто, говорю, на тебя стирать будет? А он все равно продолжал ходить на завод. Молчал и ходил. А потом поступил в техникум.

Старая женщина протягивает еще один, пожелтевший от времени снимок. На нем — учащиеся вечернего техникума. Внизу твердо, размашисто написано: «Сквозная бригада Ивана Птицына». Бригадир возмужал, раздался в плечах. Его огрубелые руки умеют теперь не только колоть дрова, но и варить сталь. Учится играть на баяне, ходит в заводской клуб, участвует в самодеятельности. Братья вспоминают, как любил он песню варяжского гостя из оперы «Садко» — «О скалы грозные дробятся с ревом волны»…

Плечистый, гибкий, с добродушной искринкой в больших серых глазах — таким он запомнился матери, когда уходил в армию. Его признали годным для морской службы. В родном городе, в мартеновском цехе познал он стихию огня, теперь ему предстояло познать стихию моря. Что ж, и жаркий огонь, и высокая упругая волна — удел сильных и смелых. Те, кто знал близко Ивана Птицына, не удивились, когда, отслужив на флоте положенный срок, он остался на сверхсрочную. Родные увещевали его: «Когда жить, как все, будешь?»

А Ивана влекла кочевая жизнь моряка. Вот он на фотографии — рослый матрос в полосатой тельняшке, в бескозырке. А еще через год Иван Птицын присылает фотографию, где он в форме морского офицера. На обороте тот же четкий, размашистый почерк: «На добрую память родителям. Снимался после дальнего плавания». Он не раз бороздил океан, повидал чужие страны.

Однажды в плавании Птицын услышал полулегенду, полуисторию о загадочном острове Ахилла в Черном море. Будто во время бури на море появляется среди скал огненная фигура Ахилла, и протянутая рука указывает путь кораблю в скрытую гавань. Но как только стихнет шторм, корабль должен покинуть укрытие, иначе ему грозит гибель. Веря старым преданиям, многие моряки далеко обходят таинственный остров.

Сказочный герой Троянской битвы Ахилл пробудил в военном моряке увлечение древней историей. В тридцать два года Иван Птицын неожиданно оставил морскую службу и поступил на археологическое отделение Московского

университета. Он пришел в аудиторию в бушлате и тельняшке, но профессор Артемий Владимирович Арциховский, увидев его, не выказал удивления. Встряхивая черной шапкой волос над высоким лбом, профессор обратился к первокурсникам со словами:

— Археология — история, вооруженная лопатой и киркой. Поле деятельности археологов — не письменный стол, а степь и горы, леса и пустыни, моря и реки. Вы — разведчики прошлого, открывающие тайны человеческой истории.

Профессор хотел, чтоб студент в бушлате не жалел о море, а понял, что в новой науке тоже свой штормовой ветер, ветер странствий. В конце учебного года профессор объявил, что готовится в экспедицию в древний Новгород. Он возьмет с собой тех, кто не только проявит себя на экзаменах, но и сноровист, вынослив в «черной работе», умеет крепко держать в руках кирку и заступ. Недавний моряк был спокоен на этот счет. Экзамен он сдал успешно, а физической силы и выносливости ему не занимать. Его просоленная морем кожа вынесет любые испытания.

Они вместе сидели в аудитории: Иван Птицын и Георгий Федоров, тоже любивший романтику в жизни. Они стали закадычными друзьями. Велика была их радость, когда узнали, что оба едут в экспедицию с профессором.

— Нам, студентам, участникам экспедиции, — вспоминает теперь Георгий Борисович Федоров, — было поручено «охранять» в поезде наши «орудия производства»: ящики с ножами, рулетки и огромную бутыль с формалином. Где-то на стыке рельс вагон сильно тряхнуло и бутыль разбилась. С воплем кинулись пассажиры и студенты кто куда. В вагоне остался один Птицын. Он спокойно выбросил разбитую бутыль в окно и смеялся над нашей трусостью.

…Жаркое августовское солнце палило нещадно. Окаменевшая земля трудно поддавалась кирке. Она изматывала, изводила студентов, к вечеру все валились с ног. А Иван Птицын, намахавшись лопатой, шел к реке Волхов и часами плавал. Однажды где-то в глубине земли камень сменился кирпичом. Профессор сказал студентам:

— Это граница вольности великого Новгорода. И эту границу открыли вы…

Еще до окончания университета Ивана Захаровича Птицына направляют работать в Загорск. В центре старинного подмосковного городка, утопающего в зелени, высятся зубчатые серые стены Троице-Сергиевой лавры. Долгие годы лавра служила крепостью и усыпальницей царей, была прибежищем монахов и

попов. Со всех концов России шли сюда верующие поклоняться гробнице. Таинственные подземелья, надгробия укрепляли суеверия темных людей.

Иван Захарович Птицын — директор антирелигиозного музея в Загорске и одновременно научный работник. Здесь же вместе с ним работает его друг Георгий Федоров. Надо раскрыть тайны древних плит и надписей, восстановить правдивую историю лавры, а вместе с тем помочь людям освободиться от слепой веры таинства. Вот еще одна фотография того времени — Иван Захарович с группой рабочих и ученых во время раскопок. В центре любимый профессор. На Птицыне белая рубашка, чуть стянутая у шеи галстуком. Теперь всем своим обликом он напоминает человека тонкого интеллектуального труда. Руки его касаются хрупких древних предметов — по ним он читает историю свой Родины.

Птицына не покидает заветная мечта — совершить поход к острову Ахилла. Он часто делится этой мыслью со своим другом. Они не только много говорят о предстоящей экспедиции, но и готовятся к ней. Возможно, удастся направиться в экспедицию летом…

Война оборвала его мечту. Ушел на фронт друг Ивана Птицына Г. Б. Федоров. Птицын едет в Москву, настаивает, чтобы его отправили добровольцем на фронт, ведь он военный моряк. Ему возражают, он ученый и его долг сейчас — сохранить научные ценности. Вот приказ — вывезти имущество Загорского музея на Урал.

На барже по Москве-реке увозит Птицын экспонаты музея, заколоченные в деревянные ящики. В Соликамске баржи задерживаются, и Птицын на несколько часов заезжает в Ашу проститься с гостившей здесь женой и маленьким сыном Леонидом.

— Ты скоро вернешься? — спрашивает жена и он честно отвечает:

— Нет.

Сдав научные ценности на хранение, Иван Птицын добровольцем уходит на фронт. Черное море. Все эти годы сюда устремлялись его мечты — мечты археолога. Ведь где-то здесь, за горизонтом, остров Ахилла, остров его мечты.

Иван Птицын — командир отряда советских военных катеров. Каждый день по нескольку раз отчаянные бои. Первое ранение и госпиталь. И снова морские бои. Каждый день и каждый час подстерегает смерть, слабого она находит быстрее. Иван Птицын это хорошо знает. Своим четким, размашистым почерком заносит он в записную книжку слова Дмитрия Фурманова:

«Если быть концу — значит надо его взять таким, как лучше нельзя. Погибая под кулаками и прикладами, умирай агитационно! Так умри, чтобы и от смерти твоей была польза. Наберись сил, все выверни из нутра своего, все мобилизуй у себя — в мозгах и в сердце. Не жалей, что много растратишь энергии — это ведь последняя твоя мобилизация!»

Если случиться концу, то он умрет с пользой для дела. Еще один дерзкий рейс в тыл врага, второй, третий. Но однажды, когда катера, выполнив задание, возвращались на базу, катер командира потопила вражеская бомба.

— Мы получили письмо из военкомата, — вспоминает Екатерина Матвеевна. — Жена его у нас была, читала. Я стою, смотрю, а у нее по щеке-то крупная слеза катится: «Видно, от Ванюши не получать больше нам писем». — Вот так она проговорила, и слеза у нее на бумагу упала…

Да, писем от Ивана Птицына получать больше не пришлось. Но в тот роковой час Черное море не сомкнуло над ним своих волн, а бережно вынесло его, тяжело раненного, на безымянный остров. Ветер на лету разбрызгивал морскую пену, а Иван Захарович Птицын слабеющей рукой что-то писал в свою записную книжку. Пройдет много лет и его друг Георгий Федоров узнает, что и в предсмертный час не покидали Ивана Птицына мысли о древнем острове Ахилла. В бреду горячки виделись умирающему моряку пещера и статуя древнегреческого героя.

Годы хранили о нем молчание. Георгий Борисович Федоров после демобилизации поступил в аспирантуру Института археологии Академии наук. В 1946 году защитил кандидатскую диссертацию, а через несколько лет докторскую. Не один раз с болью вспоминал он друга, пропавшего без вести. Вечерами в лагере экспедиции, беседуя у костра с молодыми археологами, он рассказывал о погибшем товарище — веселом, мужественном ученом-романтике, которого всю жизнь, пока жил, влекла мечта о неведомом острове.

Но след Ивана Птицына не затерялся. Через четырнадцать лет на одном из островов в Черном море пограничники обнаружили останки человека и планшет с записной книжкой. Эти записи Ивана Захаровича Птицына дошли до его друзей.

«С глубокой скорбью заново переживали мы его утрату, — пишет Г. Б. Федоров. — Моя жена Марианна Рошаль — кинорежиссер и сценарист. Я много ей рассказывал о Ване, показывал его фотографии, которые бережно храню со студенческих лет. И вот мы с женой

решили посвятить его памяти фильм — фильм об археологах, об экспедиции на остров Ахилла. Хотелось, чтобы люди, посмотрев фильм, прочитав посвящение, по-доброму вспомнили бы его, отдавшего жизнь за свободу и мир, за счастье людей».

Фильм «Орлиный остров» — это дань памяти Ивану Птицыну. Где-то на Урале живет его сын — Леонид Иванович Птицын. Очень хочется, чтоб этот рассказ дошел до него и чтоб узнал он о последней мобилизации своего отца.

А. Хорев
АНАТОЛИЙ БУРДЕНЮК, ШТУРМАН ЭКИПАЖА ГАСТЕЛЛО

На пятый день войны, 26 июня 1941 года, Советское радио известило мир о беспримерном подвиге экипажа капитана Гастелло.

Николай Францевич Гастелло посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Имя его стало символом беспредельной любви к Родине. Героическую судьбу Гастелло разделили лейтенант Анатолий Акимович Бурденюк, лейтенант Григорий Николаевич Скоробогатый и старший сержант Алексей

Александрович Калинин.

Одному из отважных гастелловцев, нашему земляку-уральцу, воспитаннику Челябинского высшего военного авиационного училища штурманов лейтенанту Анатолию Акимовичу Бурденюку посвящается этот очерк.

ПУТЕВКА В НЕБО

…Удивительной судьбы бывают люди! Прожив недолгую и, казалось бы, обычную для своего поколения жизнь, они оставляют в сердцах потомков неизгладимый след. Таков Анатолий Бурденюк, человек, родившийся в двадцать втором и погибший в сорок первом. Он прожил всего девятнадцать лет. Поступая в училище, он изложил всю биографию ровно в пятнадцати строчках.

Окончил училище Анатолий Бурденюк по первому разряду. Из пятнадцати предметов, вынесенных на экзамен, одиннадцать сдал на «отлично», четыре — на «хорошо». В карточке взысканий и поощрений — пять благодарностей: за учебу, за стрельбу, за караульную службу, за работу.

С такой путевкой в жизнь Анатолий Бурденюк вылетел в небо.

Лейтенант Бурденюк в течение трех месяцев проходил в резервном авиационном полку программу пилотирования самолета «ДБ-3». Здесь его характеризовали как человека, влюбленного в штурманское дело и хорошо его знающего.

> «В воздухе работает уверенно, ориентируется хорошо, культурный, грамотный командир. На самолете «ДБ-3» налетал 5 летных часов 19 минут».

Николай Францевич Гастелло был к тому времени уже опытным, бывалым летчиком. Во время боев в Монголии, в районе реки Халхин-Гол, он водил по ночам тяжелые бомбардировщики в глубокий тыл японских захватчиков и наносил меткие удары по их коммуникациям, базам и боевым колоннам. Затем Гастелло участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию, громил с воздуха мощные укрепления на линии Маннергейма. Вооруженный ценным боевым опытом, он охотно передавал его молодым авиаторам.

Такому командиру, естественно, доверялись наиболее сложные задания. И штурманом в его экипаже мог быть, конечно, лишь отличный специалист, волевой и надежный, способный безошибочно вывести на цель самолет командира и,

следовательно, всю эскадрилью. И не случайно капитан Гастелло остановил свой выбор на юном Бурденюке: он был именно таким.

Многое перенял Анатолий у капитана Гастелло за время совместной службы. Капитан был человеком общительным, душевным, внимательным к молодежи.

В первый день войны эскадрилья тяжелых бомбардировщиков Гастелло, поднятая по тревоге рано утром, бомбила врага в районе Брестской крепости, где стояли на смерть солдаты майора Гаврилова и полкового комиссара Фомина. В одиннадцать часов вечера Гастелло вернулся.

— Ну как? — спрашивали однополчане.

— Дали им дыма и огня! — отвечал капитан.

Боевые вылеты следовали один за другим. И всякий раз эскадрилья Гастелло наносила врагу большой урон. Лейтенант Бурденюк летал в эти дни в роли летчика-наблюдателя.

ОГНЕННЫЙ ТАРАН

24 июня Гастелло получил взамен своей подбитой машины новую. На место раненого штурмана был назначен Бурденюк. 25 июня, когда экипажи на стоянке изучали боевую задачу, из-за облаков, нависших над аэродромом, неожиданно вынырнул вражеский самолет «Ю-88». Гастелло вскочил в свою машину на место стрелка. Мгновенно застрочил пулемет. Обнаглевший фашист пытался сделать еще заход. Но правый мотор его машины уже горел. Тогда гитлеровец пошел на посадку. Недалеко от аэродрома экипаж «юнкерса» был пленен нашими воинами. Гастелло говорил членам своего экипажа:

— Вот так их, гадов, бить надо и с земли, и с воздуха!

Наступило утро 26 июня. Гастелло получил задание разбомбить механизированную колонну противника на Молодечненском шоссе в районе местечка Радошковичи, где враг рвался к Минску. Штурман Анатолий Бурденюк разработал маршрут. Перед вылетом Николай Францевич обратился к своим боевым товарищам с краткой речью, которую закончил словами:

— Врагу не будет пощады!

…Вереницы вражеских танков и автомашин двигались на восток. Самоуверенные, упоенные первыми удачами, гитлеровцы держались беспечно и нагло.

Но вот из-за горизонта показалось звено советских бомбардировщиков. Не успели фашисты опомниться и рассредоточиться, как наши самолеты были уже на боевом курсе. Вот они над самой вражеской колонной. Нет, не зря у Бурденюка

в училище была пятерка по бомбометанию! От первого же взрыва в воздух полетели вместе с землей обломки машин. Удар, еще удар!

Расстреливая из пулеметов растерявшихся гитлеровцев, самолеты стали отходить от цели.

Тут только фашисты опомнились. Видя, что группа самолетов невелика, они усилили зенитный огонь. Воздух расчерчивали десятки трассирующих снарядов. И вдруг ведущий бомбардировщик ослепительно вспыхнул.

Паника среди фашистов сменилась злорадством. Но рано торжествовал враг победу! В это время, после отчаянных и безуспешных попыток сбить пламя, командир принимает решение пойти на огненный таран. Происходит такой разговор.

Гастелло: Предлагаю оставить самолет.

Бурденюк: Предлагаете или приказываете?

Гастелло: Предлагаю решать самим… Штурман?

Бурденюк: Остаюсь.

Гастелло: Наблюдатель?

Скоробогатый: Остаюсь.

И, не дожидаясь вопросов, стрелок Калинин ответил:

— Остаюсь!

Самолет, словно раскаленный метеор, мчался по небу. Развернувшись на 180 градусов, он зашел с хвоста колонны и, поливая ее бензином из разбитых баков, всей своей многотонной тяжестью врезался в голову колонны. Оглушительный взрыв потряс землю. Окрестные поля озарились пламенем.

Спустя много лет, близ деревни Декшняны, в нескольких метрах от шоссе, были извлечены из земли два обгоревших мотора дальнего бомбардировщика «ДБ-3». Колосилась вокруг пшеница, цвел клевер, жужжали пчелы… Колхоз имени Гастелло готовился к жатве хлебов.

ПРАВО НА БЕССМЕРТИЕ

…В торжественном строю застыли ряды пионеров 28-й средней школы города Челябинска. Горнист протрубил сбор. Вожатая Светлана Васильевна Пикуль читает детям ответ матери и сестры героя на письмо школьников:

> «Дорогие ребята! Мы очень рады, что вы помните о нашем Толе и постараемся ответить на ваши вопросы.
>
> Учиться Толя пошел шести лет, учился только на «хорошо» и «отлично». Много занимался спортом.

Летом — плаванием, баскетболом, футболом, зимой — лыжами, коньками. Он был хорошо развит физически.

В школе Толя пользовался большим авторитетом среди ребят. Он охотно помогал отстающим и никогда не давал в обиду слабых.

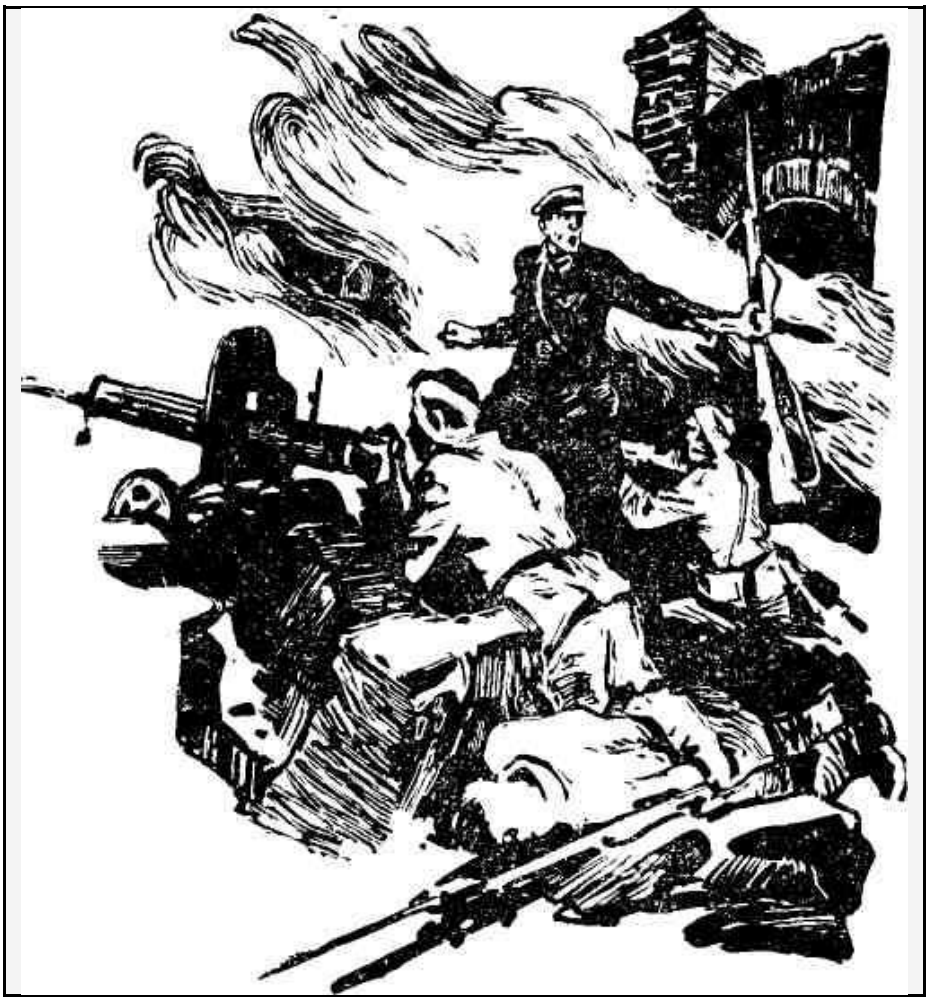
Как сейчас мечта многих ребят — стать космонавтами, так в то время, когда учился Толя, мечтой мальчишек был Чкалов. Толе очень хотелось быть летчиком. Став штурманом, он был очень счастлив.

Толя был хорошим товарищем, запевалой многих хороших дел среди ребят. Дома он был незаменимым помощником старших, никогда никакой труд не считал зазорным. Веселый, неунывающий, всегда готовый прийти на выручку — таким мы знаем и помним нашего Анатолия».

Письмо прочитано. Видя повлажневшие глаза ребят, вожатая не спешит начинать выступления. Молчанием чтут юные ленинцы память героя, отдавшего свою жизнь за дело Ленина. Затем пионеры Нона Заплаткина, Нина Лобусева, Володя Воронин, Равиль Хайрулин горячо говорят в своем стремлении быть похожими на героя, свято продолжать традиции старшего поколения.

Сбор окончен. Пионеры расходятся по домам, унося с собой светлый образ героя. Они пронесут его через всю жизнь, в сияющие дали коммунизма.

В. Черепанов
СОЛДАТ ИЗ КРЕПОСТИ НАД БУГОМ



В поселковом клубе шел фильм «Бессмертный гарнизон» Все зрители в зале были настолько захвачены им, что никто даже не обратил внимания на сидевшего возле двери сухощавого, среднего роста человека. Глаза его были полузакрыты, а сквозь стиснутые зубы судорожно и глухо прорывался не то стон, не то рыдания.

Фильм уже окончился, люди покидали клуб, а человек, словно в каком-то забытьи, продолжал сидеть на месте. В его памяти, как только что на экране, вдруг снова всплыли картины

незабываемого прошлого…

ЭТО НАЧИНАЛОСЬ ТАК

Накануне той страшной ночи рядовой Таранец заступил в наряд. Был, помнится, обычный субботний вечер. После строевой подготовки, учебных занятий бойцы отдыхали, писали домой письма, сражались в шахматы, читали свежие газеты.

Настроение было самое безмятежное. Правда, оно несколько омрачалось последними сообщениями радио и газет.

— Европа в огне… Гитлер прет и прет, — говорили между собой солдаты.

— Но к нам-то не посмеет сунуться!

После отбоя засыпали в предвкушении завтрашнего воскресного дня с его развлечениями, танцами в гарнизонном клубе, футбольным матчем на стадионе, увольнениями в город…

Едва лишь серый рассвет занялся над Бугом, как невероятный грохот сотен рвущихся снарядов и мин потряс старую крепость. Страшное это было пробуждение! Сначала Таранец даже не мог сообразить, что происходит вокруг. Огненный смерч взметывал землю, разрушал здания…

«Европа в огне… — вспомнилось Ивану. — Так вот оно что — война!»

В первые минуты произошло замешательство. Оно еще усиливалось тем, что среди солдат почти никого не оказалось из командного состава — как обычно, накануне воскресенья все средние и старшие командиры ночевали дома со своими семьями. И вот в этот критический момент люди услышали твердый голос:

— Сержанты и старшины — ко мне!

Это был командир 44-го стрелкового полка майор Гаврилов. С первыми же взрывами, оставив дома больную жену и ребенка, он с риском для жизни пробрался в расположение части. Приняв командование над разрозненными группами, он тут же сформировал из них несколько рот и обратился к бойцам с короткой речью, напомнил им о долге перед Родиной и призвал стойко и мужественно сражаться с врагом.

…Почти полтора часа длился непрерывный артиллерийский обстрел и бомбежка с воздуха. Когда, наконец, огонь стих, серая мгла и пыль затмили восход солнца.

Так начиналось утро 22 июня 1941 года.

ПЕРВЫЕ ДНИ И НОЧИ

Враг рассчитывал очень быстро овладеть крепостью. Момент для нападения был выбран удачно — основная часть гарнизона находилась на лагерных учениях. Да и после того шквального огня, который обрушился на крепость, казалось, ничего живого уже не могло остаться. Поэтому понятно, как было взбешено германское командование, когда из всех развалин, фортов и укреплений густые наступающие цепи фашистов встретили организованный, сокрушающий огонь. Штурм продолжался несколько часов подряд. Подступы к западному форту были буквально усеяны трупами гитлеровцев. Это Иван Таранец и его товарищи выполняли свою клятву — умереть, но не сдаваться.

И так было на всех участках цитадели. Застигнутый врасплох, гарнизон, оправившись от первого замешательства, начал упорную, ожесточенную борьбу.

Всю первую ночь Иван Таранец не смыкал глаз — надо было зорко следить, чтобы враг под покровом темноты не подобрался к крепости и не атаковал ее внезапно. Первая ночь прошла относительно спокойно. А с утра все возобновилось с новой силой. После неудачной попытки взять крепость штурмом немецкое командование снова обрушило на нее тонны смертоносного груза. С самолетов были сброшены бочки с бензином. Огромное море огня разлилось по крепости, удушливый дым проник в подземелье.

Люди задыхались, но продолжали сопротивляться. Когда умолкла вражеская артиллерия и противник пошел в новую атаку, Таранец словно прирос к пулемету. Он ничего не видел, кроме этих ненавистных зеленых фигурок, которые с гортанными криками карабкались на земляные валы.

— Вот вам, вот вам, — повторял он в каком-то исступлении, кося их свинцовым дождем. И фашисты, оставив десятки трупов, опрометью бросились назад, стремясь скрыться в зарослях на берегу. А через некоторое время раздался нарастающий гул моторов, и на поляну один за другим выползли танки. Со зловещим ревом они ринулись на валы. Казалось, ничто не может противостоять этим стальным чудовищам. Но как только танки приблизились вплотную, грохнул один взрыв, другой, третий. Это смельчаки, вышедшие из своих укрытий, забрасывали вражеские машины гранатами.

…Лишь поздно вечером, когда прекратились атаки и нервное напряжение несколько спало, Таранец вдруг ощутил слабость во всем теле. Вспомнил, что вот уже двое суток ничего не ел и не пил.

Фронт давно ушел на восток, за сотни километров, а враг, не переставая, бомбил крепость. Перемычки обводных каналов были разрушены, и вода хлынула в подземелье. Не хватало боеприпасов, не было пищи. Люди голодали, превращались в ходячие скелеты. Но никто по-прежнему не выпускал из рук оружия. Даже раненые оставались в строю и, истекая кровью, собрав последние силы, не раз шли в штыковые атаки.

И на какие только ухищрения не пускались фашисты, чтобы сломить дух защитников крепости! Как-то в часы короткой передышки Иван Таранец услышал голос из репродуктора. Обращаясь к осажденным и отмечая их мужество, вражеские пропагандисты доказывали бесполезность сопротивления и предлагали «почетную капитуляцию», обещая всем жизнь, заботливый уход и питание.

В ответ на эту передачу кто-то из бойцов выбросил огромное полотнище, на котором кровью было написано:

«Умрем, но крепости не сдадим».

В ночь на 30 июня, после особенно ожесточенной бомбардировки майор Гаврилов решил предпринять отчаянную попытку прорыва через вражеское кольцо.

Было созвано открытое партийное собрание.

— Кто пойдет на прорыв? — обратился майор к бойцам.

Молча, в каком-то одержимом порыве один за другим поднимались люди, обессилевшими руками как можно крепче сжимая оружие.

Поднялся и Иван Таранец.

— Считайте нас коммунистами, — говорили бойцы, уходившие на прорыв.

В тот вечер все небо было залито багровым светом. Казалось, там тоже вспыхнул гигантский пожар. Отряд приблизился к реке Мухавец. Но едва бойцы вошли в воду, как гитлеровцы открыли по ним огонь.

Немногим удалось спастись. Кое-как перебравшись вплавь через реку, небольшая группа бойцов скрылась в лесу и, выбирая дороги поглуше, направилась туда, где должна была находиться, по их мнению, линия фронта. А позади слышались тяжелые глухие взрывы. Фашисты, видимо, снова бомбили крепость.

«Что с ними будет?» — с болью в сердце думал Иван об оставшихся в крепости товарищах.

Он и не знал, что ему самому судьба готовила новые, не менее жестокие испытания…

В ЛАГЕРЕ СМЕРТИ

Очнувшись, Иван почувствовал острую, режущую боль во всем теле и где-то рядом услышал чужую речь. Страшная мысль обожгла мозг: «Ранен, взят в плен!»

Открыл глаза, попытался приподняться, но тут же со стоном упал обратно.

— Пить! — громко попросил он, ощутив вдруг нестерпимую жажду.

— Тише, браток, тише, — донесся до него чей-то приглушенный шепот. — А то фашисты враз напоят…

Смутно припомнил, что на рассвете их отряд вышел на широкую проселочную дорогу и неожиданно наткнулся на колонну немцев. Хотели укрыться в кустах, но было поздно — фашисты заметили. Стреляя на бегу из автоматов, они окружили обессилевших людей. Дальше Таранец ничего не помнил…

Горсточка уцелевших, но израненных бойцов, захваченная фашистами, была отправлена в лагерь для военнопленных в южный военный городок Бреста. Здесь в бывших танковых манежах, обнесенных тройным рядом колючей проволоки, на цементном полу лежали тысячи таких же, как и он, измученных, ослабевших людей. Сотни людей ежедневно умирали от тифа и ран. Каждое утро фашисты нагружали трупами несколько грузовиков и отправляли их куда-то за город…

Прошло немало времени, прежде чем рана Таранца начала понемногу заживать. Пленный врач, по своей инициативе присматривавший за ним, сказал:

— Будете жить, у вас железный организм.

— А зачем? — горько усмехнулся Таранец. — Чтобы работать на врага?

— Чтобы бороться! — убежденно возразил врач.

Он под большим секретом рассказал Ивану, что на днях привезли из крепости трижды раненного командира. Его захватили в плен, когда он был без сознания. Так этот человек сейчас каждую минуту думает о том, как бы выбраться отсюда и уйти к партизанам.

Вскоре Таранец встретился с ним. Это был лейтенант Матевосян, бывший комсорг полка. От него Иван узнал, что крепость все еще не сдалась и продолжает бороться. А через некоторое время Матевосян и группа бойцов, переодевшись в гражданскую одежду, бежали из лагеря…

Три долгих кошмарных года провел Иван Таранец в гитлеровском плену. Первое время фашисты, уверенные в своей скорой победе, относились к пленным более или менее сносно.

Однажды им дали на обед даже мясо, выдали новое белье, сапоги. Вскоре вся эта необыкновенная щедрость стала понятной. Как-то собрали всех пленных и офицер через переводчика объявил: тот, кто желает служить доблестной Германии, может записаться добровольцем во власовскую армию. Потом на трибуну поднялся другой офицер, тоже в немецкой форме, и заговорил вдруг на чистом русском языке:

— Вы простые солдаты, одурманенные коммунистами… Ваш долг — помочь фюреру уничтожить их…

Когда власовец кончил, из зала раздалось отчетливое и громкое:

— Предатель!

Нет, среди присутствующих не нашлось ни одного человека, который бы согласился запятнать себя черным позором измены Родине.

ПОБЕГ

В плену Иван Таранец не оставлял мысли о побеге. Однако решиться на побег в условиях жесточайшего режима, который царил в лагере, было безумием. Такая возможность представилась лишь тогда, когда фашисты, отобрав группу наиболее крепких и выносливых пленных, отправили их работать на австрийский вагоностроительный завод. В эту группу попал и Таранец. В первые же дни, обманув бдительность охраны, состоявшей из местных жандармов, он и еще двое пленных перемахнули через заводской забор и ушли в лес.

Но побег оказался неудачным. На второй день, когда проходили мимо небольшой деревушки, кто-то из местных жителей заметил их и донес в полицию. Беглецов схватили. На допросе Ивана жестоко избили и, окровавленного, бросили в карцер. В этом каменном мешке, в котором едва можно было повернуться, а не то, чтобы прилечь, он провел 48 дней и ночей. Один раз в сутки гремел железный засов, и охранник ставил перед ним кусок черного хлеба и кружку воды.

… Бежать из плена все-таки удалось. Было это летом 1944 года. Фашисты загнали пленных далеко в горы — рыть канал. Руководившие работами австрийские специалисты и местное население сочувственно относились к пленным.

— Гитлер капут, — негромко сказал однажды пожилой австриец, когда Таранец, толкая доверху нагруженную землей тачку, поравнялся с ним.

Иван поднял глаза: лицо доброе, приветливое. Нет, такой не

может быть провокатором. Позже он узнал, что австрийца звали Робертом Ульманом, что он один из членов местного союза антифашистов. Ульман и его товарищи: Игрент Блюм, Моза, Пега и другие, чьи имена не сохранились в памяти, многое сделали для пленных — они тайком доставляли в лагерь обувь, пищу, табак, сообщали о положении на фронте.

Австрийские патриоты, рискуя собственной жизнью, с готовностью согласились помочь группе бойцов уйти из фашистского плена. Они достали для них гражданскую одежду, разработали наиболее безопасный маршрут побега, запасли продуктов.

Охранялся лагерь не особенно сильно. Видимо, немцы, успокоенные тем, что за последнее время никаких происшествий в лагере не было, считали пленных вполне «благонадежными». И вот в тот момент, когда происходила пересмена часовых, Таранец и его товарищи, осторожно выдавив несколько досок в стене барака, пролезли через отверстие наружу, проползли под колючей проволокой и благополучно скрылись в горах.

В условленном месте их встретил Роберт Ульман со своими друзьями. Прощание было трогательным.

— Мы не забудем вашей самоотверженной помощи, дорогие товарищи! — сказал Иван Таранец и горячо обнял австрийца.

— Фашизм — наш общий враг, и мы всегда с теми, кто борется против него, — ответил Ульман и, подняв вверх сжатый кулак, торжественно добавил: — Рот фронт!

— Рот фронт! — тотчас же тихо, но дружно отозвались остальные австрийцы.

…Много дней и ночей, прячась в зарослях кустарника и оврагах, обходя стороной большие населенные пункты и лишь каким-то чутьем угадывая нужное направление, пробиралась группа пленных на восток, откуда все явственней доносились раскаты орудийных залпов.

К тому времени, сметая фашистскую нечисть, советские войска уже перешли государственную границу и продолжали неудержимо двигаться вперед. И вот на польской земле, в маленьком городке, произошла эта долгожданная встреча…

После плена Иван Таранец с оружием в руках сражался против врага до самой победы.

* * *

…В лесной глуши затерялся поселок Уфимка. Здесь живут и трудятся люди суровой и мужественной профессии — лесорубы.

Среди них вы встретите сухощавого, среднего роста человека, чья выцветшая от времени фотография красуется в самом центре Доски почета на лесоучастке.

Это электрослесарь Иван Степанович Таранец. Демобилизовавшись через год после окончания войны, он приехал на Урал и поступил работать в Уфалейский леспромхоз.

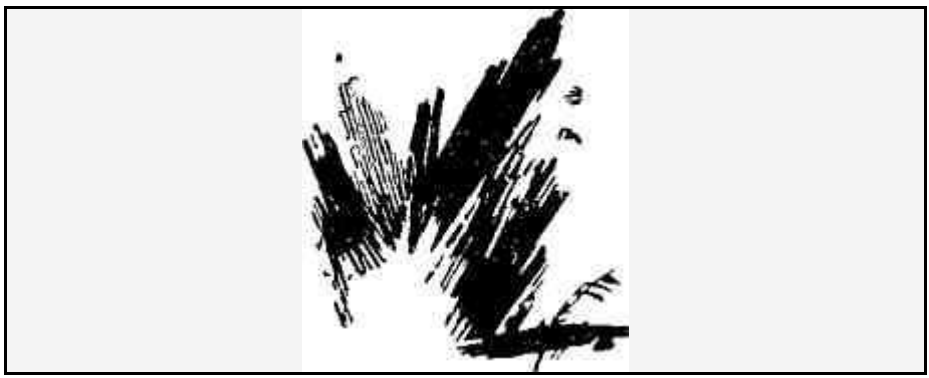
Иван Степанович — уважаемый человек в поселке. Работу свою знает и любит. А она у него беспокойная, ответственная, со временем считаться не приходится. Как-то сломался в лесу тепловоз. Иван Степанович только что приехал из города с профсоюзной конференции, которая затянулась до позднего вечера. Даже минуты не отдохнув, он переоделся и тут же ночью отправился в делянку. Вернулся домой только к утру. Неисправность была устранена…

Долгое время Таранец ничего не знал о судьбе остальных участников Брестской крепости. Лишь когда писатель Сергей Смирнов выступил по радио со своими очерками, героический подвиг бессмертного гарнизона раскрылся до конца. Взволнованный Иван Степанович послал Смирнову письмо, в котором сдержанно и кратко рассказал о своем участии в обороне крепости, просил передать привет оставшимся в живых боевым товарищам.

Ответ пришел из Бреста. Оказалось, там организуется музей обороны Брестской крепости, и сотрудники его, которым писатель переслал письмо, просили Ивана Степановича заполнить анкету и выслать вместе с фотографией.

А вскоре И. С. Таранца вызвали в военкомат и вручили ему правительственную награду — орден Отечественной войны II степени.

Такова судьба одного из немногих оставшихся в живых участников героической обороны Бреста.



Д. Алексеев
НАВЕЧНО В РЯДАХ УРАЛЬЦЕВ

В то утро воины первой роты Н-ской Краснознаменной части рано покинули свой городок. Одни погрузились на бронетранспортеры, другие встали с полной боевой выкладкой на лыжи и тоже двинулись в поле в сторону стрельбища учебного центра.

Впереди большой, волнующий день. Серьезный огневой

экзамен держат нынче молодые солдаты. Задача не из легких. Надо показать, что все они научились одинаково искусно владеть всеми видами стрелкового оружия. За действиями бойцов на огневом рубеже будут наблюдать не только командиры…

Погода радовала. День выдался по-настоящему погожий — безветренный, тихий. Вот взвился на вышке алый флаг. Загремели гулкие выстрелы.

Только что закончил стрельбу рядовой Валерий Кучкин. Он вел огонь из пулемета, установленного на бронетранспортере, по появляющейся мишени и поразил цель во время первого показа.

— Поздравляю! — объявил офицер Анциферов. — Результат каширинский! Отличный результат!

— Спасибо, сынок, — тихо произнесла пожилая женщина в черном крестьянском платке и, пожимая руку солдату-новичку, добавила:

— Вот так и охраняй нашу Родину!

— Буду, Анна Дмитриевна, — взволнованно ответил Валерий Кучкин. — Буду, как сын Ваш, служить Родине.

* * *

…На холме поднимается над тополями и яблонями двухэтажное кирпичное здание школы. У входа в школу первого сентября встречает малышей-первоклашек старейший учитель Александр Григорьевич Чтецов и всякий раз начинает он свой рассказ с воспоминаний об Алеше Каширине. Впервые упомянул старый учитель это имя осенью 1945 года. Много воды утекло с той поры, но и сейчас видится учителю, будто вон там, на предпоследней парте слева, по-прежнему сидит крутолобый юнец, любознательный, смышленый, жадный до каждого нового слова…

* * *

В уральском сосновом бору расположен городок Н-ской Краснознаменной части. В одной из казарм первой в строгом ряду солдатских кроватей стоит безукоризненно заправленная койка. По ночам она свободна и днем никто не приляжет на нее. Над койкой стенд. В центре его — портрет младшего сержанта. И ежедневно на вечерней поверке старшина роты произносит:

— Младший сержант Каширин Алексей Иванович.

В ответ раздается:

— Герой Советского Союза младший сержант Каширин пал

смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины.

Никто из сегодняшних солдат роты не виделся с ним с глазу на глаз, не слышал его живого голоса, не шагал бок о бок на учениях и в походах. Но все равно он дорог и близок каждому воину части. И кажется им, что живет среди живых их товарищ — только ушел он в далекий и почетный караул и остался бессменно стоять там на своем боевом посту…

БЕСПОКОЙНОЕ ДЕТСТВО

Когда Алеша пошел в первый класс, братья его Валентин и Костя чувствовали себя чуть ли не взрослыми. Один ходил в пятый класс, другой — в третий. Огорчался Алексей, что отстал годами, что братья больше знают и умеют, и стремился хоть в чем-нибудь сравняться с ними. Хорошее это было упрямство. Оно заставляло мальчика год от года учиться лучше, серьезнее. На досуге трудно было найти в селе парнишку, более энергичного, шустрого и затейливого.

Первым он был среди мальчишек и тогда, когда за околицей деревни приземлился самолет. Летчик получил задание: покатать лучших колхозников. Такой чести удостоилась и Анна Дмитриевна, мать Алексея. Но в последний момент она не решилась сесть в кабину. Алеша оказался тут как тут:

— А можно мне, за маму? Возьми, дядь!..

…Шло, летело детство. Не было оно для Алексея, как и для тысяч его сверстников, безоблачным и спокойным. Мир нужен был советским людям, как хлеб, как воздух. Но на западе и востоке уже опять дымили пожарища, рвались фугасы, гибли люди. Надвигалась лавина новой войны.

Испания!.. Китай!.. Кто из тогдашних подростков не знал этих слов, не произносил их с восхищением и гордостью? Кто из них не был сердцем и помыслами там, на полях под Бильбао, на подступах к Ханькоу?.. А потом озеро Хасан, Халхин-Гол, война с белофиннами… Гул артиллерийской канонады висел над Карельским перешейком.

Гремели выстрелы и за околицей Алешиного села. Школьники осваивали винтовку, сдавали нормы «ворошиловских стрелков». И лучшими среди них были Каширины — Костя и Алексей.

ШЕЛ ПАРНИШКЕ В ТУ ПОРУ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД…

Грянул июнь 1941 года. Бронированные гитлеровские полчища ринулись на советскую землю. Стервятники со зловещей свастикой на крыльях закружили тучами над чистым небом Родины.

Лейтенант Валентин Каширин — старший брат Алексея — с двадцать второго июня был в огне сражений. Не раз его танк прошивали стальные болванки бронебойных снарядов, языки пламени лизали могучее тело «тридцатьчетверки», но каширинская машина по-прежнему оставалась в строю. В одном из боев Валентин получил тяжелую рану и попал с фронта в далекий тыловой госпиталь.

Тогда же сумел досрочно призваться в армию и Константин. Его направили не куда-нибудь, а в осажденный Ленинград, к бойцам морской пехоты. Константин поспешил поделиться радостью с братом Валентином. Но письмо вернулось назад с пометкой «адресат выбыл». Валентина не стало. Уехав после госпиталя на фронт, он пал смертью храбрых в первом же бою. Тяжело переживала семья гибель Валентина. Алексей завидовал Константину — у того в руках оружие, он может мстить за брата по всем правилам. А что делать ему в тылу?..

Алексей оставил школу, за зиму выучился специальностям кузнеца и шорника, весь отдался работе. Но как ни уставал за день, как ни выбивался из сил в кузне, трудясь за двоих, за троих, все считал — это мелочи. «Там пожарче», — говаривал он часто, мечтая как можно скорее попасть на фронт.

Солдатская страда началась для него еще до того, как надел на себя гимнастерку. Алексей проходил подготовку во всевобуче. По десять-двенадцать часов отрабатывал парнишка в кузне, а после, не отдыхая, шел учиться военному делу. Вот приписное свидетельство допризывника Алексея Каширина. В нем торопливой рукой записано:

> «Прошел 110 часов по общей программе всевобуча и 80 часов по программе бойца-минометчика».

Легко ли такое?

— Ерунда, — подбадривал дружков Алексей. — Над нами пули не свищут. А пот — не кровь…

2 июня 1943 года Алеше исполнилось семнадцать лет, а в ноябре покатил на розвальнях вместе с товарищами-одногодками на призывной пункт. Время было суровое, но шутки не позабылись, не позабылись и песни:

— Эх, как бы дожить бы
До свадьбы-женитьбы

И обнять любимую свою…

неслось по степи. Любимую! А была ли она у Алексея? Не ходил он по селу с гармошкой, не рвал черемуху для подружки, не просиживал ни с кем при луне в ивняке у пруда. Потому и писал потом с фронта: «Привет всем девчонкам» — и только. Лишь однажды на самом краешке солдатского треугольника несмело вывел: «Привет Марусе». А была та Маруся всего-навсего соседкой. Ничего не говорил, ничего не обещал ей Алексей при расставании. Да вот вспомнил. А может, то просто была тоска по родным с детства людям? Как знать?..

А пока сани мчались и мчались. После долго стучали колеса теплушки, мелькали за дверьми полустанки. И летели обратно, до дому письма. Вот одно из них:

> «Доехали хорошо. Выдали продукты: сухари, сахар, сало-шпиг, консервы. Ну, ладно, это все ерунда. Прибыли на место. Кругом лес. Много землянок. Вот и все наше расположение».

…Номер полевой почты третьего своего сына Иван Васильевич Каширин успел заучить на память, но с ответом не спешил. Трудно было решиться сообщить о горе. Но, поразмыслив, сказал жене:

— Слушай, мать, Алексей — солдат теперь. Правду перед ним скрывать незачем. Выдюжит…

> «Лешенька, — сообщил вскоре отец, — потеряли мы Валентина, а теперь и от Кости получили обратно семьдесят рублей, письма все наши и фотокарточки. Товарищи его прислали. Пропал он без вести, из разведки не вернулся…»

Дальше глаза уже ничего не видели. Строчки письма пропали, поблекли… Понял тогда Алексей, что в старшие сыновья вышел, что один теперь должен отплатить врагам за братьев своих.

…Но нет, жив остался Костя.

Их было шестеро. Им было поручено разведать позицию тяжелой батареи гитлеровцев, чьи орудия били снарядами по Ленинграду. На седьмой день боевого задания разведчики нащупали важную цель и вызвали огонь нашей артиллерии. Константин Каширин точно корректировал стрельбу на подавление.

Всполошились фашисты и вскоре запеленговали рацию разведчиков. В облаву по лесу бросились солдаты с овчарками и два броневика.

Четверых друзей Каширина враги настигли в первый же день погони. Костя с радистом ушел. Товарищ был ранен. Трое суток нес его на себе Константин, да не дотянул до своих. Скончался друг. Закопал Каширин его в воронке, в которой заночевали вместе в последний раз, и пошел пробиваться один.

Восемнадцать суток пробыл Каширин в тылу врага, восемнадцать суток караулила его смерть, да не дался ей разведчик морской пехоты. Поохотились за ним гитлеровцы и при переходе линии фронта. Били из минометов, строчили автоматными очередями. Метался боец из стороны в сторону, делал короткие перебежки, пропадал среди кочек замерзшего болота. А перед нашими окопами слег окончательно.

Красноармейцы подползли к нему. С ними был фельдшер. Припав к груди бойца, обрадовал всех: «Жив, но истощен до крайности. И как только сил у него хватило!» Три дня пролежал боец в беспамятстве в штабном блиндаже. Документов при нем не было никаких, кто таков, установить не удалось. Наконец, очнувшись, назвался сам:

— Сержант Каширин. Разведчик артиллерии морской пехоты…

Генерал сразу же связался с моряками.

— Каширин? — ответили те. — Наш! А мы считали…

— Не считайте, — проговорил генерал. — Жив и будет жить.

Быстро дошла счастливая весточка и до Алексея. Отозвался по-военному сдержанно:

> «Рад за Костю. Рад, что он получил вторую награду. Получит и третью. Это уж точно… Мы учимся на сержантов. Скорей бы уж…»

„НАХОЖУСЬ НА ПЕРЕДОВОЙ“

Последняя остановка. Дальше поездам хода нет. Полотно железной дороги впереди разорвано линией фронта. Новички высыпали из теплушек на прифронтовую землю.

Молодых сержантов вышел встречать сам командир части. Беседовал недолго. Ночью наступательный бой. В нем новичкам принимать боевое крещение. Зачитан приказ, кто куда и на какие должности назначен.

Алексей старался держаться как бывалый солдат. Перед

выходом на передовую его «атаковал» работник дивизионной газеты и заставил написать несколько слов для очередного номера.

> «Завтра иду в бой, — твердым почерком вывел Каширин. — Буду драться с врагом так, как повелевает Отчизна — мужественно, стойко, не зная страха».

…Наступление прошло успешно. Часть с ходу овладела крупным населенным пунктом. В нескольких скупых строчках Алексей писал родным о себе:

> «Нахожусь на передовой. Наступали. Взяли город П. Получили благодарность Верховного Главнокомандующего», —

вот и все, что могли узнать родные о первом его бое. А ведь именно тогда и подружилась с ним боевая слава.

…Стреляя на ходу из пулемета, Каширин шел в первых рядах атакующих. За деревней Ауце гитлеровцы оказали упорное сопротивление, а потом перешли в контратаку. На позицию Алексея и его товарищей двигался взвод автоматчиков. Не дрогнул новичок-пулеметчик. Выждав, когда гитлеровцы приблизились, открыл огонь наверняка. Удар оказался ощутимый, и фашисты, теряя убитых, повернули назад.

— Бить фашистов, как Каширин! — крикнул по цепи коммунист Шарапов, и рота поднялась, погнала врага дальше…

Второе письмо с фронта оказалось более подробным.

> «Папанька, — писал Алексей, — мы отрезали фашистов и сейчас добиваем их, сжимаем все у́же и у́же вокруг их горла стальное кольцо окружения. Придет час, когда последний фриц задохнется в нашем кольце».

Смелость, инициатива Каширина сразу были замечены командирами. Ему стали доверять сложные задания. Однажды Алексея назначили в состав штурмовой группы.

Задача предстояла трудная. Нужно было блокировать дом, где засели гитлеровцы, и выкурить их оттуда… Ползли вперед по-пластунски, тщательно маскируясь. Алексею поручено выдвинуться к дому с тыла. Он полз по промерзшей земле и обливался потом. Но сердце не екало боязливо. Каширин отыскивал глазами кочку за кочкой и, укрываясь за ними, пробирался все дальше и дальше.

И вот он на задворках. Старший группы пустил ракету.

Каширин поднялся в рост и бросил гранату в дверь гитлеровского дома. Товарищи ударили по окнам. Уцелевшие враги бросились наутек, но и в бегстве спасения не нашли. Каширин со своим автоматом был начеку.

…Через несколько дней в роту пришел дивизионный фотограф и разыскал Алексея. Как ни упирался Каширин, а пришлось ему скинуть шинель. Наводя на резкость, фотограф больше всего заботился о том, чтобы четко читались слова «За отвагу» на новенькой медали, которую недавно вручили молодому фронтовику.

Тот день был памятен и другим событием. После всех поздравлений Алексей отошел в сторону и, примостившись в нише окопа, достал из кармана листок бумаги. Дежурный пулеметчик покосился на него и, пряча улыбку под рыжеватыми усами, добродушно сказал:

— Пиши, пиши, парень. Порадуй отца с матерью…

И Алексей писал, писал необычно медленно, подолгу задумываясь над каждым словом. Закончив, улыбнулся чему-то, сложил исписанный листок вдвое и побежал к штабным блиндажам. Нет, не почтальона искал Каширин, другого человека — комсорга лейтенанта Шалбаева. Повстречав, протянул листок и тихо произнес: «Прошу разобрать…»

10 января 1945 года младшему сержанту Каширину вручили комсомольский билет. Коротко ответил Алексей на рукопожатие полковника:

— Я знаю, что такое комсомол, и доверие его оправдаю.

НИКТО НЕ ДАВАЛ ПРИКАЗАНИЙ…

На рассвете 23 января солдат разбудила артиллерийская канонада — предвестница нового наступления. А чуть рассвело, ринулись на врага.

Но атака захлебнулась: ожила огневая точка противника. Фашистский пулеметчик, укрывшись в дзоте, вел сильный огонь с рассеиванием по фронту. Пехотинцы залегли. А медлить никак нельзя…

Фашист строчил и строчил. Гибли товарищи… И вдруг все замерли. Воины заметили впереди себя бойца, ползущего по глубокому снегу. Он оторвался от цепи уже метров на пятьдесят. Что задумал смельчак?

Боец полз и полз дальше. Снег мешал ему, но и помогал, укрывая от неприятеля. Продвинувшись вдоль проволочного заграждения, он подобрался к дзоту с правой стороны. Достигнув

цели, приподнялся на колени, пустил в амбразуру автоматную очередь.

Не помогло. Отполз в сторону, изготовился и лежа бросил две гранаты. После их взрыва на какой-то миг воцарилась тишина. Но уцелел и на этот раз проклятый фашист. Опять застрочил по цепи наших стрелков.

Такой наглости нельзя было прощать. Во что бы то ни стало надо заставить замолчать пулемет сейчас же. Но как? Чем? В руках только автомат…

И решился боец на такое, от чего все это время мысленно оберегали его товарищи. Он резко выпрямился и, кинувшись вперед, навалился грудью на амбразуру дзота.

Прозвучало несколько приглушенных выстрелов. Смолкла пулеметная трескотня. И тотчас же могучее «ура» потрясло воздух.

Рота ворвалась в траншеи врага. Группа бойцов отделилась от общей цепи и устремилась к притихшему дзоту. Подняли солдаты смельчака, взглянули с надеждой ему в лицо. Не верилось, что все уже кончено. Прядь волос выбилась из-под ушанки, ветер играл ею, как живой, но губы бойца были намертво сжаты. Расстегнули ватник, гимнастерку, припали к груди. Поздно…

Молча извлекли товарищи из кармана гимнастерки окровавленный комсомольский билет. И пошел он бережно из рук в руки, от командира роты к командиру полка, а от него к начальнику политотдела. Склонил седой полковник голову над комсомольской книжечкой павшего бойца, взял в руки перо и крупными буквами написал наискось по билету:

> «Погиб, как герой. Своим телом заглушил огневую точку врага и обеспечил выполнение задачи роты. Слава комсомольцу Каширину!»

Да, этим героем был Алеша… Алексей Иванович Каширин.

О подвиге юного пехотинца узнал командующий фронтом маршал Советского Союза Л. А. Говоров. Он собственноручно подписал особый наградной лист:

> «…Алексей Каширин, отважный воин-суворовец, повторивший бессмертный подвиг Александра Матросова, пожертвовал своей жизнью во имя победы нашей Родины над немецко-фашистскими захватчиками.
>
> Младший сержант Каширин достоин высшей награды нашей Родины».

И благодарная Родина увековечила имя своего отважного

сына. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1945 года младшему сержанту Алексею Ивановичу Каширину посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

РАПОРТУЮТ НАСЛЕДНИКИ

С войны боевые друзья Каширина вернулись в уральский гарнизон. Но и отсюда не переставали идти письма родным героя.

И вот однажды Анна Дмитриевна получила неожиданно радостное известие о том, что ее сын специальным приказом министра обороны Союза ССР навечно зачислен в списки первой роты родной ему Краснознаменной Н-ской части.

Спустя некоторое время воины пригласили к себе в гости мать Алексея, его брата Константина. Они охотно приняли приглашение. Приезд гостей совпал с проведением зачетных стрельб. После мастерской стрельбы рядового Валерия Кучкина поддался боевому азарту и брат героя Константин Иванович.

— А нельзя ли мне попробовать? — обратился он к командиру. — На фронте частенько приходилось лежать за пулеметом. Проверить надо, не разучился ли…

И вот руки бывшего фронтовика-разведчика привычно легли на боевое оружие. Тщательно прицелившись, Константин Каширин выпустил первую очередь. Небольшой недолет. Умело введя корректуру, еще нажал на спуск, и цель снята.

— Точен прицел, и хватка хороша, — похвалил офицер бывалого сержанта.

К воинам другого подразделения гости пришли, когда командир взвода уже подводил итоги.

— Удачно стреляли? — поинтересовался Константин Иванович.

— А вот взгляните сами, — протянул лейтенант свои записи. — Четверок-то почти и не видно. Пятерки все больше.

— Молодцы! — отозвался Константин Иванович. — И оружие у вас замечательное!

В это время на огневой рубеж прибыло первое отделение первого взвода, в списке которого занесено навечно имя младшего сержанта Алексея Каширина. Право открыть огонь получил отличник боевой и политической подготовки рядовой Юрий Сабуров. Трижды нажал солдат спуск гранатомета и трижды гранаты пробили макет танка точно по центру.

Только на «хорошо» и «отлично» стреляли в тот день воины-каширинцы.

…Вместе с воинами почетные гости были в подразделении на

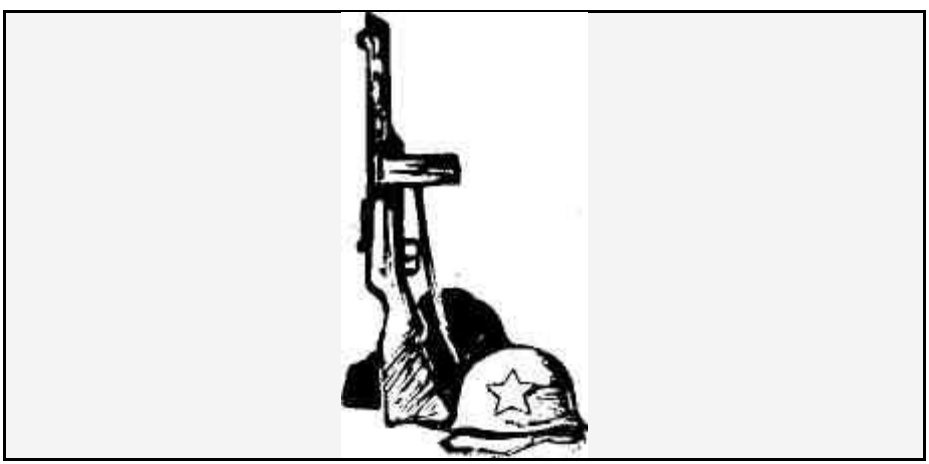
открытом комсомольском собрании. Под горячие аплодисменты воинов офицер Евгений Какаев объявил повестку дня: «Служить Родине так, как служил ей Герой Советского Союза младший сержант Алексей Каширин».

— Дорогая наша мама, — сказал, обращаясь к Анне Дмитриевне, рядовой Цирульник. — Ваш сын служил и служит в нашей роте, и мы во всем стремимся походить на него. Алексей всегда с нами: на стрельбище и в учебном классе, на занятиях в поле и в минуты отдыха. Посмотрите в зал. В каждом взгляде вы увидите любовь и уважение к памяти героя, преданность Отчизне и стремление служить ей так, как служил Алеша Каширин.

Поднялась Анна Дмитриевна. Она краешком черного платка смахнула не вовремя набежавшую слезу.

— Спасибо, родные соколики, за хорошую память о старшем вашем товарище. Служите честно, чтобы ваши матери всегда гордились вами и не краснели перед людьми.

Простые эти слова матери, идущие от самого сердца, свято чтут воины-уральцы.



В. Чернов
ДОБРОВОЛЬЦЫ

В СТА МЕТРАХ ОТ СМЕРТИ

Старые письма, записные книжки, истертые на сгибах военные карты. И среди них книга учета комсомольцев батальона.

Это тоненькая тетрадь из газетной бумаги. В ней сто фамилий. Но за скупыми данными, проставленными против имени каждого комсомольца, сто жизней самых разных, о которых можно сложить легенды.

> «Мельников Николай Гаврилович, 1925 года рождения». В графе «Дата и причина снятия с учета» запись: 14 февраля 1945 года убит в городе Шпроттау, Германия».

Мы жили в землянке рядом с Николаем, ели из одного котелка. Я как-то даже не думал о том, что у него такая прекрасная душа. Поняли это потом, когда его не стало.

…Был жестокий бой. Форсировав Одер, за который гитлеровское командование обещало не пропустить ни одного русского, наши танки устремились на запад и через несколько дней подошли к Шпроттау, тихому, небольшому городку.

Бой, начавшийся где-то на подступах к городу, скоро перекинулся на его окраины, а затем заполыхал на центральных улицах. Улицы и некогда тихие улочки и переулки стали ареной коротких и жестоких схваток. Население спряталось в подвалах и бункерах. И хотя бой еще гремел с прежней силой, может, даже с еще большей ожесточенностью и напряжением, чем раньше, горожане уже сказали свое слово — почти из каждого окна свешивался торопливо прибитый к палке белый флаг.

Несколько «тридцатьчетверок» находилось в резерве командира. Танкисты собрались в большой, хорошо обставленной комнате богатого особняка. Посреди зала стоял рояль. На его поднятой полированной крышке отражались блики горевшего рядом дома. В углу, в кресле, сидел старик — длинный и очень худой. К нему то и дело подходила высокая светловолосая девушка, видимо, его внучка и о чем-то спрашивала. Он кивал головой и ничего не говорил.

В комнату вошел Мельников, радист-пулеметчик. Поздоровался со стариком. Немец посмотрел на него выцветшими серыми глазами и ничего не ответил. Николай подошел к роялю и нажал на клавишу. Высокий звук поплыл по комнате и где-то в углу, у потолка, замер.

— Можно? — спросил Мельников у старика, указывая на рояль.

Немец развел руками. Его жест говорил: здесь теперь вы хозяева, зачем спрашивать.

— Играй, Коля, — сказал кто-то из ребят. — Чего тут с ним разговаривать?

Николай сел за рояль, пробежал пальцами по клавишам. Затем остановился, подумал, и, взмахнув руками, снова побежал по черно-белым косточкам.

Разговор сразу смолк. Небритые, закопченные, пропитанные запахом солярки, пороха и тола, танкисты замерли, слушая музыку. А звуки то взлетали высоко-высоко, то разливались, словно широкая могучая река. Синицын, командир орудия, склонив голову набок, слушал и улыбался. Механик-водитель танка, сержант Подопригора, подперев подбородок кулаками и немного подавшись вперед, устремил взгляд куда-то за окно, где

в сотне шагов гремела канонада и осколки, визжа, проносились где-то высоко над домом. Командир танка лейтенант Нагаев сидел в кресле, откинув голову на спинку и закрыв глаза, внимательно слушал музыку.

О чем думали бойцы? Наверное, о том часе, когда они возвратятся домой и теплой лунной ночью выйдут с любимой к реке, к своему с детства заветному месту и поведают друг другу о суровых долгих годах, как они ждали, боролись, как шли навстречу друг другу, навстречу своему счастью.

Мельников сидел прямо. Он не видел девушки, которая вошла в комнату и остановилась у двери. Удивленно вскинув брови, она слушала «Лунную сонату» великого немецкого композитора в исполнении русского солдата. Зарево от горевшего напротив дома освещало лицо Николая. Это не понравилось девушке, она подошла к окну и опустила штору.

Не знаю, хорошо или плохо играл Мельников, но слушали его мы с таким вниманием, словно перед нами сидел не наш товарищ, а столичный артист, и мы находились не в ста метрах от смерти, а где-то в большом концертном зале.

Николай закончил, опустил руки на клавиши и сидел, о чем-то думая.

— Хорошо, — просто сказала девушка по-русски и подошла к старику. Старик поморщился, но ничего не сказал.

И вдруг раскрылась дверь. В комнату вбежала женщина-немка, за ней Милица Воронова, наша медицинская сестра.

— Хильда… Хильда! — в ужасе кричала немка и царапала себе лицо. — Хильда!..

— Там девочка, — быстро сказала Милица. — На площади девочка.

Мы повскакивали с мест и через минуту уже бежали к последнему дому, за которым начиналась площадь и где по-прежнему гремел бой. Рвались снаряды и мины, трещали пулеметные и автоматные очереди. Это был последний рубеж, который еще удерживали гитлеровцы.

Узкая траншея уходила вперед. Мельников прыгнул в нее и побежал. Мы бежали следом. Мать девочки — за нами.

Траншея огибала дом и упиралась в чугунную тумбу. Николай стоял около нее и разглядывал площадь. Она вся кипела фонтанами поднятой взрывами земли. Свистели пули и осколки. И я не сразу заметил маленькую, лет пяти, девочку, на той стороне площади, метрах в сорока от дома, в котором засели фашисты. Она стояла у разбитой повозки, зажав ручонками лицо, и кричала от страха. Мельников увидел ее раньше нас… Рывком он выбросился из траншеи и, пригнувшись, побежал вперед. Вот

он добежал до середины площади, на миг остановился и бросился к ребенку.

Сзади меня стояла мать девочки. Она плакала и что-то быстро-быстро говорила и бесконечно повторяла: «О, майн гот, майн гот».

Мы, затаив дыхание, наблюдали за Мельниковым, и думали только о нем и девочке.

Мельников перепрыгивал через воронки, ящики, которыми была усеяна вся площадь.

Вот он добежал до девочки, склонился к ней. Она обняла его за шею. Мельников поднял ребенка на руки и пошел назад. Он не бежал, а шел, шел быстро, обходя воронки и ящики.

Мы стояли и молчали, но каждый мысленно торопил его, боялся за него и ребенка, которого он прижимал к своей груди.

Затихший на время бой возобновился с новой силой. Мины стали падать гуще. По Мельникову вели прицельный огонь. Он ускорил шаг. Вот он уже почти рядом.

— О, майн гот! О, майн гот! — шепчет немка одни и те же слова.

И вот он рядом. Николай протягивает руки, чтобы передать нам ребенка.

Я не слышал, как просвистела мина, а увидел только, как за спиной Мельникова поднялся огненно-рыжий фонтан земли. Николай остановился, уронил девочку. Кто-то из танкистов подхватил ее на руки и передал матери. А Николай повернулся назад, точно пытался увидеть того, кто убил его, и повалился на спину…

Мы внесли его в дом. Он лежал на полу и из-под комбинезона вытекала алая струйка крови.

Рядом сидела немка, мать девочки, смотрела в лицо Николая, что-то говорила и плакала. Спасенная Мельниковым Хильда сидела в кресле и непонимающими глазами глядела то на мать, склоненную над солдатом, то на молчаливых чужих людей в черных комбинезонах.

Потом сверху, поддерживаемый белокурой девушкой, еще более сутулясь, спустился старик. Он подошел к лежавшему на полу Мельникову и опустился перед ним на колени. Он долго молча смотрел в лицо русского солдата, ценою своей жизни спасшего чужого ему ребенка. Потом с помощью девушки поднялся и что-то сказал ей.

— Дедушка хочет говорить, — обратилась она к лейтенанту Нагаеву.

— Я много прожил, — сказал старик. — Я не люблю русских. Виноват я в этом или нет — рассудит бог. Может, я ошибался. Но

я преклоняю колени перед страной, воспитавшей таких солдат, которые остались людьми в этой бойне. Остались людьми, несмотря ни на что, — повторил он.

Он постоял минуту, шепча про себя какие-то одному ему понятные слова, а затем повернулся и медленно пошел наверх, поддерживаемый высокой белокурой девушкой.

С ДОНЕСЕНИЕМ

Нас в палате трое раненых: Алексей Молчанов, молодой летчик с простреленными ногами, танкист, весь перепеленатый повязками, и я.

Танкист лежит рядом. У него забинтована голова и только сквозь маленькую щелочку видны обожженные, спекшиеся губы. Вот уже который день он молчит, ничего не ест и только просит пить. Сейчас он спит и во сне тихо стонет.

Мы разговариваем шепотом. Алексей Молчанов рассказывает о своем последнем полете, о прыжке с горящего самолета и гитлеровском летчике, пытавшемся несколько раз поджечь его парашют. Фашист прострелил ему ноги, и сейчас Молчанов лежит в гипсе. Алексей, выразительно жестикулируя руками, во всех подробностях описывает, как это было.

— Пить! — просит сосед.

— Сейчас, родной, — отвечает Молчанов и три раза хлопает в ладоши. Входит сестра в белом шуршащем халате, дает ему воду. Она приподнимает раненому голову, и танкист пьет медленно и долго. Мешают повязки и обожженные, спекшиеся губы. Сестра уходит, но разговор не возобновляется.

— Что же вы замолчали? Рассказывайте… — неожиданно просит танкист.

Это были его первые слова, которые сказал он за последние четыре дня. Молчанов был удивлен и обрадован. Он повернулся в его сторону и даже приподнялся на локте, но боль заставила его опуститься снова на подушку.

— А как зовут тебя, браток? — спросил Молчанов. — И как это ты позволил так себя разукрасить? Тебя, поди, сейчас и мамка родная не узнает?..

Сосед не ответил. Прошла минута-вторая, он словно собирался с мыслями, затем выдохнул:

— Зовите меня Алисьевым, Николаем…

— Старшина Алисьев! — почти выкрикнул я. — Ты жив?!

Алисьев молчал. Молчал долго. Мы смотрели на его голову — огромный белый шар, старались понять, догадаться, о

чем он думает, что собирается сказать. Но белый шар спокойно лежал на подушке.

— Жив… — тихо, с усилием выдавил из себя Алисьев. — А ведь я… — Он снова умолк, словно боясь сказать что-то такое, что все эти дни удерживало его от разговоров с нами. — А ведь я слепой.. Совсем слепой. Навсегда…

Ни в этот, ни в следующие дни Алисьев не проронил больше ни слова, хотя мы несколько раз пытались заставить его заговорить. Он не стонал, как Молчанов, не ругался, не плакал, как иногда случается с тяжело раненными. Он молчал и о чем-то думал, думал. Его здоровая рука то и дело поднималась к лицу, и пальцы легко, словно открытой раны, касались бинтов и дрожали.

В этот вечер я долго не мог уснуть.

Алисьева я знал с полгода. Он прибыл к нам зимой на Сандомирский плацдарм за Вислой перед самым наступлением. И как это часто бывает на фронте, мы быстро с ним подружились, почти с первых дней знакомства. Веселый, общительный, увлекающийся любым, даже не интересным делом, он быстро сходился с людьми и его любили. Невысокого роста, коренастый, лет двадцати пяти, с шапкой густых, чуть вьющихся волос. Он всегда чем-то выделялся среди своих товарищей — и голосом, ровным, спокойным, и уверенной твердой походкой, и разговором, неторопливым, чуть-чуть окающим, и еще глазами, как небо в послеполуденную пору, такими голубыми и бездонными.

Всегда веселый, жизнерадостный, он заражал своим настроением даже тех, кто редко улыбался. Алисьев знал много интересных историй, умел их рассказывать. И не всегда, бывало, сразу поймешь, правду говорит он или шутит.

Как-то сидели мы в лесу, ждали начала атаки. Алисьев заговорил о том дне, когда он вернется домой.

— Приезжаю к себе на родину, — начал Алисьев, чуть прищурив добрые, с хитринкой глаза.

И мне, действительно, показалось тогда, что он уже дома, в родном районе.

— А там Костя, однокашник мой, секретарем. Комсомолом командует. Прихожу к нему в кабинет. Говорю:

— Ну вот, брат, приехал. Принимай!

А Костя, увидев меня, забегал, заволновался.

— Все, что нужно, говорит, сделаю.

— Ты мне отца к телефону вызови.

И вот через весь район звонок. Семена Алисьева к телефону! А я и говорю:

— Вот что, Семен Егорович, к тебе из самой Европы делегат

приехал. Лошадей высылай. Да получше и поскорее! — Отец, конечно, узнал меня, язык заплетаться стал, слова сказать не может.

— И вот я дома. Вечер… Тишина… Иду… И куда бы вы думали я иду?.. Он остановился на минуту, обводит всех хитроватыми, лукавыми глазами, подмигивает. — До Галиночки… Постучу я тихонько в оконце. Хлопнет защелка. Вылетит она, моя Галиночка, радостная, светлая, как само солнце. Встанет, всплеснет руками и скажет только:

— Колька, милый… Приехал!..

Наступает тишина. Каждый думает о чем-то своем, о своей Галиночке…

И не о ней ли думает сейчас старшина, не о том ли, что никогда не увидит своей Галиночки.

…Батальон, в котором мы служили с Алисьевым, прорвав оборону гитлеровцев и совершив рейд в тыл врага, с ходу овладел городом Шпрембергом и железнодорожной станцией.

В течение трех суток батальон удерживал оборону. Немцы бросили против двух десятков «тридцатьчетверок» эсэсовский танковый полк.

До глубокой ночи гремел бой. Вспыхивали, точно гигантские факелы, «тигры» и «фердинанды», захлебывалась одна атака за другой, а гитлеровцы, точно очумев, бросались снова и снова в атаку. Выходили из строя и наши «тридцатьчетверки». Быстро таяли боезапасы. Удерживать оборону становилось все труднее и труднее. За спиной остался мост, который надо было удержать любой ценой. Ради него мы и совершили этот рейд. Бомбы, снаряды и мины кромсали землю. Казалось, здесь не осталось ничего живого. Но стоило немецким танкам или пехоте двинуться вперед, как исковерканная, израненная земля ощетинивалась огнем. И немцы отступали.

Впереди на высоте, где еще утром мы занимали оборону, черными столбами горели танки — немецкие и наши. Столбы дыма медленно покачивались в небе, словно свечи над стальными надгробиями.

Сгустились сумерки. Далеко на горизонте огненными гроздьями взлетали осветительные ракеты. Доносилось глуховатое эхо взрывов. Красноватый отблеск пожара окрашивал краешек низко плывущих туч. Там шел бой. Там свои. Но когда они придут? А до их подхода нужно держать оборону, этот маленький клочок земли и переправу через реку.

Ночью командир батальона капитан Егоров вызвал к себе Алисьева.

— В каком состоянии машина? — спросил он старшину.

— В полном боевом!..

— То есть?..

— То есть, все живы и здоровы, машина на ходу, боекомплект — 16 снарядов: 7 подкалиберных, 9 осколочных и…

— Оставить себе пять — три подкалиберных, два осколочных. Остальные сдашь Полегенькому. К девяти ноль-ноль вот это донесение должно быть в штабе бригады. Поедете втроем — механик, заряжающий и ты. Вопросы есть?

— Есть. Где штаб бригады?

Егоров развернул карту и острием карандаша поставил точку у населенного пункта на востоке от Шпремберга, километрах в двадцати пяти.

— На северо-западной окраине села. Торопись. Скоро начнет светать.

Егоров обнял Алисьева и легко подтолкнул его к двери:

— Иди…

Воспользовавшись предутренним туманом, который поднимался от реки и густой кисеей окутывал низину, танк, незамеченный врагом, проскочил через кольцо фашистских «тигров». А когда солнце поднялось над горизонтом, Алисьев был уже далеко…

А что было потом? Я хотел знать, что случилось с Николаем и его друзьями в пути, по дороге в штаб. Я догадывался, что Алисьев доставил донесение, ибо помощь к нам пришла вовремя, пришла, когда у нас на исходе были последние снаряды.

Но Алисьев молчал и только нервно теребил бинты на голове.

Прошло несколько дней. Однажды вечером в палату зашел врач и сообщил Алисьеву, что завтра его эвакуируют в глубокий тыл. Алисьев молча выслушал это сообщение и ничего не сказал в ответ. А поздним вечером, когда все уснули, он разбудил меня.

— Поговорим? — тихо спросил Алисьев.

Я охотно согласился.

— Как ты думаешь, Галина примет меня? — тихо, но отчетливо выговаривал он каждое слово. И мне показалось, что голос его при имени девушки дрогнул. — Я тогда правду говорил, помнишь, в лесу, перед атакой? Так хотелось жить…

К такому вопросу я не был готов. И что я мог ответить ему? Нас всех где-то кто-то ждал. Одних — крепко, всем сердцем, других просто так или совсем забыли. А Николай хотел знать, как встретит его та, которой верил, к которой стремился все эти годы. У него сейчас было то состояние, которое врачи называют шоком: победит он, Алисьев, — будет жить, а победит страх перед слепотой, а еще больше страх одиночества, и Алисьева не станет, погибнет. Ветхий мостик, перед которым он стоит, нужно перейти

сейчас, потом будет поздно.

Все дни пребывания в госпитале он мучительно решал эту задачу один, и, как видно, не мог осилить. Вот и позвал меня. Я долго молчу, думаю, перебираю факты. А Николай ждет, он даже немножко приподнялся.

— Надо жить. Сейчас это главное. И не просто жить — это каждый может, даже трус. А надо, чтобы твоя жизнь приносила радость другим. Вот чего надо добиться. И тогда Галина не оттолкнет тебя.

— А если…

— Значит, не стоит о ней и думать. Такие и здоровых предают.

— Так, значит, жить!..

Алисьев устало повалился на подушку. Стало тихо, словно и звуки решили прислушаться к тому, о чем сейчас думает Николай. И только Алешка стонал во сне.

— Здоровый черт, а стонет, как девчонка, — неожиданно сказал Алисьев, и мне показалось, что Николай улыбнулся той доброй, приветливой улыбкой, которая заставляла улыбаться других.

Было ясно, Николай не собирался спать. За долгие дни молчания ему впервые захотелось поговорить. Завтра он уедет на восток, в глубокий тыл, и, видимо, ему просто необходимо отвести душу перед новой, еще не изведанной жизнью. А общего у нас много: одни и те же дороги, битвы, фронтовые друзья — живые и мертвые.

Завтра он уедет, а я не узнаю того, что случилось с ним по дороге в штаб. Я спросил его об этом. Он снова умолк, должно быть, вспоминая тот страшный час…

— Все было просто, — начал Николай.

Он говорил медленно, часто останавливался, переводил дыхание. Ему тяжело было говорить. Я это понимал. Он заново переживал все случившееся в то страшное утро, и я боялся, что он замолчит.

— Когда взошло солнце, нам оставалось пройти пять-шесть километров, но повстречались «тигры». Их было много. Десять, пятнадцать — не помню, не считал… Уходить было поздно… Я принял бой… Пока немцы сообразили, в чем дело, два «тигра» уже пылали. Подожгли третий… А когда кончились снаряды, пошли на таран. Но не успели… «Тигры» нас расстреляли. Лизурчик и Ковалев погибли. В горячке я выскочил из танка… Кровь залила глаза. Я бросился бежать. Упал. Поднялся и… услышал вокруг себя голоса людей. Это были немцы. Я выхватил пистолет и стрелял наугад… А когда кончились патроны, вокруг

засмеялись… Да, смеялись, гоготали, как жеребцы. Потом меня допрашивали. Я молчал…

— Что молчишь? — спросил немец по-русски. — Тебе капут, ты блинд, слышишь? Ты блинд, слепой. У тебя нет глаза… Понимаешь, ты, русский!..

Алисьев ждал, что сейчас кто-нибудь из немцев выстрелит ему в лицо или в затылок, и он упадет. Ему стало страшно не потому, что умрет, а потому, что не увидит, как это случится. Он ждал… Во рту пересохло. Его тошнило и мучила жажда. Услышал рядом шаги и насторожился. «Конец», — решил он. Но кто-то сунул ему в руки холодную флягу. Это что: насмешка? Алисьев отвинтил крышку и глотнул холодного, кислого вина.

Послышались лающие слова команд. Зарокотали моторы танков, и «тигры» ушли. Он остался один. Его не тронули, не били, даже не обыскали.

«К своим, только к своим, — решил Алисьев. — Но как и куда идти?» Вокруг кромешная тьма и нужно делать первые шаги. Это были не просто шаги слепого, а шаги боевого задания. Кто знает: может, «тигры» пошли к переправе, которую удерживают его товарищи. И не от него ли сейчас зависит успех задачи? Он может помочь, у него донесение.

Он глотнул вина. Оно было кислое, противное, но все-таки утоляло жажду. А теперь надо идти, во что бы ни стало идти. Но куда? Остановился. Холодный весенний ветерок дул сбоку. Поднявшееся в небо солнце уже хорошо грело, а раны на лице даже обжигало.

«Солнце!» — почти закричал Алисьев. И в его крике было столько радости и надежды, как если бы он увидел его. — Я слышу тебя, солнце, ты поведешь меня…

Он лихорадочно думал: когда взошло солнце, оно было прямо по шоссе. Он помнит: на карте шоссе шло строго на восток, а затем за деревней, у которой его встретили «тигры», оно поворачивало на юг. А там, через пять-шесть километров, будет второе село. Штаб. По шоссе он сейчас не пойдет. Идти надо полем, идти быстро. Это тяжело. Время… Который сейчас час?.. В семь взошло солнце. Через полчаса он вступил в бой. Полчаса длился допрос. Девятый… Нужно торопиться. Бежать!..

Легко сказать «бежать!» Он попытался подняться, но это оказалось не так просто. Он точно прирос к земле. Словно налился свинцом. Глаза, лицо и шея нестерпимо болели. Из ран сочилась кровь.

Николай тяжело встал. Но от боли, потери крови, от того, что не видит земли, от боязни, что ступит не туда, пошатнулся и упал. Во второй раз поднялся увереннее. Встал, распрямился и

поднял к небу лицо. Солнце нашел быстро, лучи его, словно огнем, обожгли пустые глазницы, запекшиеся кровью.

И он пошел… Каждая кочка и неровность земли казались ямами. Он падал, поднимался и снова шел. Временами ему казалось, что он ни за что не дойдет. А донесение? — думал он и снова шел, протянув руки вперед. Через несколько шагов упал. Страшная боль резанула голову, и он потерял сознание…

Нет, это еще не конец. Придя в себя, снова шел и снова, падая, терял сознание. И каждый раз, когда поднимался, распрямлял плечи, поднимал к небу лицо и искал пустыми глазницами солнце, свой ориентир, сверяя его с прохладным, освежающим ветерком.

Он не знал, сколько прошел пути, сколько прошло времени. Его тошнило, кружилась голова. Он шатался, словно пьяный, теряя направление, сбиваясь с пути. Сначала считал шаги, потом сбился и бросил. Если раньше замечал, как вспархивали из-под ног жаворонки и, набирая высоту, заливались трелью, то потом и этого уже ничего не слышал, ни о чем не думал, кроме одного — надо дойти.

А силы покидали его. Он упал и не мог подняться с первой попытки. Обмороки становились все чаще и чаще.

Падая, он стонал от боли, выл от бессильной злобы на себя.

В последний раз, когда прошел несколько шагов, упал и не смог встать, пополз. Полз долго, а потом ему показалось, что ползет не в ту сторону. Алисьев повернулся лицом к солнцу и не почувствовал его. Подняться уже не мог, чтобы определить направление по ветру. Упал ничком на землю и в злобе на себя, на свое бессилие, заплакал, застонал, стал царапать землю.

Его подобрали солдаты. Он лежал в кювете у самой кромки шоссе, за которым начиналось село, где находился штаб бригады.

В сознание Алисьев пришел на носилках. Несли двое и тихо переговаривались. Прислушался: свои или чужие? Солдаты говорили по-русски, называли имена знакомых командиров.

— Стой! — почти крикнул Алисьев.

Солдаты остановились.

— Куда несете?

— Как куда? — удивился передний. — В санбат.

— Заворачивай к штабу. Есть дело…

По дороге встретили командира бригады полковника Фомичева. Алисьев узнал его голос и почти вывалился из носилок. С помощью товарищей он поднялся, выпрямился. Идущие навстречу остановились. Смолк вдруг разговор.

— Откуда, старшина? — спросил Фомичев и положил руку на плечо Алисьеву.

— От комбата первого, капитана Егорова… С донесением…

Алисьев чувствовал, как слабеют ноги, кружится голова, вот-вот он упадет, но, собрав волю, последним усилием расстегнул куртку и вынул из кармана гимнастерки вчетверо сложенный листок бумаги, ради которого он проделал этот долгий и мучительный путь. Но отдать его он уже не мог, не хватило сил…

* * *

— Вот и все, — сказал Алисьев и тяжело вздохнул. — Очнулся я уже здесь, в этой палате.

Мы оба молчали, молчали долго и мне показалось, что Алисьев уснул. Но он неожиданно заговорил снова.

— И так меня этот фриц поганый исковеркал, что не только Галина, но и мать не узнает… Как буду жить? Светит ли солнце, зеленеет ли лес, серебрится ли под луною снег, а для меня все одно и то же — ночь… Окончится война, ты приедешь домой, будешь ухаживать за девушками, женишься на самой красивой, обзаведешься семьей… Будешь радоваться свету, детям, новой счастливой жизни… А я? Никому не нужный чурбан…

Он остановился, с шумом втянул в себя воздух и разом выдохнул его.

Николай говорил, изливал свою душу, выворачивал себя наизнанку, и не было в его словах ни одной светлой тропинки, на которую бы он себя выводил. Он хоронил себя. Я терпеливо слушал: пусть выговорится, изольет свою тоску, свой страх.

Я видел, в каком тяжелом состоянии находится мой друг, мне было жаль его, но я боялся жалостью ранить его. Не жалость ему моя нужна, а совет, умный, твердый, мужской.

— Николай.

Он не слышал меня.

— Николай! — еще громче позвал я его.

Он отозвался.

— Кого ты ругаешь? — спросил я так, словно не слепой был передо мной, а прежний Алисьев, — веселый, жизнерадостный, сильный. — Для кого ты все это говоришь? Для меня? Напрасно. Я этому нисколько ведь не верю. Ведь я знаю тебя, каким ты был.

— Вот именно, был… — перебил он меня.

— И есть. Жалеть я тебя не буду. Ты ведь и сам знаешь, что жалеют слабых, а сильных это оскорбляет. А ты сильный. Ты это доказал своим подвигом, совершить который не каждый сумеет. Ты еще и сам не сознаешь до конца, что ты сделал.

Я посмотрел на Николая. Он лежал, и грудь его тяжело

поднималась и со вздохом опускалась.

О чем он думал? Я знал, что сейчас борются в человеке два Алисьевых: сильный, который совершил подвиг, сделал невозможное, и слабый, испугавшийся слепоты, черной бездны, через которую боится сделать первый шаг.

Молчали долго. Мне даже показалось, что старшина уснул.

— А где сейчас наша бригада? — неожиданно спросил Алисьев. — Поди, на Шпрее фрицев колотит…

Алисьев впервые завел разговор о бригаде. Это меня обрадовало — живой думает о живом.

Говорили о многом. И не было больше в его словах тех похоронных ноток, которыми он начал сегодняшний разговор.

— А Егорова жаль. Смелый был комбат, — пожалел Алисьев, узнав о смерти Егорова и других танкистов в том памятном бою у переправы. — И Татарушкина жаль. Вот не подумал бы, что он и Милица Воронова вызовут огонь на себя.

— А кто бы подумал о том, что ты, слепой, раненый, доставишь донесение в штаб?..

Говорили до утра. Вспоминали бои, живых и погибших боевых друзей, командиров. И чем больше мы говорили, тем все оживленнее становился Алисьев. А утром, когда первые лучи солнца пробились сквозь зашторенные окна и упали на забинтованную голову старшины, Николай почувствовал их и нежно погладил сверкавший зайчик на голове.

— Утро, — сказал он. — Солнышко светит. Открой окно, там ведь уже птицы поют…

* * *

Днем я прощался с Алисьевым. Подруливший прямо к дому самолет забирал тяжелораненых. Среди них был и Николай.

— До свиданья, друг, — сказал он, когда санитары подняли носилки. — Если успеешь, и за меня в Берлине пальни из пушки раз-другой. Ну, бывай!…

Алисьев крепко пожал мне руку.

„ПИОНЕР“ ЗАЩИЩАЕТ РОДИНУ

Давно закончилась война. На месте сожженных городов и сел выросли новые, еще более светлые и красивые. Осыпались и сравнялись с землей окопы и блиндажи, заросли воронки от бомб и снарядов, где когда-то стояли насмерть солдаты, защищая

родную землю. Сейчас о тех днях рассказывают только памятники да холмики одиночных и братских могил.

Широкая асфальтовая лента дороги бежит на юг. Легкий ветерок волнует необозримое море дозревающих хлебов, что раскинулось по обе стороны автострады. У развилки, почти у самой дороги, на сером гранитном пьедестале стоит танк «тридцатьчетверка». Стоит он на том самом месте Орловско-Курской дуги, где летом 1943 года проходила знаменитая танковая битва. Чуть дальше — большое солдатское кладбище. Оно все — в зелени буйно распустившихся кустов акации, молодых тополей, березок, дубков.

У танка — группа школьников. Чуть в стороне — трое мужчин. Ребята внимательно слушают рассказ своего учителя, бывшего фронтовика. Его левый, пустой рукав аккуратно заправлен в карман пиджака, а правой, здоровой рукой он выразительно жестикулирует. Он рассказывает о битве, которая разыгралась здесь два десятка лет назад, о тех, кто своей жизнью остановил полчища гитлеровских танков, дивизии фашистских солдат.

Трое тоже слушают. На груди старшего, высокого пожилого мужчины, два ряда орденских колодок.

— Александр Николаевич, — обратился к учителю маленький вихрастый мальчишка в красном галстуке. — А это не «Пионер» стоит?

— Какой пионер?

— Да вот этот танк. Я читал, есть такая книжка, «Танк «Пионер» она называется. Так в ней рассказывается о танке «Пионер», который воевал здесь летом 1943 года.

— Не знаю, Витя, — ответил учитель. — Я такой книжки не читал. Возможно, что этот тот самый танк…

Высокий, с орденскими колодками человек подошел к ребятам.

— Нет, дети, это не тот танк, — заговорил он. — «Пионера» я знал хорошо. Мы вместе служили в одной бригаде с Бучковским Павлом, командиром экипажа пионерского танка.

— Правильно, Бучковский, — обрадованно подтвердил вихрастый мальчик. — А вас как зовут?

— Меня? Иваном Гавриловичем Шершаковым, — ответил незнакомец. — Но меня в той книжке писатель не вспоминает, — улыбаясь, закончил Шершаков.

И сразу же посыпались вопросы: «Где вы живете? Как сюда приехали? Почему так назвали танк?»

— Приехал я сюда, чтобы поклониться праху моих боевых товарищей, посмотреть, как изменилась вокруг, как расцвела

родная земля, отбитая у врага такой дорогой ценой.

Иван Гаврилович Шершаков прислонился к серому камню гранитного пьедестала. Ребята подвинулись ближе, притихли…

Серые глаза Ивана Гавриловича смотрели вдаль, туда, где на горизонте, сливаясь с небом, колыхалось пшеничное поле.

— У этого танка красивая биография, ребята, — после недолгого молчания заговорил Шершаков. — Начало ее относится к февралю 1943 года.

Великая битва на Волге закончилась победой Советской Армии. Десятки гитлеровских дивизий были разгромлены у стен города-героя. И как бы в ответ на эту замечательную победу трудящиеся Челябинской, Свердловской и Пермской областей обратились в Центральный Комитет партии с письмом. Они писали:

> «Мы берем на себя обязательство отобрать в Уральский добровольческий танковый корпус беззаветно преданных Родине лучших сынов Урала — коммунистов, комсомольцев, беспартийных большевиков. Добровольческий танковый корпус уральцев мы обязуемся вооружить лучшей техникой, танками, самолетами, орудиями, минометами, произведенными сверх производственной программы».

В создании и вооружении Уральского танкового корпуса приняли участие все уральцы — рабочие и колхозники, инженеры и техники, служащие и домохозяйки, студенты и школьники.

Тысячи уральцев подавали заявления с просьбой послать их в танковый корпус. Слесарь Челябинского кожевенного завода Василий Белковец писал в своем заявлении:

> «Фашисты сожгли деревню, где я родился и вырос, убили отца, мать, братьев и сестер. Я хочу с оружием в руках защищать любимую Родину от немецко-фашистских разбойников, хочу отомстить подлым убийцам за кровь и слезы невинных людей, за сожженные города и села».

Мастер-строитель Иван Ларичев обратился в районный комитет партии:

> «Прошу зачислить меня бойцом Уральского добровольческого танкового корпуса. Я клянусь, что все свои силы, все знания, всю кровь своего сердца отдам для победы над лютым врагом моего народа. Клянусь до

последнего дыхания драться за освобождение Советской Родины, которая мне дороже жизни».

Не все смогли попасть в корпус. Из десятков тысяч желающих в Уральский корпус было зачислено только три тысячи человек. Все трудящиеся Урала самоотверженно трудились, выпускали сверхплановую продукцию, вносили свои сбережения в фонд танкового корпуса, на покупку танков, оружия, боеприпасов. Не остались в стороне и школьники. Они начали сбор средств на постройку танка «Пионер». Это было патриотическое движение молодых южноуральцев.

Пионеры и школьники Магнитогорска собрали и перечислили на текущий счет корпуса 150 тысяч рублей. Ученики пятидесятой школы Челябинска собрали одиннадцать тысяч рублей, по семи тысяч рублей внесли на постройку танка «Пионер» ученики восьмой и сорок четвертой школ. Ученик Кизильской школы Юра Бондаренко внес на строительство пионерского танка три тысячи рублей.

Танк был построен на Челябинском тракторном заводе. Делегация пионеров и школьников приняла его и 10 апреля 1943 года вручила воинам-добровольцам Челябинской танковой бригады. На башне танка, с обеих сторон, красивыми белыми буквами было старательно выведено название танка «Пионер». Хозяином его стал комсомольский экипаж лейтенанта Павла Бучковского, молодого отважного офицера-танкиста.

Вот как это происходило.

В тот день комсомольский экипаж поднялся раньше обычного. Еще с вечера были выглажены брюки и гимнастерки, золотом сверкали начищенные пуговицы, блестели сапоги. Радостью светились лица танкистов.

В точно назначенное время (это было около полудня) в лагерь формирования Челябинской танковой бригады приехали пионеры — делегация челябинских школьников.

У танка, в новенькой военной форме с погонами, в танкистских шлемах, выстроился экипаж: высокий и стройный лейтенант Бучковский, командир танка; плотный и широкоплечий сержант Агапов, механик-водитель; молодые и крепкие башнер Русанов и стрелок-радист Фролов.

Напротив, подражая танкистам, в линеечку выстроились пионеры.

Светловолосый, бойкий мальчишка вышел из строя, стал лицом к своим товарищам, четко скомандовал:

— Пионеры! К торжественному вручению нашей боевой машины, танка «Пионер», будьте готовы!

— Всегда готовы! — громко ответили ребята.

Экипаж танка замер по команде «смирно!»

Мальчик подошел к Бучковскому, отдал ему рапорт:

— От имени пионеров и школьников Челябинска вручаем танк «Пионер» лучшему комсомольскому экипажу Челябинской танковой бригады.

Затем пионеры вручили танкистам свой пионерский наказ:

> «Родные наши, славные танкисты лейтенант Бучковский, сержант Агапов, рядовые Фролов и Русанов! Сегодня мы вручаем вам свою боевую машину. Мы купили ее на свои деньги. Помните, братья наши, родной Урал; помните, как ярко по ночам озаряется родное небо: это плавится уральская сталь, это у домен и мартенов несут свою трудовую вахту наши старшие товарищи. Это наши отцы и братья работают для победы! Мы, пионеры и школьники, вручаем вам свой танк и даем наш боевой наказ: пусть под гусеницами танка «Пионер» найдет себе смерть проклятый враг, ворвавшийся на нашу мирную и счастливую землю! Мстите, родные, врагу за растерзанных детей — сверстников наших… А мы здесь не подкачаем. Нужен будет танк — еще купим. А главное — будем хорошо и отлично учиться!»

Пионерский наказ, старательно написанный красивым, ровным почерком в тоненькой школьной тетрадке, ребята передали Бучковскому. Павел долго смотрел на светло-голубую обложку тетрадки, на которой детские ручонки во всех подробностях и деталях нарисовали свой танк с большим красным знаменем на башне. Сколько было вложено в этот рисунок детской непосредственности и ума, любви к воинам, защищающим Родину от врага! Пальцы Павла Бучковского чуть заметно дрожали. Дети внимательно и напряженно смотрели в лицо танкиста-офицера и чего-то ждали. А Бучковский медленно перелистывал странички тетради и о чем-то думал, думал.

— Пионеры, дети наши! — тихо, но четко произнес Бучковский. — Будем беречь вашу машину. Выполним ваш наказ. Клянемся!

— Клянемся! — подтвердили Агапов, Фролов и Русанов.

А через некоторое время уральские добровольцы-танкисты уехали на фронт.

Свое боевое крещение уральские добровольцы приняли на одном из участков Орловско-Курской дуги. Это были жестокие и кровопролитные сражения.

Храбро дрался с врагом экипаж «Пионера». Все бойцы ревностно следили за этой машиной, ибо она была частицей Родины, детей, младших братьев и сестер, оставленных солдатами в родном краю.

Отряд преследования, в состав которого входил и «Пионер», успешно продвигался вперед и с боем овладел Злынью, крупным населенным пунктом на Орловщине. Фашисты ожесточенно бомбили наши танки. Над ними словно повисли немецкие самолеты. Началась ожесточенная бомбардировка. Стало тяжело дышать. Солнце скрылось за тучами пыли и дыма. Но уральцы продолжали наступление. И когда наша пехота остановилась под огнем фашистского танка и минометной батареи, в бой вступил «Пионер».

На окраине села, подожженного фашистами, за одним из горевших домов притаился враг. Командир батальона приказал уничтожить танк врага. Павел Бучковский повел свою машину прямо на горящий дом. До цели оставалось уже метров триста, когда лейтенант увидел, как гитлеровцы выкатили противотанковую пушку, чтобы в упор расстрелять «Пионера». Агапов, механик-водитель, развернул танк и на полной скорости рванулся на пушку. Исход боя решали секунды. Или танк раздавит пушку, или враг в упор расстреляет его.

Танкисты увидели первую вспышку вражеского выстрела еще до того, как танк набрал скорость. Видимо, немецкие артиллеристы нервничали и второпях промазали. Танк развернулся и, развивая скорость, пошел на пушку. Еще секунда-другая и новый выстрел уничтожил бы машину. Но в этот миг «Пионер» смял пушку вместе с расчетом и ринулся на таран танка, который был где-то рядом, с той стороны пылающего дома. Уральский танк оказался лучше, сильнее, крепче хваленой гитлеровской техники, а мужество добровольцев не могло идти ни в какое сравнение с дикой спесью вымуштрованных фашистских головорезов.

В эти дни, когда уральские танкисты в стремительном наступлении продвинулись далеко вперед, освободив не один десяток орловских сел и деревень, они своими глазами увидели звериный облик гитлеровцев.

Это было в Монастырской роще. Отступая, фашисты расстреляли здесь большую группу мирных жителей, более двухсот женщин, стариков, детей. Это была страшная расправа гитлеровских бандитов над беззащитным населением.

На опушке небольшого лесочка у самой дороги ничком лежал ребенок лет пяти-шести. Из его мертвой руки выкатилось красное, выточенное из дерева яйцо. А рядом с мальчиком с зажатым в

руке томиком стихов Пушкина лежала прошитая очередью из автомата девушка-школьница.

Здесь же, на поляне, где несколько часов назад разыгралась страшная трагедия, лейтенант Бучковский зачитал вторично наказ пионеров Челябинска, и танкисты поклялись быть беспощадными в бою, отомстить гитлеровцам за их страшные злодеяния.

— Никакой пощады врагу! Смерть фашистам! — вслед за Бучковским произнесли слова клятвы танкисты.

Танкисты с ходу форсировали реку Орлицу и завязали бой за железнодорожную станцию Шахово. Первым в этом бою шел экипаж танка «Пионер». Наступила ночь. И снова впереди ярко полыхали пожары. Это горели деревни и поля неубранных хлебов, подожженные фашистами. Они торопились сжечь все, ничего живого не оставить на нашей земле. И танки рвались вперед, чтобы сорвать черные планы фашистов.

Лейтенант Бучковский был далеко впереди. А в это время немцы бросили в бой новую танковую дивизию. «Пионер» оказался в тылу врага, окруженный немецкими машинами. Наше наступление временно остановилось. Командир бригады послал на помощь Бучковскому танки. Всю ночь бригада вела бой. Как свечи, горели фашистские «фердинанды» и «пантеры», но к «Пионеру» удалось прорваться только на следующий день.

Почти сутки четверо храбрецов — Бучковский, Агапов, Фролов и Русанов отбивались от окруживших их врагов. Оставались считанные снаряды, на исходе были патроны, а фашисты все бросались и бросались в атаку. И до тех пор, пока у «Пионера» были снаряды и патроны, обожженный, израненный советский танк оставался неприступной крепостью для фашистов. Они видели искалеченную машину, с победными криками бежали к ней. Но атаки захлебывались. «Пионер» встречал врагов смертоносным огнем.

Когда советские танки, разгромив фашистов, прорвались к «Пионеру», он был уже мертв. Гусеницы у танка были порваны, ствол пулемета погнут, броня в нескольких местах пробита, исцарапана пулями и осколками снарядов. Вокруг танка валялись трупы фашистов, четыре разбитых пушки, две минометных батареи, исковерканные пулеметы. На почтительном расстоянии, опустив хоботы пушек к земле, стояли два сожженных танка. Это была работа «Пионера».

В стволе пистолета лейтенанта Бучковского лежала записка. Танкисты писали:

«Дорогие товарищи по оружию! Нам очень тяжело

расставаться с жизнью. Но война есть война, и мы умираем с полным сознанием выполненного долга перед Родиной. Просим вас передать нашим друзьям, подарившим нам боевую машину, что их наказ и свою клятву уральцам мы выполнили. Жаль, что воевали мало. Уничтожайте врага, гоните его на запад без устали, пока мир не будет спасен от фашизма. Мстите врагу.

Бучковский, Агапов, Русанов, Фролов».

Вот и вся короткая, но славная история Челябинского танка и его славного экипажа с гордым именем «Пионер».

С. Оборский
РЕЛИКВИЯ БРАТСТВА

Уважаемые товарищи!

Я получил Ваше письмо. Очень рад, что Вы включаете в сборник очерки Валентина Чернова.

Согласен с Вашим предложением включить в сборник и мой очерк «Реликвия братства», опубликованный в газете «Известия». Для меня это большая честь.

С братским приветом!

Оборский Станислав,

чехословацкий журналист.

Март, 1965 г.
г. Прага.

…В день Первого мая у одного из окон дворца «Коруна» стоял мужчина и смотрел на ликующие колонны пражан, непрерывно движущиеся по Вацлавской площади. Мужчина был глубоко взволнован. Он всматривался в лица людей и, хотя не понимал слов песен, видел в их глазах ту же радость и ту же взволнованность, что владели им. Это был иностранец, однако не чувствовавший себя чужим в древнем городе на берегу Влтавы. В этот день праздника трудящихся каждый из сотен тысяч демонстрантов был ему близок, словно родной брат.

Этот мужчина впервые побывал в Праге в мае 1945 года. Однако начнем рассказ о нем с самого начала. Речь пойдет об одной из самых удивительных историй, которые я знаю.

…Это случилось вскоре после освобождения нашей страны Советской Армией. На пражской площади собрались тысячи трудящихся. Над их головами реяли чехословацкие и советские флаги, однако среди собравшихся царила торжественная тишина. Вдруг тишину нарушил могучий рев мотора, и на гранитный постамент, окруженный со всех сторон людьми, въехал советский танк, первый танк, прибывший на помощь борющейся Праге на рассвете 9 мая 1945 года.

Быть может, тогда никто из участвовавших в этом торжестве не знал его истории. Было лишь известно, что он первым ворвался в Прагу, спас жизнь защитникам баррикад, что на своем пути сокрушал гитлеровцев и прокладывал путь советским воинам и что в неравном бою с превосходящими силами противника он был подожжен. Имена героев, погибших в этом танке, были неизвестны.

Прошли годы… В Праге много памятников большой исторической ценности. Однако танк № 23 для пражан стал самым дорогим символом благодарности и любви чехословацких трудящихся к освободителям республики. Люди приносили сюда цветы, отцы приводили сыновей и рассказывали им о богатырях, спасших жизнь Праге. Пионеры давали перед ним торжественное обещание…

В мае 1960 года в Москве на факультете журналистики МГУ студенты сдавали экзамены. Среди них был уже немолодой человек — челябинский журналист Валентин Чернов. Дни были

напряженные. Экзамен следовал за экзаменом.

Однажды Чернов увидел фотографию в руках своего чехословацкого друга, и у него даже дух захватило. Это была обычная открытка, которыми обыкновенно обмениваются товарищи. Однако Чернов прямо-таки вырвал ее из рук своего друга. На снимке был изображен танк на гранитном постаменте, и на башне танка белел номер «23».

Чернов знал этот танк. На нем он прибыл из Берлина в Прагу. Но действительно ли это тот танк? Чехословацкому другу было известно, что это первый танк, который вошел в Прагу. Он был подожжен гитлеровцами, однако вскоре после освобождения пражские рабочие привели его в боевую готовность и поставили на гранитный пьедестал перед казармой имени Юлиуса Фучика как символ благодарности и любви к освободителям.

Тогда Валентин Чернов пришел ко мне, как к корреспонденту газеты «Руде право» в Москве. После нескольких дней поисков и проверки подтвердилось все, о чем рассказывал Чернов. Валентин написал в нашу газету историю танка № 23. Рассказ бывшего политработника танкового батальона Челябинской танковой бригады Уральского добровольческого танкового корпуса нас очень заинтересовал. Стальной колосс на гранитном постаменте вдруг словно ожил и повел рассказ о героическом подвиге советских людей в борьбе за освобождение народов от фашизма.

Чернов писал о том, как несколько лет назад на площадях уральских городов бойцы давали торжественную присягу своей Родине, своим отцам и матерям, своему родному Уралу, что будут храбро сражаться с врагами. Он писал, как рабочие после двенадцатичасовой рабочей смены изготовляли для Советской Армии танки. И о том, как те же рабочие, строившие боевые машины, сражались в них против гитлеровцев.

Одним из уральских танков был танк № 23. Он первым пересек польскую границу и вступил на территорию Германии.

Одним из первых он появился на берлинских улицах, а в предместье Целендорф его командир Иван Григорьевич Гончаренко и механик Илья Шкловский водрузили на самом большом доме красное знамя. Прямо из Берлина он повернул на Прагу, взывавшую о помощи. Чернов тогда находился на танке № 23.

Они шли в головной колонне батальона. В Крушных горах пробирались через дороги, по которым могли пройти лишь пешеходы. Сметая с пути гитлеровцев, спешили в Прагу. В ночь на 9 мая они подъезжали к Праге. Над Старым Местом к небу зловеще поднималась алая полоса. Гончаренко приказал Шкловскому дать полный газ. Однако мотор и так работал на

полные обороты. Но всем казалось, что танк движется медленно.

И все-таки на рассвете под гусеницами танка загрохотала пражская мостовая. На мосту была уничтожена группа гитлеровцев, атаковавших «немую баррикаду». У ее защитников кончились боеприпасы. Потом танк, расчищая улицы, направился в центр города. Однако на одной из площадей он встретился с гитлеровцами, которые из подвалов домов забросали танк гранатами. Тогда с машины соскочил с автоматом Чернов и открыл огонь по врагам, засевшим в подвалах. Гончаренко одним выстрелом разбил гитлеровскую пушку. Шкловский, ловко маневрируя, защищал Чернова от пуль врага. Но численное превосходство было на стороне врагов. И здесь случилось неожиданное. Чернов нажал спуск автомата, но выстрела не последовало. В тот же момент он увидел языки пламени над башней. Танк горел.

Только четырнадцать дней спустя в военном госпитале Чернов узнал о том, что Гончаренко погиб в подожженном танке. Выздоровев, Чернов демобилизовался и вернулся на Урал.

В 1963 году на первомайские торжества Валентин Чернов приехал в Прагу по приглашению чехословацких друзей. И первое, что он сделал, это, конечно, посетил памятник, на постаменте которого стоит танк № 23. Осмотрев его, он увидел, что мы держим его в боевой готовности. Танк № 23 в любое время может покинуть свой гранитный постамент и снова ринуться в бой с врагами, ибо для нас он не только памятник. Он — наше оружие в борьбе со всеми, кто хотел бы посягнуть на нашу свободу. С площади Валентин Чернов направился на Ольшанское кладбище искать могилу своего друга — Ивана Гончаренко. Он покоится под красной звездой рядом с теми, кто отдал жизнь за освобождение Чехословацкой Социалистической Республики. Валентин Чернов убедился в том, что чехословацкий народ с благодарностью чтит память павших героев.

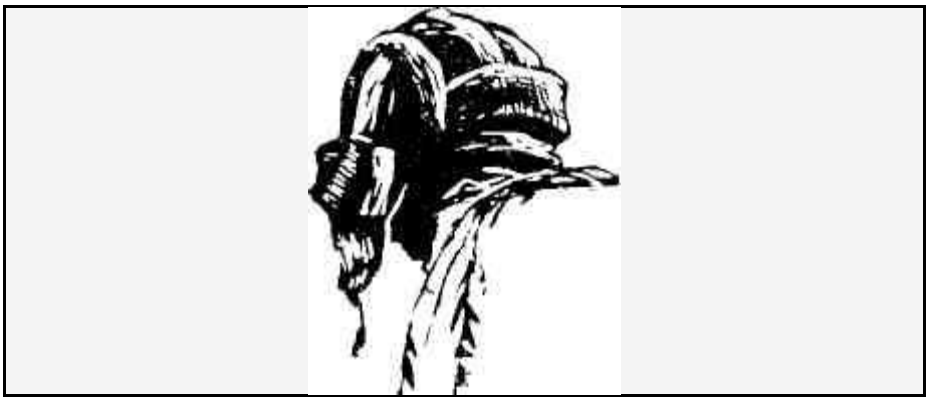
Однако не ради этого я пишу об этой удивительной истории. Бывший советский воин Валентин Чернов, один из освободителей Праги, в день Первого мая наблюдал за ликующей демонстрацией пражан. Он видел над их головами развевающиеся красные знамена. Он слушал могучие приветствия тысячи пражан в адрес Советского Союза. Он мог прочитать на транспарантах слова, выражающие решительную волю чехословацких трудящихся завершить строительство социализма в ЧССР.

Думаю, что все это несколько облегчило его страдания, которые он пережил над могилами своих боевых товарищей. Именно поэтому я написал эту правдивую историю о танке № 23. В День Победы советские семьи с болью вспоминают о своих

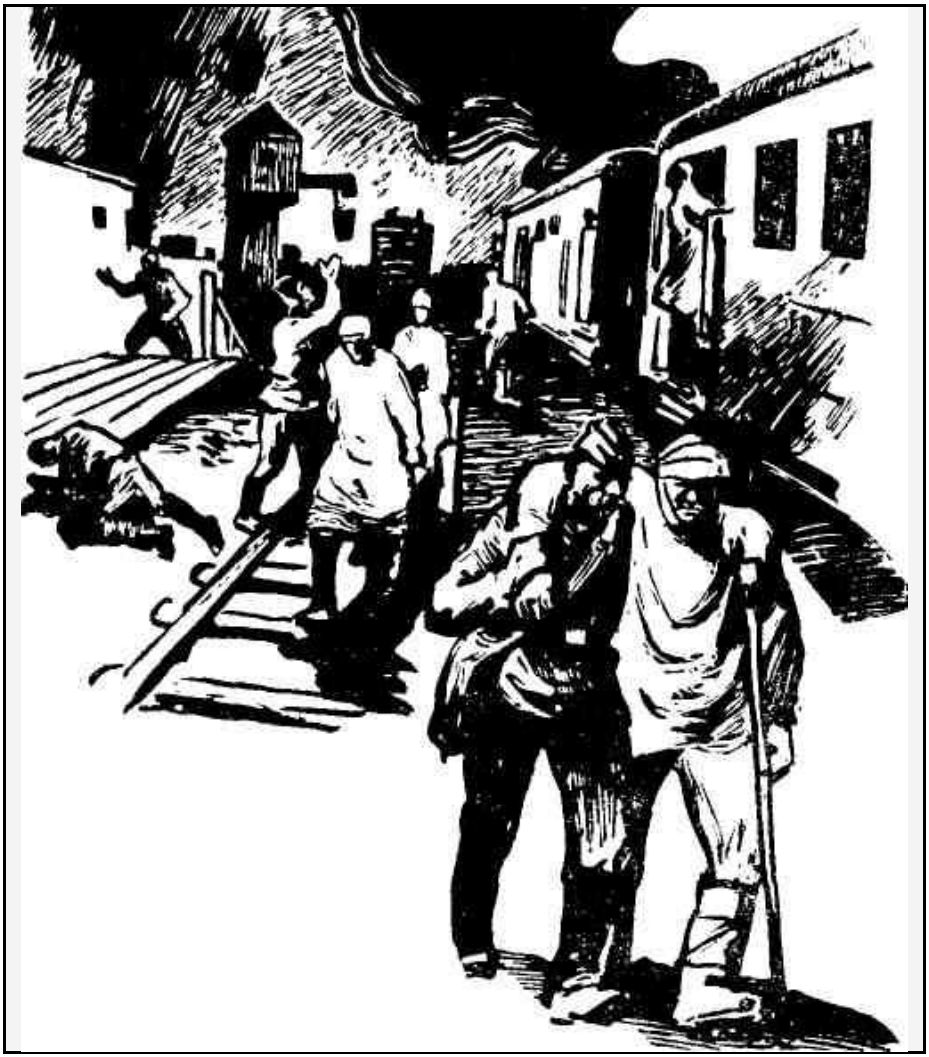
отцах, сыновьях, братьях, дочерях, павших на поле битвы. Мне очень хотелось, чтобы они знали о том, в чем убедился Валентин Чернов. Те, кто пал, не отдали свою жизнь напрасно!

Валентин Чернов проехал по тому же пути, который он проделал вместе со своим танком № 23 в мае 1945 года. Мы показали ему, как вместо узких полос земли крестьян-единоличников вокруг наших сел раскинулись широкие кооперативные поля. Мы показали ему новые заводы, построенные после войны.

Нет, мы не хвалились. Мы отчитывались перед Валентином Черновым, как перед одним из советских людей, которые ценою больших жертв помогли нам распахнуть двери в новую жизнь.



Б. Мацевич
МАЙОР МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ СОКОЛОВ



…Молодой человек, которого предстояло оперировать, еще два часа назад был вполне здоров. Купил папиросы, вышел из магазина. Он спешил на свидание к любимой девушке. Но свидание не состоялось. При выходе из магазина случилось несчастье: сердце на какую-то долю минуты остановилось, парень потерял сознание. И вот теперь он лежит на операционном столе.

Готовясь к операции, хирург М. И. Соколов думал, мучительно думал. Имеет ли он право рисковать, удастся ли вернуть юноше жизнь? Ведь это в практике Марка Иосифовича первая операция на сердце!

Операция на сердце… Еще недавно сердце было запретной зоной для врача, никто не смел дотрагиваться до него. А теперь? Идут вести об удачных сложнейших операциях из Москвы, Ленинграда, Киева и других крупных городов. Советские врачи дерзнули нарушить извечный запрет. «Да, но Киев не Златоуст, а ты не Амосов», — подсказывал какой-то внутренний голос. Но тут же он вступал с этим голосом в спор. Да, трудно делать первую операцию. А вспомни фронт. Разве там было легко? Ведь тогда делали сложнейшие операции в области грудной клетки, живота, головы. Делали, не имея никакого опыта. И в памяти Соколова всплыли те многотрудные военные годы.

Осень 1942 года. Гитлеровские орды стремятся во что бы то ни стало захватить Сталинград. Идет бой за каждую улицу, за каждый дом, за каждый этаж. Город превратился в крепость. Вспоминается полный драматизма лозунг тех дней: «Советский воин! Позади Волга, дальше отступать некуда!» И люди стояли насмерть.

Через руки ведущего хирурга госпиталя майора Соколова проходили сотни раненых. Лица менялись, как в калейдоскопе. Он никого из них не знал. Но эти люди, с закопченными от порохового дыма лицами, искалеченные, были дороги ему, ибо это были наши, советские воины, героические защитники Родины. Каждая удачная операция — это возвращенный к жизни человек, это радость врача. Значит, держи крепко скальпель в руке, делай свое великое гуманное дело, хирург!

Война… Она постучалась в дверь хирурга Соколова, как и миллионов других советских людей, нежданно-негаданно. Первый бомбовый удар обрушился на Даугавпилс ранним утром 22 июня 1941 года. Земля содрогалась от взрывов. Город горел, рушились дома. Не замолкала артиллерийская канонада. Враг был рядом. Срочно принимается решение: выезжать из города, эвакуировать раненых. И вот все раненые из госпиталя вывезены, погружены в теплушки, которые кое-как удалось собрать на станции. Последними идут на станцию начальник госпиталя, комиссар, врачи. За рекой Даугава слышен лязг гусениц, рев танковых моторов. Надо спешить. И вдруг военврач второго ранга Соколов вспомнил: инструментарий, весь инструмент остался в госпитале! «Какой же я хирург без инструмента?!» — подумал он. И Соколов бросился бежать назад, в госпиталь.

— Соколов, куда вы?! — крикнул начальник госпиталя. Но

тот даже не обернулся, только махнул рукой и побежал еще быстрее. Влетел в операционную, с ходу сгреб весь инструментарий и бросил в простыню, лежавшую на операционном столе. Завязал простыню узлами крест-накрест, перебросил ношу за спину и вдогонку за остальными.

Так для хирурга М. И. Соколова, работавшего когда-то в далеком уральском городе Златоусте, началась война. В тот день были сделаны первые километры по длинным многотрудным фронтовым дорогам. Тула, Калуга, Дон, Волга… Горечь отступления, неисчислимых потерь. Но хирург должен быть тверд и спокоен: с плохими нервами за операционным столом стоять нельзя. И он работал, не зная усталости, не жалея себя. Приходилось не только стоять у операционного стола, но и следить за послеоперационным состоянием раненых, за их своевременной эвакуацией в тыл.

— Главная трудность состояла в том, — рассказывает Марк Иосифович, — что мы плохо знали военно-полевую хирургию. И нам приходилось учиться в процессе работы.

Да, опыт приобретался в дни напряженнейшего труда. Хирургу никогда нельзя ошибаться, ибо малейшая ошибка стоит иногда человеческой жизни. И те трудные дни ожесточенных сражений у стен волжской твердыни были днями поисков, творческих раздумий, напряженного труда.

Вот запись из дневника Соколова. Она датирована 23 ноября 1942 года.

> «Очень трудно примириться с таким количеством ампутированных. Сейчас лежат в одной палате сплошь все с ампутированными бедрами (27 человек). Но как быть? Поступают такие тяжелые, что самый консервативный человек будет ампутировать…».

Лишить человека ноги? Нет, с этим не может мириться совесть советского хирурга. Надо бороться не только за жизнь, но думать о человеке, каким он останется жить, какую судьбу определит для него хирург?

Вот лежит сержант Бондаренко. Тяжелое ранение в бедро. Казалось, сделано все, чтобы спасти ногу. И все-таки человек не перестает температурить. Этот сержант, вернее, его нога, не дает покоя Соколову. Чтобы он ни делал и где бы ни был, он думает о нем. Товарищи предлагают резать. С одной стороны, они правы: чтобы спасти жизнь человека, надо ампутировать. Но человек без ноги — это же неполноценный человек! Нет, он должен спасти ногу, не превращать молодого здорового парня в калеку на всю жизнь.

— Очень важно создать покой раненой конечности, — говорит Марк Иосифович. — А на фронте, сами понимаете, это очень трудно сделать. Трудно, но необходимо. И тут мы вспомнили Н. И. Пирогова — основоположника военно-полевой хирургии. Еще в 1854 году, в дни обороны Севастополя, Николай Иванович предложил и ввел в практику неподвижную гипсовую повязку. Такая повязка дает наибольший покой.

Конечно, были противники глухой гипсовой повязки. Но на стороне Соколова — главный хирург армии П. Н. Напалков и другие крупные специалисты.

Марку Иосифовичу снова говорят о Бондаренко: температура поднимается, надо ампутировать ногу.

— Нет, не будем ампутировать, — решительно возражает Соколов. — Сделать Бондаренко круговую гипсовую повязку!

Через некоторое время температура упала до нормы. Проходят еще сутки. Температура в норме. Можно сказать, что гипс спас Бондаренко ногу. Рад хирург, и он спешит сообщить об этом раненому.

— Скоро будешь плясать на обеих, товарищ сержант!

Бондаренко с благодарностью смотрит на Соколова. В глазах слезы:

— Спасибо, товарищ майор!

Отчетливо живут в памяти те дни. Часто навещал госпиталь главный хирург фронта Еланский. Придирчиво осматривал все, беседовал с ранеными и всегда удивлялся: как это Соколов со своими помощниками умудряется справляться с делами? И сложных операций много, и смертность ниже, чем в других госпиталях. И удивляться было чему. Среди помощников Соколова хирургов — раз-два и обчелся. Большинство врачей — это вчерашние терапевты, гинекологи, невропатологи.

— Какие это были замечательные люди, как быстро они освоили хирургию! — говорит Марк Иосифович. С теплотой рассказывает оно Рубине, Власове, Орлове…

Рудольф Йонасович Рубин родом из Станислава (Западная Украина). В первую мировую войну служил в австро-венгерской армии офицером-артиллеристом. А тянуло к медицине. После окончания войны поступил на медицинский факультет Венского университета. Затем работал в Станиславе врачом патологоанатомом.

После освобождения Западной Украины в 1939 году Рубин стал советским гражданином. В начале войны мобилизован в армию и попал в госпиталь, где работал Соколов.

— Как видите, — говорит Марк Иосифович, — человек, можно сказать, не нюхал хирургии. А ведь стал блестящим

военным хирургом. Сейчас он заслуженный врач Украинской ССР. По-прежнему живет в Станиславе, работает терапевтом.

Марк Иосифович занимается научной работой. Свободные часы отдает сбору и систематизации материалов по полевой хирургии. Выступает на хирургических конференциях с докладами, пишет статьи. Вот журнал «Военно-санитарное дело» за 1942 год. В нем статья М. И. Соколова «Лечение анаэробной инфекции» (газовой гангрены — ред.). В ней изложен опыт борьбы с этой страшной болезнью.

Еще на Сталинградском фронте была проведена специализация госпиталей. Госпиталь, в котором работал Соколов, принимал и лечил раненных в голову, грудь и живот. Это — наиболее сложная область хирургии. С раненными в грудь до второй мировой войны вообще не очень умели обращаться. Приходилось идти непроторенной дорожкой, прокладывать новые пути.

Группа передовых советских хирургов разработала единую методику оперирования и лечения раненного в грудь, от пункта оказания первой помощи до тылового госпиталя. Применение этой методики позволяло сократить период лечения, облегчить состояние раненого.

Одним из активных сторонников новой методики был Соколов. Он отстаивал ее и настойчиво проводил в жизнь. На его труды в этой области ссылается профессор Либов в девятом томе «Опыта советской медицины в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

Я прошу доктора Соколова рассказать о наиболее выдающемся из своей фронтовой жизни. Но он считает, что ничего выдающегося не совершил.

— Ведь мы в атаки не ходили, ничего героического не совершали. Каждый из нас делал свое дело, старался делать как можно лучше. Конечно, были и определенные трудности.

«Определенные трудности…» Что же Соколов подразумевает под этими будничными словами? Может быть, это?

Я снова обращаюсь к дневнику. Вот запись, сделанная 4 июля 1943 года. Напомню лишь, что это — время знаменитой битвы на Курской дуге, и госпиталь, в котором работал Соколов, находился где-то на южном выступе дуги.

> «Госпиталь задыхается от раненых. Прошло около семи тысяч раненых. Спать приходится в среднем по три часа, через сутки».

Марк Иосифович улыбается:

— На то она и война.

А в памяти снова всплывают те дни. Идет жестокая битва. Раненых везут и везут. Ведущий хирург стоит между двумя операционными столами. Пока он оперирует на одном, на другом готовят очередного раненого. Кончил операцию на одном столе, повернулся на 180 градусов и начинает на другом. И так день за днем, ночь за ночью, пять суток подряд.

Чтобы не уснуть и не свалиться с ног, принимал тонизирующее средство. От длительного и непрерывного стояния ноги отекли. Пришлось снять ботинки и обуть тапочки. Потом стали жать тапочки, пришлось и их сбросить и стоять босиком.

А вот еще запись:

> «В Валуйках получили полное «удовольствие». 23 самолета в три захода бомбили наш эшелон. Подожгли пять вагонов…»

Или эта:

> «Переехали в Мерефу (город под Харьковом — ред.). Немцы еще в четырех километрах…»

Город разбит, ни одного сколько-нибудь подходящего для госпиталя помещения. Развернулись в школьном дворе. Почти весь госпиталь, и операционная в том числе, в палатках. Только одно здание — оно отдано тяжело раненным в голову.

На операционном столе тяжело раненный в живот солдат. Он под общим наркозом. Сложная операция в самом разгаре. Оперирует М. И. Соколов. И вдруг оглушительный взрыв. Свет погас.

Ночь, темень. Операция не закончена: хирург так и остался стоять со скальпелем в правой руке. Что делать? И вот кто-то из санитаров вбегает в палатку с горящей керосиновой лампой в руках. Моментальная вспышка. Загорается палатка. Это вспыхнул эфир, которым усыпляют оперируемых.

Все бросились тушить пожар. А время неумолимо отсчитывает минуты. Раненый лежит на столе с открытой полостью живота. Начинает «просыпаться». Серьезная опасность нависла над человеком.

— Нужен свет, — раздался в темноте голос ведущего хирурга. — Какой-нибудь электрический фонарик!

Кто-то выбежал из палатки и тут же вернулся с карманным электрическим фонариком в руках. Операция продолжалась.

Великий немецкий поэт Гете говорил, что хирургия — это высшая степень искусства. Но во сколько раз она становится еще большим искусством, когда приходится делать сложные операции

под аккомпанемент взрывов артиллерийских снарядов, авиационных бомб и мин. А ведь именно в такой обстановке приходилось делать свое нелегкое дело военным хирургам.

Но это еще не последнее испытание в Мерефе. В ту же ночь загорелся корпус, где лежали тяжело раненные в голову. Здание сгорело дотла, но всех раненых, до одного, вынесли, спасли.

Марк Иосифович и это считает обыденным делом. Я имею в виду две лаконичные записи, относящиеся к августу 1944 года.

> «20 августа. Взяты Яссы. Грохотало, как под Сталинградом». «Вот уже 29-е, а я не выходил еще за ворота госпиталя. Ноги опухли. Имеем уже 500 раненых всех профилей! Обещают дать еще и еще…»

Передо мной краткий исторический очерк «Три года полевого хирургического госпиталя № 2409». Написан очерк майором медицинской службы М. И. Соколовым. Это рассказ о славном боевом пути, пройденном маленьким коллективом советских медиков. От села Волчья-Александровка, через Веселое, Мерефу, через Ново-Стародуб и Ново-Украинку на правом берегу Днепра госпиталь 1 мая 1944 года пересек государственную границу СССР и 15 мая развернулся на территории Румынии недалеко от реки Серет. Здесь и отметил он свое трехлетие.

За три года госпиталь передислоцировался 43 раза. Пройдено 4646 километров. Обслужено более 32 тысяч раненых и больных. Какой героический подвиг скрывается за этими цифрами! А впереди еще год войны, многие сотни километров трудных фронтовых дорог через Румынию, Венгрию, Чехословакию. И новые сотни спасенных жизней.

Друг и товарищ Соколова, златоустовский хирург, кандидат медицинских наук Ю. Б. Багров прислал ему на фронт стихи:

Мы не ходим в атаку
С винтовкой, с клинком,
Не деремся насмерть
С озверелым врагом.
Мы не рубим поганых
Фашистских голов,
Но на подвиг и смерть
Из нас каждый готов!

Может быть, литературное достоинство этих стихов и не велико. Но они точно выражали чувства и мысли советских людей в годы войны. Их по праву мог бы произнести и военный хирург

М. И. Соколов, который «не ходил в атаку» на врагов, но не раз смело и решительно атаковывал смерть и в поединке с ней выходил победителем. Его подвиг отмечен орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красного Знамени и медалями. Достойная награда!

…И вот снова родной Урал. Златоуст. Мирная жизнь. Мирная, но отнюдь не спокойная. Соколов и не искал спокойной жизни: не такой он по натуре, чтобы сидеть сложа руки и пожинать лавры военных лет.

Совершенствовать методы лечения, искать новые средства хирургического вмешательства. Восстанавливать здоровье людей, возвращать их в строй активных строителей коммунизма — такова цель, к которой стремится бывший военный хирург. Конечно, опыт военных лет не прошел даром, он пригодился.

Первая в Златоусте операция на пищеводе и одна из первых в области. Никто еще из златоустовских хирургов не осмеливался добраться до сердца. А Соколов дерзнул это сделать. Первая, вторая, третья… операции на сердце. Годы творческого труда отмечены правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Еще несколько лет назад резекция (удаление части органа) желудка считалась сложной операцией. Она была уделом лишь самых опытных хирургов. А теперь эта операция стала общедоступной. И «виноват» в этом доктор Соколов.

Многие годы Марк Иосифович искал путь, чтобы упростить и обезопасить операцию, чтобы ее могли делать не только в большой клинике, но и в сельской больнице. Творческий поиск увенчался успехом. На базе уже известных инструментов он создал оригинальный инструмент — гофрирующий жом. Первые опытные экземпляры изготовил своими руками, по своим эскизам.

Жом доктора Соколова позволяет герметически закрывать соединяемые органы до окончания процесса сшивания. Исключается возможность загрязнения операционного поля. Таким образом, операция упрощается и становится доступной молодым хирургам. Применение жома в сочетании со сшивающими аппаратами позволяет также в значительной мере ускорить операцию.

Новым инструментом пользуются все хирурги Златоуста. Сделаны сотни операций, в том числе и молодыми начинающими врачами.

Высокую оценку новому методу резекции желудка дали профессор Челябинского медицинского института И. Д. Корабельников, хирурги Челябинского онкологического

диспансера и других лечебных учреждений области. Гофрирующим жомом пользуются в клинике профессора Корабельникова, в онкологическом диспансере, в больницах Аши, Миасса, Троицка и других городов.

По приглашению научно-исследовательского института экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов Марк Иосифович выезжал в Москву, где выступил с докладом о применении гофрирующего жома. Об этом же он рассказал на конференции Челябинского научного хирургического общества, на межобластной конференции хирургов Урала и Сибири. Статья «Герметический способ резекции желудка и кишок» доктора Соколова напечатана в первом номере ленинградского журнала «Вестник хирургии» за 1963 год.

Методика Соколова получила широкое признание. Профессор Г. Д. Образцов пишет М. И. Соколову:

> «Вы поразили меня низким процентом летальности (смертности, ред.) при резекциях желудка по Вашей методике. Это — настоящее достижение!»

— Это наш учитель, — говорят о Соколове хирурги Е. В. Серафимов, А. И. Бабушкин, Р. Г. Даушев, М. И. Куколева. А Соколов в свою очередь гордится своими учениками. Надежная смена. Операции приходится делать самому все реже, разве только самые сложные, самые ответственные.

…Лыжня проложена по склону горы Уреньга. Здесь любимое место отдыха. Вот и сегодня Соколов пришел сюда. Плавно скользят лыжи. Человек полной грудью вдыхает янтарный, настоенный на хвое воздух. Хорошо!

Вдруг Соколов затормозил. По-новому ему увиделся вон тот уголок природы. Стоит, пожалуй, щелкнуть. Красивый пейзаж выйдет. И он фотографирует, снимает несколько кадров.

Любовь к природе, к родному краю. Она отражена в сотнях фотографий. Лучшие из них украшают стены дома. Может быть, и сегодняшняя фотография — удача, и он по-мальчишески задорно скажет жене:

— Смотри-ка, Наталья Ивановна, какой пейзажик получился…

А вечером — за рабочим столом. То за чтением книги или журнала, то за составлением доклада. А то отбросит все медицинские дела и займется лодкой или мотором к ней. В прошлом году купил складную дюралюминиевую лодку. Приделал к ней сиденья. Своими руками собрал по частям мотор. И сейчас, когда в воздухе запахло весной и когда не за горами весенне-летний рыболовный сезон, Соколов снова взялся за

лодку.

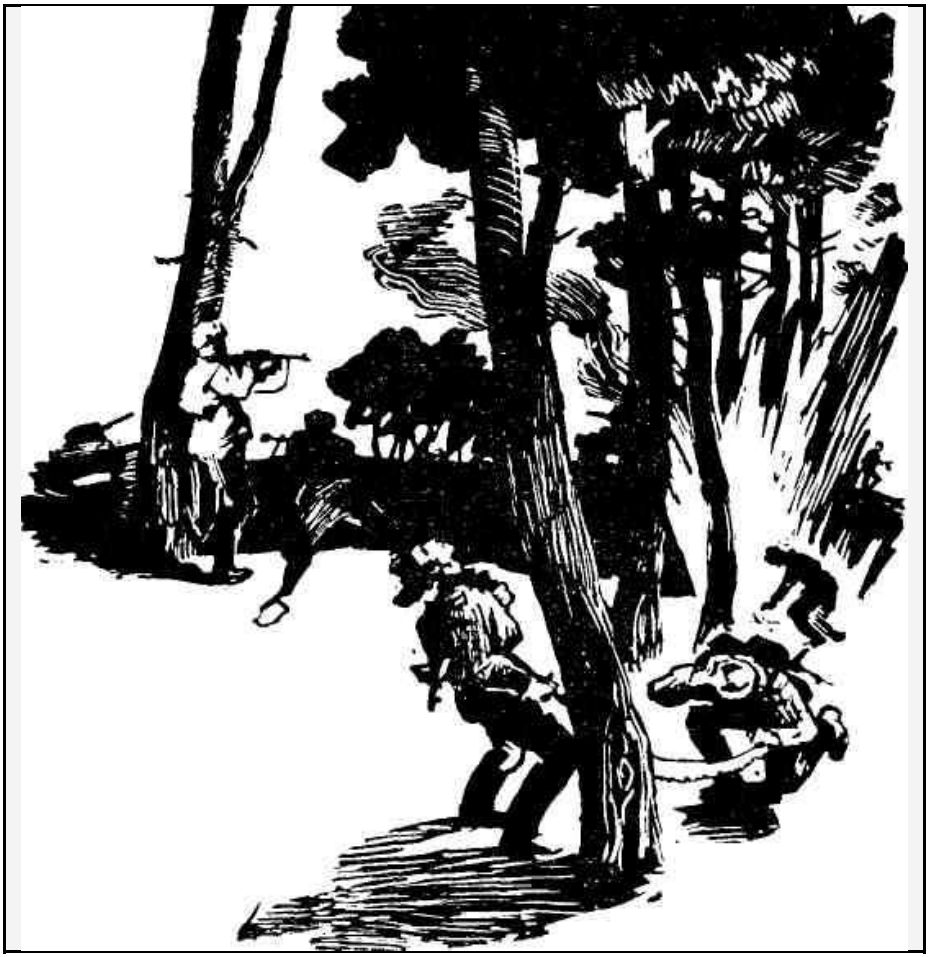
— Понимаете, — убежденно говорит он, — когда на озере неспокойно и лодка скользит быстро, ее захлестывает волна. Вот я и решил сделать на носу козырек… И Соколов показывает эскизный набросок, как это все будет выглядеть. Завязался увлекательный разговор о рыбалке, о том, где и когда, какую рыбу лучше всего ловить.

Но так и не удалось закончить нашу интересную беседу. Марка Иосифовича вызвали в больницу. Предстояла сложная операция…

…Хирургия — греческое слово. На русский оно переводится так: ручная работа. Да, операция делается руками. И у хирурга должна быть твердая рука, чувствительные пальцы. Но этого для настоящего хирурга недостаточно. Он должен еще обладать светлой головой, ясным умом.

Этими замечательными качествами обладает главный хирург Златоуста, бывший майор медицинской службы, — военный хирург М. И. Соколов.

А. Поздняков
ПАРТИЗАНСКАЯ ПАМЯТЬ



Летом 1964 года на станции Макушино в поезд Кемерово — Москва сели двое. Это были супруги Голощаповы из колхоза «Прогресс» Макушинского района Курганской области. Удобно разместившись у вагонного окна, они обменялись несколькими короткими фразами и замолчали. Анастасия Петровна хотела еще поговорить, но муж, глядя в окно, не ответил на ее последний вопрос, задумался. Она знала, о чем и не стала мешать воспоминаниям Александра Егоровича.

Александр Егорович думал о том, как его встретят в местах, где более двадцати лет назад был он не Голощаповым, а

Ивановым. Более четырех лет не знали ничего об Александре Егоровиче родные, не получали от него вестей. Однажды в газете «Известия» появился Указ о награждении Голощапова Александра Георгиевича боевым орденом. Вспыхнула, было, надежда, но тут же погасла: мало ли Голощаповых, да и отчество было не то.

И только в 1944 году после освобождения Белоруссии пришли в Сибирь долгожданные письма.

Теперь, двадцать лет спустя, ехал Голощапов на запад, задумчиво глядел в окно вагона. В кармане пиджака нащупал конверт с пригласительным билетом:

> «Уважаемый тов. А. Е. Голощапов! Партийный комитет Рогачевского производственного колхозно-совхозного управления и исполком райсовета приглашают Вас с супругой принять участие в праздновании двадцатилетия освобождения Белоруссии. Встреча партизан состоится в воскресенье 5 июля 1964 года в 10 часов утра в лесу за Днепром на третьем километре от Рогачева. Город Рогачев, Гомельской области.
>
> Друзья! Вспомним былые походы, жаркие бои, боевые дела воинов Советской Армии и партизан!»

Супруги сошли с поезда в Рогачеве. Голощапов не узнал города. На месте руин стояли красивые многоэтажные дома. У здания парткома производственного управления остановилась «Волга». Александр Егорович обратил внимание на знакомое женское лицо в машине, окликнул:

— Маша!

Женщина его не узнавала.

— Да Голощапов я! Иванов! Вспомнила?

Мария Корниенко вскрикнула, бросилась навстречу, обняла так, что у сибиряка поясница хрустнула. Потом познакомилась с Анастасией Петровной.

Через полчаса Голощапова встретил Александр Клементьевич Мальцев, директор совхоза «Поблово». Сразу же усадил в машину и увез домой. Познакомил со своими детьми и, конечно, с Вовкой, тем самым, которого гитлеровцы забрали у отца Александра Клементьевича и поместили в чудовищный госпиталь, где у изможденных детей брали кровь для раненых немецких солдат. Когда партизаны отбили у фашистов это страшное место, они нашли восемьсот ребятишек с тонкими ручонками и ножонками, вспухшими животами, смертельно бледными, без кровинки, лицами. На одном из этажей «госпиталя» комиссар отряда Мальцев и его жена партизанка Ольга нашли Вовку, который не

узнавал родителей.

В доме Александра Клементьевича Мальцева не переставая звонил телефон.

— Ты увез Александра Егоровича?

— Привези немедленно к нам командира отряда.

— Сегодня не смогу, завтра…

Потом хозяин вывел гостя на улицу, спросил, обводя рукою кругом:

— Узнаешь?

— Не узнаю.

Мальцев провел друга на другую сторону усадьбы:

— А теперь?

— Постой, постой, кажется, я тут был…

— Точно. Тут мы отбили у немцев стада животных.

— Как все изменилось! — удивился сибиряк.

— Да, тут теперь все не то. Сколько садов и ягодников! Научились мы выращивать хорошие урожаи кукурузы и картофеля, добились высокой продуктивности на животноводческих фермах. Кровь, старина, пролита тут нашими людьми недаром.

Ночью Голощапов вспомнил августовский день 1941 года. Полк, в котором он служил старшиной, отходил к правому берегу Днепра. Его с группой солдат командир полка оставил прикрывать отход части. Был тяжело ранен. Кто-то подобрал его, выходил. За это время наши части ушли далеко на восток. Решил податься в партизаны. Выдавал себя за переселенца. Как-то пригласили в один дом на гулянку, как гармониста.

— Ты кто будешь? — спросил хозяин.

— Сын кулака, — ответил Александр Егорович. — Помыкался я по белу свету, не дай бог!

— Не горюй, брат, теперь все изменилось, — утешал хозяин. — Я сам бывший кулак. Выпей, браток.

Был в компании один старик, худой, шумливый, только глаза не пьянели. Подошел к гармонисту, хлопнул по плечу:

— Играй, громче играй, лихо у тебя получается. — И добавил тихо: — Приходи ко мне.

Впоследствии у этого старика партизаны получили два пулемета, винтовки, патроны, гранаты, двести снарядов.

Когда был создан в глухом лесу большой партизанский отряд, Голощапова назначили заместителем командира отряда. Началась так называемая «рельсовая война». Народные мстители подстерегали врага на дорогах, на мостах, наносили внезапные и меткие удары.

Однажды пошли взрывать деревянный мост. Вышли к опушке

леса, смотрят, у моста прохаживается солдат в зеленой шинели. Мороз лютовал. Видно, что часовой замерзает на ветру. По дороге двигалась повозка. Немец остановил ее, снял с мужика полушубок, оторвал рукава, напялил на ноги, прямо на сапоги, а полушубок натянул на шинель. Похаживает. С Голощаповым было несколько товарищей. Самый отчаянный предложил: подкрадусь сзади, прыгну на спину, сомну без крика. Так и сделал. В избушке, что стояла у моста, взяли еще четырех фашистов.

В другой раз устроили засаду, ожидая поезд с продовольствием. А наткнулись на состав с офицерами и солдатами. Огонь, крики, вопли. Но жалости не было. Жалость осталась за теми столбами в деревне, на которых повешены загубленные фашистами мирные жители, женщины и старики.

Стоило партизанам зайти в избу, как на следующий день фашисты и полицаи расправлялись с людьми, ни в чем не повинными. Как быть? Поступили просто. В деревню, в отсутствие немцев, вошла группа мстителей, и партизаны разошлись по всем дворам. Теперь ни один предатель не мог на другой день разинуть рта, «запятнанный» посещением людей из леса. Так стали наведываться в каждую деревню. Население, как могло, помогало партизанам. Отряды мстителей пополнялись местными жителями, оружие брали в руки даже женщины и дети.

В 1943 году заместителя командира партизанского отряда вызвали в подпольный обком партии.

— Александр Егорович, — сказали ему, — поручаем тебе создание комсомольско-молодежного отряда. Задача отряда — стать особо мобильной и подвижной частью партизанского движения.

Голощапов взял с собой из отряда 25 человек, в том числе комиссара Мальцева и политрука роты Голубкова. Голубкова и Голощапова связывала тесная дружба. Освобожденный из плена партизанами, Голубков оказался в отряде Голощапова. Несмотря на тяжелые переходы и кровопролитные сражения, политрук Голубков находил время, чтобы записывать пережитое.

— Ну, летописец, — обратился к политруку после возвращения из обкома партии Александр Егорович, — пойдешь со мной в отряд особого назначения?

— С удовольствием! — ответил Голубков.

В скором времени горстка молодых партизан выросла в восьмитысячный отряд, имевший прямую радиосвязь с Москвой.

Новому отряду Голощапова командование поручило продвинуться далеко на запад, в район реки Сож, и отбить у гитлеровцев многотысячные стада животных, приготовленных для отправки в Германию.

План действий был разработан до мельчайших деталей. Например, учли, что коров надо брать после утренней дойки, чтобы продолжительный перегон не подействовал отрицательно на невыдоенных животных. Договорились, кому снимать охрану, кому и как гнать скот, кому прикрывать отход.

На рассвете ворота ферм были уже открыты. Скот погнали по намеченному маршруту, в сторону леса. В стадах было 500 коров, 5 тысяч овец, 1300 лошадей. Такое количество не спрячешь быстро. Требовалось время, чтобы дойти до леса. Немцы, которым удалось бежать, подняли тревогу. К месту происшествия гитлеровцы срочно бросили 24 танка, 22 бронемашины, четыре сотни солдат.

Завязался бой. Прежде всего надо было отрезать дорогу танкам. Группа прикрытия с противотанковыми ружьями залегла на опушке леса и открыла огонь. Другая группа партизан рассредоточилась по всей длине опушки. Люди валили деревья крест-накрест, чтобы преградить дорогу танкам. Они работали под ураганным огнем бронированных машин. Смертельно раненные люди продолжали двигать пилой до последних сил. Навзничь падали лесорубы под ливнем пуль и снарядов, навзничь падали деревья, но путь машинам отрезали. 20 танков и 16 бронемашин подбили партизаны в том бою. Скот угнали в надежное место.

* * *

Взволнованный воспоминаниями прошлого, Александр Егорович долго не мог заснуть. Утром разбудили, когда за окном уже фырчал «газик». В условленном месте, неподалеку от Рогачева, стояли десятки автобусов, грузовиков и легковых машин. Всюду можно было увидеть людей, сжимавших друг друга в объятиях, многие плакали. Александр Клементьевич Мальцев и его супруга подводили Голощаповых то к одной группе людей, то к другой, знакомили, рассказывали о переменах. Приехал на праздник и Адам Андреевич Беляков, бывший секретарь подпольного обкома комсомола. Все такой же подвижный и веселый. Работает директором совхоза. Вот еще один, очень близкий человек, теперь тоже директор совхоза, депутат Верховного Совета БССР. Вот и партизанский «летописец» политрук Голубков. Теперь он на пенсии, но записи военных лет ему пригодились, пишет документальную книгу о славных годах борьбы. Тут же супруги Вододоховы. Оба врачи, оба спасли многих людей. Крепко жмет руку бывшему командиру отряда

бывший командир партизанской бригады Федор Тарасевич. Каждый рассказывает о себе, своей дальнейшей судьбе, расспрашивает о боевых товарищах.

— А как сложилась твоя послевоенная судьба? — спрашивали Голощапова друзья. — Чем ты занимаешься?

И сибиряк рассказал о себе. Вернувшись в родные места, сел на трактор. Стосковались его руки по крестьянскому труду. В 1952 году награжден орденом Трудового Красного Знамени. Жарко потрудились сибиряки в период освоения целинных земель. Как упомянул о целине, круг около бывшего командира стал еще плотнее. Родной колхоз Александра Егоровича граничит с Казахстаном. Большая целина, как говорится, на виду, но и курганцы освоили немало новых земель. Поэтому медаль «За освоение целины» памятна и дорога ему так же, как и медаль «Партизану Отечественной войны I степени».

Праздник начался. На импровизированную трибуну поднимались один за другим партизаны, рассказывали о себе, о боевых друзьях, о сегодняшней жизни. Собравшиеся прошли парадом перед трибуной. Вся атмосфера торжества, посвященного 20-летию освобождения Белоруссии, свидетельствовала об одном: память о героических боях с врагом жива в сердцах людей, жива творческим, созидательным трудом, радостью и счастьем победы, духом интернационального сотрудничества, духом патриотизма.

На другой день отправились навестить памятные места. За день проехали 280 километров, обновили 12 памятников на братских могилах. У двух больших сосен укрепили мемориальную доску:

«Здесь 15 августа 1941 года проведено первое заседание Рогачевского подпольного райкома партии».

Долго стояли над могилой партизан, погибших в дни тяжелой блокады, которую устроили немцы в 1942 году. Враг бомбил леса и болота, поливал с воздуха пулеметным дождем, забрасывал артиллерийскими снарядами, предпринимал одно прочесывание местности за другим. Но партизанское соединение жило. Народные мстители вырывались из окружения и уходили. В городах и селах комендатуры оповещали в афишах, в объявлениях о разгроме партизан. Но не проходило и трех дней, как снова взрывались мосты, недавно налаженные, снова горели здания немецких комендатур.

В тяжелые дни на помощь приходила Москва. Однажды в отряде, зажатом врагом в болотах, вспыхнул тиф.

Из Москвы доставили медикаменты, прилетел профессор и четверо суток, не отдыхая, боролся за жизнь сотен людей, пока

инфекция не отступила.

Ежегодно оккупанты проводили по две крупных операции против партизан. Но чем дальше, тем неудачнее они становились. В 1944 году свои люди, работавшие в Минском гестапо, заранее оповестили о начале новой блокировки. Тогда партизаны вышли навстречу карателям и встретили их в двадцати километрах от намеченного врагом пункта. Гитлеровцев застали врасплох и разгромили.

А вот и еще одно памятное место. Здесь 28 июня 1944 года партизанский отряд Голощапова соединился с частями наступавшей Советской Армии. Три дня ждали освободителей. Партизаны перекрыли все дороги, все отходы, и всю свою годами накопленную ненависть, всю силу удара вложили в последнюю схватку с врагом, ускорив тем самым продвижение Действующей армии. 28 июля партизаны прошли парадным строем перед армейской частью и влились в нее. Храни, вековая ель, у развилки дорог, это священное место с мемориальной доской!

У одной из могил к Александру Егоровичу подошла Татьяна Корниенко и напомнила о тех, кто захоронен под аккуратным холмиком. Таня Корниенко была секретарем подпольного райкома комсомола. Сначала жила в городе, потом перешла в молодежный отряд Голощапова. Героическими подвигами увековечили себя комсомольцы. Было в отряде два паренька, лет по пятнадцати обоим. Крепкие, рослые, они уходили из отряда надолго, возвращались через месяц-другой и непременно удивительным образом. Однажды вернулись в немецкой форме на немецком грузовике, доверху наполненным оружием. Много раз приводили «языка». Незадолго до соединения с частями Советской Армии ребята погибли. Могучие деревья бессменными часовыми стоят у изголовья орлят, отдавших жизнь свою за Родину.

* * *

«Плачет в клубе старый партизан» — эти стихи Риммы Казаковой вспомнились мне, когда я сидел в квартире Александра Егоровича за столом, заваленном фотографиями, письмами, пригласительными билетами, орденскими книжками и другими документами, имеющими отношение к давним годам, проведенным в рядах народных мстителей. Глядя на снимки, перебирая письма, механизатор нет-нет да и тянется к платку, украдкой вытирает глаза.

Ни годы, ни расстояния не властны над старой дружбой. С

новым 1965 годом поздравили Голощаповых супруги Мина и Клава Вододоховы. Прислал ящик яблок Тараканов, бывший оружейник, ныне часовой мастер. Ольга Андреевна Мальцева пишет:

> «Главное, держите переписку… Может, еще передумаете да и приедете к нам на местожительство. У нас здесь хорошо, урожай высокий, дел много. Если в чем нуждаетесь — поможем…»

Семья сибиряка Голощапова отвечает друзьям, живущим в Белоруссии, на Украине и в других местах. Голоса боевых друзей не умолкают. Память не остужает жар сердца.

В. Марков
СНАЙПЕРСКАЯ КНИЖКА ВАЛЕНТИНЫ ЛАЗАРЕНКО

1

Тоненькая, всего в несколько листков, книжечка. На ее обложке, посередине, печатными буквами выведено: «Снайперская книжка». Над нею мелким шрифтом — «Смерть немецким оккупантам!», а внизу, в скобках — «Счет мести».

На последней странице — несколько четверостиший. Кто их автор, неизвестно. Эти стихотворные строки наизусть заучивались снайперами. Стихи призывали, учили, напоминали. Вот одно из

стихотворений:

Товарищ!
Мы бьемся за славу, за честь,
За землю и волю свою,
Помни священное слово «месть»,
Будь беспощаден в бою.

На внутренних страницах мелко, убористо, разными почерками сделаны записи. Каждая из них заверена печатью. Таких записей в книжечке — тринадцать. Значит, тринадцать фашистов уничтожил владелец снайперской книжки. Тринадцать — это только основные цели: вражеские снайперы, пулеметчики, офицеры. На счету снайпера гораздо больше мишеней, несколько десятков.

Кому же принадлежит книжка?

С фотокарточки, почти паспортного размера, из-под нахмуренных бровей строго смотрит круглолицая, с мальчишеской прической девушка. Это ее снайперская книжка. Фамилия девушки — Лазаренко, имя — Валентина Николаевна, звание — младший сержант, военная профессия — снайпер.

Сейчас Валентина Николаевна носит другую фамилию — Рогова. И профессия у нее самая мирная — расценщик локомотивного депо. Возвращается локомотивная бригада из поездки — сдает маршрутные листы расценщикам. По ним определяют Валентина Николаевна и ее подруги, во сколько обошлась поездка, сколько сэкономлено топлива, сколько заработали машинисты, их помощники…

В стрелковом тире локомотивного депо станции Троицк идут тренировочные стрельбы из мелкокалиберной винтовки. Женская и мужская команды ДОСААФ готовятся к городским соревнованиям. На огневой рубеж выходит уже немолодая, высокого роста женщина. Движения экономны, точны. Это Валентина Николаевна. Пули, посланные ею, летят в мишень, а когда-то они разили врага…

2

…Старший мастер Григорий Мурмыло, мужчина лет сорока, сегодня что-то не в себе. Лицо не то что сердитое, а какое-то каменное, и в глазах столько горя, что просто больно смотреть на него.

«Снова, наверное, в военкомате отказали на фронт брать», —

глядя на него, думают девчата.

В обеденный перерыв девчата собрались вместе. Закусывают тем, что в узелках, делятся друг с другом съестным.

Подошел и старший мастер. В руках у него газета.

— Я почитать вам пришел, девчата, — сказал Григорий Мурмыло и сел на табуретку, поближе к окну.

Придвинулись к мастеру и застыли, слушая. Нет, сегодня старший мастер читал не сводку Совинформбюро. Он читал о подвиге Зои Космодемьянской. В душе у Вали, как и у других девчат, рассказ о Зое вызвал чувство боли, негодования, желание отомстить врагу за смерть отважной советской девушки..

Старший мастер Григорий Мурмыло, смахнув слезу, сказал:

— Теперь за работу, девчата. Здесь тоже фронт, — и, тяжело опустив крупную голову, зашагал по проходу между станками…

Через неделю Валю можно было видеть в строю курсантов всеобуча. В ловко подогнанной старой фуфайке, резиновых сапогах она вместе с такими же, как и она, девушками, работницами разных предприятий города, шагала по центральной улице. «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой, с фашистской силой темною, с проклятою ордой», — неслась над строем песня.

Шли дни, месяцы. Недавняя ученица ремесленного училища, фрезеровщица тракторного завода стала солдатом. Научилась без промаха стрелять, быстро окапываться, маскироваться, делать перебежки, наизусть знала уставы.

— Когда же на фронт, товарищ лейтенант? — обращались к работнику военкомата Гладышеву она и ее подруги Маша Вишнякова, Люда Шульгина и другие девчата.

— Всему свое время, девушки, — отвечал лейтенант и с сожалением смотрел на пустой рукав своей гимнастерки. Девушки, может быть, и попадут на фронт, а вот ему путь туда заказан.

Однажды (это было уже в 1943 году) в военкомате ей сообщили:

— Направляем тебя в снайперскую школу. Оформляй документы — и в дорогу.

В этот же день она подала заявление об увольнении мастеру Григорию Мурмыло. Тот прочитал и расстроился.

— Не отпущу, — вырвалось у него. — Кого я на место тебя поставлю, кто может на двух станках работать?

Так и написал на заявлении:

«Возражаю. Считаю, что здесь она так же нужна, как на фронте».

Все же Валю с завода отпустили. Пятнадцатилетние мальчишки, с завистью поглядывавшие на Валю, приготовили ей на прощание подарок — небольшой кинжал с наборной ручкой.

— Пригодится, может, да и память о нас будет, — говорили ей.

Вскоре Валю, Люду Шульгину и других девушек из Челябинска провожали в женскую снайперскую школу. Гудел перрон вокзала. Слезы, добрые напутствия, пожелания. Проводить Валю пришла и ее бабушка.

— О божэчко, можна як нэбудь зробиты, шоб нэ ихаты? — По старому морщинистому лицу старушки текли слезы.

— Надо, бабушка, ехать, надо, — обнимая ее, говорила Валя.

— Ну с богом, внучка. Гляди, шоб мэни не стыдно було людям в глаза дывиться.

— Не подведу, бабушка. Маме поклон передай, я ей про все написала…

Но не так быстро, как хотелось, попали девушки-снайперы на фронт. Снова штудировали материальную часть различных видов стрелкового оружия, набирались опыта выбирать цели, маскироваться, учились выдержке, выносливости — всему тому, что должен уметь снайпер, какие качества он обязан в себе воспитать.

Лишь в марте 1944 года восемнадцатилетняя Валентина Лазаренко в составе отдельного снайперского взвода попала на передовую на 3-й Белорусский фронт.

3

Конец марта. Ноздреватый, потемневший снег устилает землю. Необычно тихо. «Вроде и войны нет», — думает Валя, пробираясь по глубокой, в рост человека, траншее следом за младшим лейтенантом.

— Неужели это и есть передовая? — спрашивает она.

— В шестистах метрах — гитлеровцы, — младший лейтенант досадливо повел плечом (вот, мол, еще не верит, что на передний край попала) и прибавил шаг.

Прошли еще метров тридцать. Командир взвода остановился против пожилого солдата, протиравшего обоймы с патронами.

— Саватеев, где сержант?

— Он за наблюдателя, товарищ младший лейтенант.

Командир взвода с минуту что-то прикидывал, потом оглянулся на Валю, бережно державшую винтовку с причудливой рукояткой затвора, потом снова повернулся к солдату.

— Позови сержанта, Саватеев.

Подошел сержант, командир отделения.

— Это младший сержант Лазаренко, снайпер, — познакомил Валю с сержантом командир взвода. — «Поохотиться» решила. А у нас есть на кого.

— Что правда, то правда. Изнахалились фашисты совсем, каждый день в той лощинке появляются. Из винтовки их не возьмешь — далеко все-таки, а бить из пулемета — большая роскошь. Мигом точку засекут и жди мин на свою голову. — Сержант с любопытством и недоверием разглядывал Валю.

— Ты, сержант, покажи ту лощинку, растолкуй все, — приказал командир взвода.

— А вы подождите уходить, товарищ младший лейтенант. Гитлеровец вот-вот появится. Я видел, как один с термосом пробегал лощинкой. За обедом, видно. Будет возвращаться — снайпер и возьмет его на мушку.

Валя улыбнулась: из снайперских винтовок на мушку ведь не берут…

— Пойдемте, только головы не высовывайте, с той стороны тоже постреливают, — повернулся к Лазаренко сержант и повел ее по узкому ходу сообщения в выдвинутый вперед, метров на пятнадцать, окопчик.

Валя протиснулась в полукруглую ячейку, приготовилась к стрельбе. Сзади стоял сержант и показывал, где та лощина, которой пробегали гитлеровские солдаты. Определила расстояние: да, метров 600. Хотела спросить, с какой стороны, слева или справа по фронту, ждать фашиста, как услышала: «Идет».

Вражеский солдат, низко пригнувшись, нес на спине что-то тяжелое. Он особенно не торопился: был, видимо, уверен, что пули здесь не достанут. Валя легко поймала его в перекрестие прицела и выстрелила. Она сама видела, как фашист, словно споткнувшись, повалился лицом вниз.

— Молодец, младший сержант, — похвалил командир отделения. — Снайперский выстрел!

4

«Вражеский снайпер лишь на мгновение приподнялся из окопа и тут же упал, сраженный пулей девушки-бойца Лазаренко».

(Из армейской газеты).

Фашистский снайпер оказался на редкость назойливым и хитрым. Он все время обстреливал позицию, которую занимала рота капитана Коршуна, оставаясь сам незамеченным.

— У меня в роте два снайпера, а с одним сладить не можете, — отчитывал капитан Лазаренко и ее подругу Зину Андрианову.

Вообще-то капитан и сам понимал, что ополчился он на девушек зря: они всего второй день, как попали в его роту. Но сегодня гитлеровец ранил сержанта и солдата — и обоих в голову.

— На вашей совести эта «кукушка», младший сержант, — строго посмотрел на Валю капитан.

Вражеский снайпер окопался по другую сторону небольшой речушки, на крутом берегу, поросшем кустарником.

Девушки долго искали врага, изучили весь противоположный берег, оглядели каждый кустик, но ничего подозрительного не заметили. Но гитлеровец, по-видимому, заметил их и ждал удобного случая, чтобы выстрелить без промаха. Два дня он не давал знать о себе, а потом объявился. И это чуть не кончилось трагически для Зины Андриановой.

К снайперам по ходу сообщения осторожно пробрался капитан Коршун. Зина в это время отдыхала, а за противоположным берегом следила Валя. Первым пригнувшегося капитана заметила Зина. Она привстала, готовясь доложить ему об обстановке. Берет, прикрывавший голову девушки от жаркого июльского солнца, на какой-то сантиметр приподнялся над бруствером окопа. Тут же его продырявило и сорвало с Зининой головы.

Валя по звуку выстрела определила, где, примерно, расположился вражеский снайпер. Но она его не видела. Тогда Лазаренко попросила капитана приподнять над бруствером фуражку.

Фашист «клюнул» на хитрость и выстрелил. По чуть затрепетавшим веткам, еле заметному облачку пыли, поднявшемуся после выстрела, Валя точно засекла позицию врага. Он, оказывается, очень искусно замаскировался на песчаном пригорке, поросшем негустым кустарником.

Лазаренко стрелять не торопилась, она выжидала. Надо было бить наверняка. И такой случай представился.

Неподалеку застрочил пулемет. Пулеметчики — важная для снайперов цель. Фашист, чтобы получше разглядеть, откуда стреляли, на мгновение приподнялся из окопа. Этого было достаточно для Лазаренко. Она выстрелила. Больше позицию, занятую ротой капитана Коршуна, вражеская «кукушка» не

обстреливала.

Валентина Лазаренко, оставшаяся победителем в этой «дуэли», была награждена медалью «За отвагу»…

5

В сорок четвертом году войска 3-го Белорусского фронта вели бой за Неманом, в Прибалтике. Шло наступление на Восточную Пруссию, на Кенигсберг.

Боевой путь Валентины Лазаренко отмечен благодарностями Верховного главнокомандования за отвагу и мужество, проявленные в боях при освобождении Литвы, городов Вильнюса, Каунаса и других.

Наступательные бои сменялись оборонительными. Враг оказывал упорное сопротивление. При наступлении снайперам чаще всего приходилось находиться во втором эшелоне. Но порой и они сталкивались лицом к лицу с гитлеровцами.

Рота, в которой находилась Лазаренко, окопалась на подступах к хутору. Вырыты траншеи, ходы сообщения.

— Неужели опять надолго в землю вгрызлись?

— Не похоже. Вот передохнем малость и двинем дальше, — переговаривались солдаты.

Здесь же была и Валя вместе со своей новой напарницей смуглолицей Ривой Гурарри.

Время к обеду. Принесли бачки с горячим еще борщом. Вот уже нагнулись над котелками солдаты. И тут гитлеровцы ударили из минометов и орудий. Минут пять огонь не давал поднять головы. Но вот грохот смолк. В тишине отчетливо раздалась команда: «К бою!» Солдаты устремились в окопы. Враг на узком участке атаковал позицию. Ривы рядом с Валей не было. Она еще до артиллерийского обстрела понесла котелок с борщом одному из легко раненных солдат, который никак не уходил в тыл.

Плотный огонь почти остановил гитлеровцев, но некоторым все же удалось ворваться в первую траншею, как раз в том месте, где находилась Рива Гурарри. Девушка стреляла сначала из снайперской винтовки. Солдат, которому она принесла обед, рядом с нею бил из автомата. Но вот автомат замолчал: Рива увидела, как солдат тяжело оседает на дно траншеи. Она отбросила винтовку и подобрала автомат. Но и автоматные очереди не остановили вражеских солдат, которые бросились к ней. Видимо, потому, что до нее было всего ближе.

Кончились в диске патроны. Менять диск некогда. Вот-вот, казалось, четверка дюжих гитлеровцев схватит Риву. И вдруг

девушка, прикрывавшая собой раненого солдата, услышала его шепот: «Тут, в нише, гранаты». Какие-то доли секунды понадобились Риве, чтобы схватить одну из них. Фашисты были метрах в четырех-пяти. Рива метнула гранату под ноги фашистов, и сама упала на солдата…

Фашистов, проводивших разведку боем, отбросили. Много гитлеровцев было уничтожено в той короткой схватке. Были потери и среди советских бойцов.

Валя Лазаренко сопровождала тяжело раненную Риву в госпиталь. Нелегко ей было расставаться со своей любимой подругой. Позднее Валю не раз просили рассказать солдатам о подвиге Ривы. И она рассказывала. Солдаты клялись не давать пощады врагу…

Двум ротам был дан боевой приказ — захватить господствовавшую над местностью высоту. Это было уже на территории Восточной Пруссии в начале 1945 года. Снайперы оставались во втором эшелоне. И все же вступить в бой им пришлось. Наступление на высоту шло успешно. Вот-вот, казалось, оттуда ракетами подадут сигнал, что задача выполнена.

Рота, где находилась Лазаренко, выдвинулась вперед по направлению к высоте. Шли по опушке. Зима, а снега мало, идти легко. Кругом, кажется, никого и вдруг команда: «Ложись!» Залегли, огляделись: впереди, метрах в семистах, из рощицы выползали, разворачиваясь в боевой порядок, вражеские танки. За ними — рота гитлеровцев. Враг готовился внезапно ударить по прорвавшимся к высоте ротам. Этого нельзя было допустить.

Тут же по рации связались с артиллеристами. Сообщили точные координаты вражеской группировки. Ударили орудия, дала залп «Катюша». От горящих танков в разные стороны бросились в панике гитлеровцы. Их добивали снайперы и солдаты пехоты. Валентина Лазаренко в этом бою уничтожила трех фашистов.

Вскоре Валя увидела, как в небо взметнулись ракеты. Высота была взята…

6

Вблизи от Кенигсберга подразделениям советских войск, встретившим упорное сопротивление противника, пришлось остановиться. С ходу ворваться в город не удалось.

К снайперам пришел командир полка.

— Девушки, у меня к вам просьба. Приказать я не могу. В первом батальоне осталась горстка бойцов. Ударят по ним — не

удержатся. Помогите. Вот-вот подойдет подкрепление. Итак, нужны добровольцы.

С командиром полка ушли четырнадцать снайперов, среди них и Валя Лазаренко. Только добрались до переднего края, забрались в траншею, как увидели густые цепи гитлеровцев, атаковавших позиции малочисленного батальона.

Этот бой на всю жизнь остался в памяти Валентины Николаевны. Вспоминаются слова капитана, командира батальона:

— Трудно здесь, девушки, но держитесь. На вас большая надежда, — сказал он и побежал, прижимая раненую руку, к пулеметчикам.

Снайперы держались крепко. Их пули разили врага. Валя оказалась неподалеку от пулеметного расчета. Казалось, небо разрывается от грохота. Неожиданно замолчал пулемет. И рядом никого, кроме Вали.

Она бросилась к пулемету. Крепко сжав рукоятки, нажала на гашетку — и снова ожил пулемет. Не заметила в горячке, что была ранена. Только чувствовала, как все тяжелеют руки, как горит нога. Пришел на помощь капитан.

— Давай, милая, давай, — шептал он, помогая прилаживать одной рукой новую ленту.

И вдруг Валя, теряя сознание, заметила, что бойцов стало больше. Значит, пришло подкрепление.

Очнулась уже в госпитале. Поправлялась быстро. И здесь встретила она капитана.. Он узнал Лазаренко.

— Настоящий вы боец, товарищ младший сержант, — сказал он. — Удержались ведь…

Примерно через месяц Валентина вернулась из госпиталя в родную часть. После дороги ей приказали отдохнуть. Не успела она лечь на досчатый топчан, как в блиндаж, где размещались снайперы, вошел незнакомый майор.

— Здесь поселились снайперы? — спросил он.

— Так точно! — вытянулась перед офицером Валя.

— Я разыскиваю Лазаренко. Не знаете такой?

— Я Лазаренко, — ответила Валя…

В этот же день перед строем снайперов Валентине Лазаренко за мужество и отвагу, проявленные в недавнем бою под Кенигсбергом, был вручен орден Красной Звезды.

Пал Кенигсберг — столица Пруссии, города Инстербург, Алленбург и другие. Участие Валентины Лазаренко в боях за взятие этих городов отмечены благодарностями Верховного главнокомандования, медалью «За взятие Кенигсберга». Это были последние для Вали бои с немецко-фашистскими оккупантами.

День Победы над фашистской Германией она праздновала на Дальнем Востоке. Ей пришлось участвовать в боях с японскими интервентами. После капитуляции Японии Валентина Лазаренко демобилизовалась.

Домой возвращалась в переполненном вагоне. Рядом сидел пожилой капитан-артиллерист. Познакомились. До Челябинска добирались вместе.

На память об этой встрече в блокноте Вали осталась запись:

> «Я рад за Вас всех — Вы едете домой. Вы несли на себе большие тяготы и прошли все испытания войны и сделали многое для приближения Дня Победы…
>
> Ведь каждый любит жизнь, особенно он любит ее с тех пор, как узнал, до чего просто она может оборваться, потому что ежечасно ею рисковал. Желаю вам счастливой жизни, Вы ее заслужили». — И подпись: «Капитан Сергей Борисов».

И. Диденко
„АМУРСКИЙ МСТИТЕЛЬ“

…Лесная поляна залита ярким июльским солнцем. На небе — ни облака. Вокруг, казалось, все вымерло, надолго угомонилось. Лишь изредка теплый ветер мягко пробежит по жухлой траве, перекинется на березы. Они вздрогнут серебристыми листьями, о чем-то пошепчутся и тут же замолкнут, как будто сговорившись между собой не мешать воинам прославленной Кантемировской дивизии слушать взволнованный рассказ героя танкового экипажа «Амурский мститель» Николая Федоровича Агапова.

Солдаты, сержанты и офицеры внимательно слушают бывшего своего однополчанина, перед их мысленным взором оживают героические страницы родной части, подвиги

фронтовиков, защищавших в боях с фашистскими захватчиками честь и свободу нашей Родины.

— Будьте же достойны славы своих отцов, — в заключение говорит гость, дорожите и умножайте их боевое наследие.

Последние слова оратора тонут в громе одобрительных аплодисментов. На трибуну поднимается сержант Красноруцкий.

— Мы восхищаемся мужеством и отвагой танкового экипажа «Амурский мститель», который воевал в составе нашей части. Мы хотим заверить Вас, Николай Федорович, что боевая эстафета находится в надежных руках.

Командир части на прощание вручил бывшему воину Почетную грамоту. В ней говорится:

> «Ветерану части гвардии старшине запаса Агапову Николаю Федоровичу в память о встрече с гвардейцами-кантемировцами».

Кто же такой Николай Агапов, если воины Советской Армии проявляют такой горячий интерес к нему? Какой подвиг совершил он, если его портрет и сегодня вывешен в комнате боевой славы известной всему миру Кантемировской дивизии?

Николай Агапов — простой советский рабочий. Его жизнь, как две капли воды, похожа на жизнь тысяч советских людей. Все лучшие качества трудолюбивого рабочего и бесстрашного воина воспитала в нем ленинская партия.

ДОГАДКА ВАСИЛИЯ ЖУРАВЛЕВА

…На несколько минут смолк монотонный шум моторов и станков. Яснее стали слышны голоса. Одна за другой захлопываются дверки инструментальных ящиков, звенят детали: рабочие убирают их со станков. Одни торопятся домой, другие занимают место у станков.

Идет обычная пересмена. Вот в такую пересмену и подошел к своему напарнику слесарь Василий Михайлович Журавлев. В цехе все знали его «слабость»: ни о чем не любит Журавлев так читать, как о подвигах советских солдат в дни Великой Отечественной войны. Василий Михайлович хитровато взглянул на товарища и, как бы между прочим, спросил его:

— Ты сегодня домой очень торопишься?

— Нет, — ответил тот. — А что?

— Да, понимаешь, вопросик у меня есть к тебе один.

— Что-то хитришь, Василий Михайлович. Что за вопросик?

— Да вот, понимаешь, какая история. Есть одна газета.

«Советский патриот» называется. Так вот, она одного человека разыскивает — героя войны. Прочитал я и подумал: «Уж не нашего ли Николая ищут, не тебя ли?»

— Чего же ей искать меня? Вот он я, весь на виду, скрываться и прятаться не собираюсь.

Но не так-то просто было отделаться от Журавлева. Поняв, что угадал, он через секунду уже крепко держал за руку своего собеседника, как бы говоря:

— Ну теперь, пока не расскажешь обо всем, не уйдешь. Хватит отмалчиваться.

В этот же день поздно вечером в редакции зазвонил телефон.

— Товарищ корреспондент, — раздался взволнованный голос. — Приезжайте. Тут, понимаете, такая история!..

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Служили на Дальнем Востоке три друга. Любили сильнее всего голубое небо, рокот Тихого океана и беспокойную, трудную жизнь летчиков-истребителей. И хотя друзья служили в летной части, но песню всякий раз заводили о танкистах. Помните ее?

Три танкиста,
Три веселых друга —
Экипаж
Машины боевой!

Так обычно начинался рассказ-легенда о танковом экипаже «Амурский мститель». Но легенда легендой, в ней точные факты переплетаются с фантазией. А мне хочется рассказать о человеке обычном, совсем не былинном.

…Шел четвертый год Великой Отечественной войны. Фронт все дальше откатывался на запад. Но враг был еще силен. С боем приходилось освобождать от захватчиков каждую пядь родной земли. Газеты сообщали о массовом героизме бойцов Красной Армии и тружеников тыла.

Читали и перечитывали эти сообщения Коля Агапов, Леня Рудниченко и Ваня Бинюков. Рудниченко не раз откровенно говорил, что если командование не отпустит его на фронт, то он убежит туда сам. Друзья возражали, доказывали, что так действовать нельзя, что его поступок будет расценен как дезертирство.

— Да поймите хотя вы, други мои, — взволнованно говорил Рудниченко. — У меня причина на то есть.

Причина у Леонида, действительно, была основательная. У него свой счет с врагами нашей Родины. Они лишили его отца. Красный партизан отдал свою жизнь под Волочаевкой в борьбе с интервентами. И вот теперь снова война, снова враг топчет нашу землю, оставляет на ней кровавый след.

— Да разве после этого я могу здесь, в глубоком тылу, отсиживаться?

Но тут Ваня Бинюков доставал из нагрудного кармана потертое письмо и молча подавал его другу.

— На, читай и читай обовязково в голос, громко, — говорил он, мешая русские слова с украинскими.

И хотя друзья уже не один раз читали письмо сестры Бинюкова, знали его, можно сказать, наизусть, Рудниченко выполнял просьбу друга. Он читал громко, выразительно, так, чтобы каждое слово письма врезалось в память:

«Мой дорогой и родной братик!

Ты, Ванюша, солдат и наберись силушки, чтобы по-солдатски перенести наше горе. Ты спрашиваешь: почему тебе ничего не пишут папа и мама, почему молчит наш любимый жаворонок-сестренка?

Ты знаешь, война застала меня далеко от родных мест. Теперь я снова в Запорожье. Встретило меня здесь одно пепелище. Гитлеровцы разрушили город, Днепрогэс, сожгли и наш дом. Нет у нас с тобой больше ни папы, ни мамы, нет у нас с тобой и любимого жаворонка-сестренки. Отца фашисты повесили, мать и сестру замучили…»

— Досить, — прервал друга Бинюков. — Хто-хто, а я-то повинэн видплатити клятому вражине за усэ: і за батька, і за матусю, і за Запоріжжя.

Коля Агапов угрюмо молчал. Горе друзей было его горем, он не меньше, чем они, рвался на фронт.

В одну из майских ночей к его койке на цыпочках подошел Леонид Рудниченко. Он торопливо затормошил друга.

— Агапыч, проснись!

— А я и не сплю, — шепотом ответил тот.

— Тогда давай погуляем, — сказал Рудниченко, — думка есть у меня одна.

Николай быстро оделся, вместе с другом вышел из казармы на улицу. Небольшой воинский городок окутала тишина. До слуха доносились громкие шаги часового да всплески волн Уссури.

— Ну, что у тебя за думка? — спросил Агапов.

Леонид пристально посмотрел другу в глаза, а потом, как бы между прочим, спросил:

— Читал ты сегодня «Звездочку»?

— Вот эту? — вытащил из кармана Агапов свежий номер газеты «Красная Звезда».

— Да, — утвердительно ответил Рудниченко.

— Ну и что ты в ней вычитал?

— А то, что и ты.

Оба рассмеялись, крепко, по-мужски, обнялись и расцеловались.

— Значит, решено? — спросил Рудниченко.

— Окончательно и бесповоротно.

ПОЕЗД ИДЕТ НА ЗАПАД

Пятые сутки эшелон с танками шел на запад. Уже далеко позади остался город, где танкисты получали боевую технику. А эшелон все шел и шел. На очередной остановке старшина Агапов выскочил из вагона-теплушки. Он направился к платформе, на которой стоял танк. Николай по-хозяйски осмотрел крепление машины, любовно поправил брезент.

Медленно опускались на землю вечерние сумерки. Далекая лесная синева манила к себе. Николай с детства любил лес. Там наедине можно поразмыслить о жизни. А она сложилась у него так же, как у тысяч его сверстников двадцатых годов. Пришлось рано бросить учебу в школе. С двенадцати лет пошел работать. Вначале собирал в бору живицу, потом поступил учеником на металлургический завод. Получил хорошую специальность — молотобойца. Пришло время призыва в Красную Армию, и Николай по комсомольской путевке уехал служить на флот. Но моряком пришлось быть недолго, перевели в авиационную часть. Выучился на техника, остался на сверхсрочную службу.

Война застала Агапова на Дальнем Востоке. Здесь он и подружился с Леонидом Рудниченко. Оба техники, вместе переживали за свои машины, когда те уходили далеко за облака. Несколько раз Николай и Леонид подавали рапорты командованию с просьбой направить их на фронт, но получали один и тот же ответ:

«Отказать, нужны здесь, на Дальнем Востоке».

— Неужели нам так и не удастся попасть на фронт? — горевал Леонид. Заметка в «Красной Звезде» натолкнула друзей на мысль отправиться на фронт с оружием, приобретенным на

личные сбережения. Правда, в ту памятную ночь между ними произошла серьезная размолвка. Агапов предложил купить танк. Против этого предложения восстал Рудниченко.

— Как это, танк? — возмутился он. — Где мы служим? В летной части. Вот и давай покупать самолет.

— Посуди сам, Леня, — спокойно возражал ему Агапов. — Мы же не летчики, а технари. Вот и выходит, что на нашем самолете кто-то будет воевать, а мы с тобой будем снова в небо поглядывать да на аэродромах загорать. А на танке мы, брат, косточки фашистам поутюжим гусеницами.

Рудниченко сдался.

На следующий день они внесли все свои сбережения в полковую кассу. Но для покупки танка денег оказалось недостаточно. Тогда друзья сдали в комиссионный магазин все, что приобрели за годы сверхсрочной службы в армии.

— Не горюй, Леня, — говорил другу Агапов, — живы будем — все наживем.

Но даже тогда, когда все вещи были проданы, когда и солдат сверхсрочной службы Ваня Бинюков внес свой скромный вклад, денег на танк все еще не хватало. На помощь пришли комсомольцы полка. Они собрали недостающую сумму. Друзья ликовали. В тот же день в Москву, Верховному главнокомандованию, была отправлена короткая телеграмма:

> «Москва. Кремль. Верховному главнокомандованию.
>
> В ответ на победоносное наступление Красной Армии, горя желанием помочь быстрее разгромить немецко-фашистских захватчиков, просим послать нас в действующую танковую часть. Танк приобретаем на собственные сбережения. Старшина Агапов, сержант Рудниченко, сержант Бинюков».

Вскоре пришел ответ. Его привез в часть командующий Краснознаменной Амурской флотилией вице-адмирал П. С. Абанькин. Вызвав к себе друзей, объявил:

— Сегодня пришел ответ на вашу телеграмму. Верховное главнокомандование благодарит вас за заботу о Красной Армии. Мне поручено сообщить, что ваше желание удовлетворено. Вы назначаетесь в танковую учебную бригаду. После окончания учебы вам будет разрешено получить танк, построенный на ваши сбережения.

…Чем ближе подъезжали к местам недавних боев, тем дальше Николая уносили думы. Они тянулись бесконечной нитью, которой, казалось, и конца нет. Дни учебы в танковой бригаде, короткая побывка в родном городе перед отправкой на

фронт, проводы друзей, прощальный митинг. Откуда-то всплыло до боли знакомое лицо любимой девушки. Валюша. Спокойно смотрели на него голубые, ласковые, любящие глаза. «Я верю, Коля, — говорили они. — Ты сбережешь нашу любовь, вернешься домой. Я жду тебя, родной». Лицо девушки исчезло. И вот уже Николай видит взволнованные лица рабочих, вручавших ему паспорт танка, слышит их суровый наказ: «Вы танк свой назвали «Амурский мститель». Так деритесь на нем, боевые друзья, как уссурийские тигры, будьте сильны и непокоримы в бою, как полноводный Амур-батюшка». Ответная речь. Разве все скажешь, когда подкатился к горлу какой-то ком, перехватило дыхание!

Агапов расстегнул воротничок гимнастерки, снял танкошлем. Он вспомнил клятву, данную Ване Бинюкову. Перед отправкой на фронт случилось несчастье: на учебном вождении танка Бинюков получил увечье. Он тяжело переживал, что так нелепо оборвался его путь на фронт. Агапов и Рудниченко поклялись: они будут в бою драться за троих, отплатят врагу сполна за слезы друга, за смерть близких ему людей.

Ветер нещадно бил Николаю в лицо, трепал его русые волосы. Поезд набирал ход. По обочинам дороги виднелись следы недавних боев. Пахло гарью. Далекие и неслышные вспышки выстрелов дальнобойных тяжелых орудий, словно зарницы, на какую-то долю секунды освещали темное декабрьское небо и снова таяли в ночной мгле. Впереди — фронт, там враг. Мысли Николая прервала вырвавшаяся из вагона-теплушки любимая песня:

Три танкиста,
Три веселых друга —
Экипаж
Машины боевой!

ПЕРЕД БОЕМ

Враг стремился сильными и массированными ударами танковых частей оттеснить наши войска за Днепр, сохранить за собой Правобережную Украину. Советская Армия, отражая яростные контратаки противника, готовилась к новым крупным наступательным операциям. В действующую армию вливались свежие силы. На один из участков Первого Украинского фронта прибыл танковый экипаж Леонида Рудниченко и Николая Агапова. Ивана Бинюкова заменил Саша Витвицкий —

голубоглазый парень из Херсона.

Передо мною — пожелтевшая от времени фронтовая газета. В ней опубликована небольшая заметка гвардии капитана Н. Романенко. Военный корреспондент сообщает о прибытии в танковую бригаду экипажа «Амурский мститель». Фронтовики тепло встретили патриотов-дальневосточников. После ужина танкисты собрались в землянке. Завязалась дружеская беседа. Бойцы вспоминали, мечтали.

— Саша, — обратился к своему тезке механик-водитель Шингареев, — расскажи-ка нашим джигитам-тихоокеанцам, как ты «языка» брал.

Витвицкий вначале отнекивался, потом все же поддался уговорам друзей. Начал свой рассказ издалека, с прибаутками.

— Это не сказка-складка, друзья, а песня-быль. А из песни — слова не выбросишь. В прошлом году летом в разведчиках я ходил. Держали мы тогда оборону в сильно заболоченном лесу. Сделаешь один шаг — полные сапоги болотной жижи, а то, гляди, и по горло окунешься. Начальник разведки вызвал к себе и говорит: «Язык нужен, ребята». «Раз нужен, — ответили мы, — постараемся достать». Целую ночь шли по болотине, лишь на рассвете сделали привал. Осмотрелись. Впереди лес реже, топь подступает вплотную к подножию небольшого холмика. На нем — блиндаж. А метрах в тридцати от блиндажа — неприглядное сооружение из досок и фанеры, о назначении которого легко догадаться. Я шепчу ребятам: «Братцы, нам повезло: дело идет к утру, минут через двадцать будет у нас «язык». Распределились мы на три группы: одна должна была, если понадобится, снять часового, другая — прикрывать отход, а третья — «застукать» «языка» в интересном месте. Так оно и получилось. Минут через пятнадцать из блиндажа вышел толстяк в ночной рубахе ниже колен. Сделал пару шагов, остановился, осмотрелся, сладко зевнул, хмыкнул и развалистой походкой двинулся прямо на нас… вернее, к неприглядному сооружению. Тут мы его и взяли. Добыча весила килограммов сто, тащили поочередно, еле-еле доставили в часть.

Витвицкий умолк.

— Нехорошо, Саша, скрывать главное, — снова обратился Шингареев к своему другу.

— Доскажи ты, у тебя, Саша, лучше получается, — ответил Витвицкий. Все засмеялись.

— И доскажу. Взяли-то они не простого «языка». Правда, дорогой его медвежья болезнь прохватила. Зато командиром пехотного полка оказался этот господин.

Землянка содрогалась от гомерического хохота бойцов. Он

стих лишь тогда, когда вошел капитан Кравченко. Командир батальона тихо уселся возле печурки и стал молча наблюдать, как огонь лизал сырые дрова. Бойцы хорошо знали его слабость. Кравченко, пожалуй, больше всего на свете любил народные песни. Леня Рудниченко взял баян и растянул меха. Мирные звуки залили землянку. Кто-то из бойцов затянул украинскую песню:

Ніч яка, місячна, зоряна ясная
Видно, хоч голки збирай;
Вийди, коханая, працею зморена,
Хоч на хвилиночку в гай!

А когда песня оборвалась, Кравченко задумчиво вздохнул:

— Хороши украинские ночи: тихие, зористые, душистые. Война нам помешала песни петь, соловьиную трель слушать, любимых под калиной обнимать.

Капитану возразил Шингареев.

— Эх, товарищ капитан! Да только ли украинские ночи хороши! Вот у нас на Кавказе солнце скрылось за горизонтом — и потянула прохлада, а с горы, с самой шапки, туман так и ползет, так и ползет. А ты сидишь у костра, уткнувши нос в бурку, и смотришь, как луна по морю прокладывает серебристую дорожку. Нет лучше кавказских ночей.

Спор разгорался. Агапов с завистью посматривал на фронтовиков, грудь которых украшали ордена и медали.

— Не горюй, Николай, — сказал Саша Витвицкий, — будут и у вас ордена и медали.

Агапов обиделся.

— Об этом я меньше всего думаю. Чертовски завидно: у каждого из вас не одна встреча с врагом, а мы с Леней еще пороху не нюхали.

— За этим дело здесь не станет, — хором ответили фронтовики.

Поднялся капитан и одним словом погасил затянувшуюся беседу:

— Спать!..

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Декабрь 1944 года. Мокрыми хлопьями ложится на израненную землю снег, слепит глаза, и без того смыкавшиеся у бойцов от бессонных ночей. Но гвардейцы не спали. Идет

напряженная подготовка к жаркой схватке с врагом. На рассвете командир танкового батальона капитан Кравченко пригласил к себе Леонида Рудниченко и Николая Агапова. Когда капитан волновался или нервничал, он всегда в разговоре переходил на свой родной язык:

— Через годину ми зустринемся з ворогом. Микола, у мене до тебе невелике прохання: скажи перед боем матросское слово.

…Земля гудела от артиллерийской канонады. «Катюши», часто меняя свои позиции, посылали в сторону противника багряные кометы. Агапову казалось, что его слова тонут в орудийном грохоте, и он, стремясь пересилить методический говор пушек, вместо речи сказал всего несколько чеканных фраз:

— Наша давнишняя мечта сбылась. Сегодня «Амурский мститель» идет в бой. Мы поклялись сполна отплатить врагу за слезы наших матерей и жен, за руины и пожарища на советской земле. Свое слово мы выполним. Большое спасибо за доверие. Вперед, за Родину!

…В темном небе бисером рассы́пались сперва зеленая, затем красная ракеты. Заревели моторы. «Тридцатьчетверки», легко переваливаясь по снежным сугробам, устремились вперед. Набатом в ушах прозвучало грозное слово «атака». Николай три года мечтал о той минуте, когда услышит эту боевую команду. По телу пробежал легкий озноб. Агапов нажал ногой на педаль акселератора, и машина на полном ходу понеслась на вражеские позиции. Подмяты проволочные заграждения, черными провалами замелькали траншеи противника. Пушка выбрасывала из своего жерла длинные языки пламени. Это Рудниченко один за другим посылал снаряды уже не в учебную, а в настоящую цель.

Агапов увидел в смотровую щель, как дрогнула фашистская пехота. На душе стало так радостно, что ему невольно захотелось запеть любимую песню о друзьях-танкистах, но вместо песни он, сам не замечая того, крикнул:

— Леня, Саша, смотрите, фашисты-то драпают!

Но в бою обстановка может измениться каждую минуту. Из-за леса начали выползать неуклюжие вражеские танки. Изрыгая на ходу огонь, они ромбом шли навстречу советским танкистам. И снова в наушниках танкошлема прозвучала четкая команда командира танкового батальона: «Гвардейцы, вперед!»

Рудниченко в пылу первой встречи с врагом не заметил, как израсходовал большую половину боекомплекта снарядов. Теперь он экономит, стремится бить точно в цель. Через какое-то время артиллерист упавшим голосом сообщает механику-водителю:

— Коля! У нас снаряды на исходе.

Агапов медлит с ответом. «Надо уйти, — мелькнула мысль. —

Ведь без снарядов — мы живая мишень». Но тут же: «Нет, ни за что!» Командир батальона требует усилить огонь. Один за другим следуют залпы. Заполыхала головная фашистская машина. Но враг и не думает отступать. Рудниченко передает тревожное сообщение: снарядов больше нет.

В какую-то долю секунды у Агапова созрело дерзкое решение. Он заметил, что один из вражеских танков берет «в вилку» машину командира батальона. Агапов резко принял рычаги управления на себя. Разворот на 180 градусов. И вот «Амурский мститель» мчится навстречу вражеской машине. Глухой и резкий удар лобовой броней по ходовой части, и танк с огромным черным крестом, словно недобитый зверь, заюлил на месте. Скрежет металла и тысячи искр в глазах. Окружающее начало постепенно уползать из сознания и вскоре исчезло совсем.

Враг не выдержал решительного натиска гвардейцев. Он попятился назад. На поле боя фашисты оставили около двух десятков танков. Три из них были подбиты экипажем «Амурского мстителя».

САЛЮТ „АМУРСКОГО МСТИТЕЛЯ“

После боевого крещения танковому экипажу «Амурский мститель» еще не раз приходилось встречаться с врагом, но только уже не на родной земле, а на территории Польши, Чехословакии, Германии. Герои-дальневосточники получили более десяти благодарностей от Верховного главнокомандования. На их груди сверкали боевые ордена и медали. Сандомир, Краков, Сосновец, Катовице, Глейвич, Рыбник, Оппельн, Крайбург, Бреслау — вот далеко не весь перечень городов, встретившихся на боевом пути амурцев. Впереди — подступы к Берлину, Одерский плацдарм.

На карте Восточной Силезии вы не найдете такого населенного пункта, как Сулько. В нем расположен фольварк. Противник сделал все для того, чтобы помещичья усадьба не досталась советским солдатам: противотанковые рвы, многочисленные ряды надолб, десятки железобетонных дотов, рассеянных по полям. Каждый дом в населенном пункте приспособлен для длительной круговой обороны.

Деревня Сулько на всю жизнь врезалась в память Николая Федоровича Агапова. Здесь он похоронил своего лучшего друга и боевого товарища Леонида Михайловича Рудниченко. Здесь навсегда расстался с танком, на башне которого крупными буквами были выведены слова: «Амурский мститель»,

Рудниченко Л. М., Агапов Н. Ф.». И случилось это на рассвете, в начале марта 1945 года. Командир батальона капитан Кравченко пригласил к себе Леонида Рудниченко, Николая Агапова и Александра Витвицкого.

— Ты, Микола, — говорил капитан, — дуже добре водишь танк. А тут, разуміеш, таке діло. Треба кулею пронестись по автостради, інакше загинеш, як муха в озваре. Підем всим батальоном — половину перебьють. Зацепись тільки за пэрший будинок, посій серед ворога паніку, а там и мы на допомогу подоспіем.

Сборы были недолги. Танкисты заправили горючим машину, уложили последний снаряд боекомплекта. Появился капитан Кравченко. По его тяжелому взгляду можно было прочесть: нелегко ему расставаться с танкистами-дальневосточниками. Он хорошо понимал, что не так-то просто пулею пролететь по автостраде: каждый метр противник держит на прицеле. Но что поделаешь: война. И как ни привык ты к фронтовому другу, приходится жать ему руку, говорить ободряющие напутственные слова. Кравченко на прощание крепко обнял тихоокеанцев, расцеловал:

— До зустричи, гвардейци!

Рудниченко ответил шуткой:

— Ми ще з вами, товарищ капитан, у Миколы на свадьбе гопака станцуем.

Заговорила тяжелая артиллерия. Где-то далеко один за другим плюхались снаряды, подымая в воздух столбы развороченной земли и проволочные заграждения. Над Сулько непрестанно висели ракеты-парашюты. Они освещали каждый клочок земли на подступах к селению. Агапов вывел машину на автостраду, включил четвертую скорость. Танк, словно ужаленный, с ревом понесся по ровной и гладкой дороге. «Только бы проскочить ложбину, — думал механик-водитель, а там уже не страшно».

Конечно, враг заметил смельчаков. Но то ли он не разгадал их замысла, то ли замешкался, только ураганный огонь по танку был открыт с опозданием. Сзади машины сразу разорвалось несколько фугасных мин.

— Коля, пронесло! — что есть силы закричал Рудниченко, когда они проскочили заминированный участок на дороге. Замедли здесь на какую-то долю ход машины — и от нее бы ничего не осталось.

Агапов вел танк на предельной скорости. Когда до Сулько осталось каких-то 300 метров, Рудниченко и Витвицкий открыли огонь. Сразу загорелось несколько домов. Николай остановился у

крайнего. Дальше танкисты решили передвигаться «короткими скачками» от укрытия к укрытию.

Еще двести метров отвоевано у врага. И снова Агапов ставит машину в укрытие за дом. Фашисты, по-видимому, пришли в себя. Они двинули навстречу «Амурскому мстителю» два танка: «Т-IV» и «Пантеру».

Рудниченко с первого снаряда поджег «Пантеру». Еще несколько снарядов — и заполыхали оба танка «Т-IV». Друзья торжествовали победу. В эти минуты Витвицкий принял радиограмму от командира батальона. Кравченко сообщил, что им на помощь выходит танковая рота старшего лейтенанта Ямпольского. Уже был отчетливо слышен гул наших танков… Но враг все же успел нанести «Амурскому мстителю» смертельный удар. Машина загорелась. Убит Леонид Рудниченко. Потерял сознание Николай Агапов. Едва радист-пулеметчик Саша Витвицкий вытащил его из танка в укрытие, раздался оглушительный взрыв. Это был последний салют «Амурского мстителя».

ТАНК „Т-IV“ МЕНЯЕТ ОКРАСКУ

Командир батальона капитан Кравченко не изменил своей привычке. В который уж раз заходил он на этой неделе в дом, где еще совсем недавно располагался танковый экипаж «Амурский мститель». Капитан по-прежнему усаживался возле печурки, только теперь он задумчиво смотрел не на огонь, а в дальний угол. Там сиротливо лежал баян Леонида Рудниченко. Трудно сказать, о чем думал в эти минуты комбат. То ли он вынашивал план завтрашнего сражения с противником, то ли грустил по украинским песням, которые любил в свободные минуты заводить его земляк. Но по тому, как за последние дни осунулось, посерело его лицо, можно было без ошибки определить: узловатым рубцом легла на сердце комбата смерть Рудниченко.

Редко перебрасывались словами бойцы. Они словно боялись своим дыханием погасить бледный язычок пламени, который медленно полз по натянутому через всю землянку телефонному проводу. Гвардейцы, как и их командир, тяжело-переживали утрату боевого товарища. Им не верилось, что уже больше никогда не появится на пороге землянки ладно сбитый, коренастый моряк.

Не было с ними и молчаливого, рассудительного Николая Агапова. Вместе с Сашей Витвицким он все еще находился в полевом госпитале. Ожоги, полученные в последнем бою,

приковали танкистов к лазаретным койкам. Сегодня туда уехал заместитель командира батальона. Теперь все ждали его возвращения. И когда старший лейтенант стремительно вошел в землянку, и не один, а вместе с Агаповым и Витвицким, радости гвардейцев не было предела. В землянке как-то сразу посветлело. Все ожили, бросились поочередно обнимать боевых друзей. Поднялся со своего места и Кравченко. Он подозрительно посмотрел на промасленные бинты, которые перехватили скуластое лицо Агапова, затем задержал свой взгляд на Витвицком. Комбат медленно, с расстановкой, простуженным голосом заговорил:

— Хороши орлы, да только, по всему видно, кухню вам придется стеречь.

Агапов недоумевал. Тут же у него в голове промелькнула мысль: «Неужто уже позвонили?»

— Как так стеречь кухню, товарищ капитан?

— А вот так. С госпиталя сбежали? Сбежали. Вот и чистите картошку на кухне, пока не поправитесь.

После минутного раздумья комбат добавил:

— Пока нет машин, друзья. Будут — посмотрим.

Неизвестно, сколько еще дней Агапову и Витвицкому пришлось бы находиться в хозяйственном взводе, если бы на фронте не изменилась обстановка. В марте 1945 года войска Первого Украинского фронта вышли к небольшой речушке Нейсе и Судетским горам. Отсюда — рукой подать до Берлина. Там все еще метался бесноватый фюрер. Он отдал приказ войскам перейти в наступление, отвлечь своими действиями наши части, которые громили гитлеровцев в Пруссии. Гвардейцы капитана Кравченко отбивали одну за другой танковые атаки противника.

Агапову и Витвицкому до боли было обидно, что не могут они принять непосредственного участия в боях. Когда обстановка накалилась до предела и, казалось, что вот-вот придется отойти назад, комбат получил приказ — перейти в решительное наступление, захватить на западном берегу Нейсе плацдарм. Батальон собрался на летучий митинг. На башню танка поднялся Кравченко. Каждое его слово звало бойцов на подвиг.

— Мы переходим в наступление. Предстоящий бой для нас особенный, потому что наша конечная цель — фашистское логово, Берлин. За кровь и слезы, за отцов и братьев, сестер и матерей, за погибших друзей, за горе народное — будем бить врага беспощадно! Агапов, сколько было у него силы, крикнул:

— За Рудниченко!

— За Рудниченко! — словно эхо, откликнулся на призыв Агапова батальон.

…Агапов и Витвицкий были первыми среди тех, кто с автоматами и связками гранат устроился на жалюзи боевых машин. Стоголосо заговорили наши батареи. В течение двух часов бушевал артиллерийский смерч.

Кравченко, взглянув на часы, отдал короткий приказ:

— Заводи моторы!

Танкисты устремились вперед штурмовыми группами. Когда была пройдена нейтральная зона, Агапов и Витвицкий вместе с другими десантниками соскочили с танка. Дальше бойцы передвигались по-пластунски. Каждый метр, отделявший их от населенного пункта, находился под сильнейшим вражеским огнем. Завязался гранатный бой. Наши артиллеристы усилили огонь по гарнизону противника. Этим воспользовались советские танкисты, пехотинцы и десантники. Раздалось дружное «ура». Танкисты капитана Кравченко вместе с пехотой ворвались в населенный пункт.

Агапов заметил, что фашистские молодчики поспешно бросили танк. Их догнала очередь из автомата. Николай коротко бросил на ходу:

— Есть у нас теперь машина, Саша!

Через несколько минут Агапов уже орудовал за рычагами немецкого танка «Т-IV». Витвицкий занял место командира машины.

— Полный вперед! — скомандовал Витвицкий. Николай принял рычаги на себя, и машина послушно повиновалась его воле. Он повел танк вслед отступающему противнику. Вскоре навстречу несущемуся танку выскочил эсэсовец в черной форме со зловещей эмблемой черепа на фуражке. Размахивая стиснутыми кулаками, он неистово кричал:

— Хальт, хальт, хальт!!!

Агапов притормозил машину перед самым носом эсэсовца. Когда тот, по-видимому, хотел приказать танковому экипажу повернуть снова на восток, Николай внезапно дал газ.

— Долго жил гад! — таков был приговор Агапова фашисту.

Но далеко отрываться от батальона было нельзя: свои же могли поджечь танк, не зная того, что в нем орудуют Агапов с Витвицким. Николай свернул в первый же переулок. Оказалось, что и там нельзя остановиться: возле орудия суетились солдаты в зеленых шинелях. Решительный рывок навстречу артиллеристам. Их настигла такая же участь, что и офицера СС.

На пути к Берлину умолкла навсегда еще одна вражеская батарея.

НА ЗЛАТУ ПРАГУ

После прорыва обороны противника на реке Нейсе войска Первого Украинского фронта перешли в решительное наступление на Берлин. В этих боях участвовал и танковый батальон капитана Кравченко. Николаю Агапову и его боевому другу Саше Витвицкому еще не раз приходилось ходить в танковые атаки.

Как-то три танковых экипажа из батальона Кравченко получили задание: захватить железнодорожный разъезд. В числе этих экипажей был и Николай Агапов. К счастью танкистов, на разъезде оказался человек, который ждал прихода Советской Армии. Немец помог танкистам укрыть машины в засаде, затем сообщил на станцию о том, что путь свободен. Вскоре показался вражеский бронепоезд. Танкисты расстреляли его в упор.

Под Дрезденом случилось несчастье. Здесь из фаустпатрона был подожжен танк Агапова. Николай вытащил из горящей машины смертельно раненного Витвицкого. Сашу немедленно отправили в госпиталь. Солдат умер, не дождавшись долгожданного Дня Победы.

Агапова тоже направили в полевой госпиталь. Но на этот раз Николай Федорович долго не задержался. Узнав о гибели капитана Кравченко, он стал настаивать, чтобы его немедленно выписали. Агапов умолял, уговаривал, грозился сбежать. Ну и пусть не зарубцевались ожоги на лице, пусть! Но ему надо во что бы то ни стало побывать в батальоне.

— Да поймите же вы, не могу я сидеть здесь ни одного часа, — убеждал Николай начальника госпиталя. — Погиб наш комбат, какой человек был, если бы вы знали! Наши дерутся за Берлин. Я должен быть там, с ними!

Но тот был неумолим. Тогда Агапов пошел на хитрость. Он попросился в наряд на кухню. Ему разрешили. Получив обмундирование, он тут же сбежал в родной батальон. Но драться за Берлин все же не пришлось Агапову. Его батальон получил приказ: идти на Прагу, на помощь восставшему городу.

И снова бои. Гитлеровцы пытались любой ценой задержать наступление Советской Армии. Прорвав оборону западнее Дрездена, советские танкисты в течение одной ночи продвинулись почти на сто километров. На рассвете 9 мая вступил в Прагу батальон Николая Агапова. Советские танкисты помогли братскому народу Чехословакии очистить свою столицу от фашистской нечисти.

ДОМОЙ

…Тихо шумит бор. На лесной поляне выстроились танкисты. На ветру колышутся боевые знамена, сверкая орденами и золотистой бахромой. Стоит в боевом строю и Николай Федорович Агапов. Солдат честно выполнил свой долг. И сейчас перед строем он вместе с другими бойцами отдает воинские почести перед памятью павших в борьбе с фашизмом.

…Поезд идет на Москву. Николай Агапов молча стоит у окна. Мимо проносятся бесконечно длинные поля с редкими, местами совсем вырубленными, лесами. По сторонам железнодорожного полотна следы недавних боев. Вот и деревня Сулько, а за ней холм. Здесь похоронен его боевой товарищ Леонид Рудниченко, с которым он вместе начал трудную фронтовую судьбу в экипаже «Амурский мститель». И пока жив Николай, всегда будет с ним незабвенная песня друга:

Три танкиста,
Три веселых друга —
Экипаж машины
боевой!

…Далеко позади осталась деревня Сулько. Может, Николай никогда больше не побывает здесь. Но он знает, кто бы ни жил в этой небольшой польской деревушке, скажет:

— Низкий поклон тебе, русский солдат.

В ГОСТЯХ У ГЕРОЯ

Из уст в уста передавалась на нашем участке фронта легенда о танковом экипаже «Амурский мститель». И, как водится в таких случаях, каждый новый рассказчик незаметно для себя вплетал в рассказ частицу своей фронтовой биографии.

Время шло, а легенда об амурцах жила и не умирала. В свое время и я ее слышал, затем рассказывал молодым бойцам, еще не опаленным жаром боя. И вот сейчас, спустя двадцать лет после войны, когда в памяти стерлись подробности этой удивительной истории, она снова дошла до меня. Я сначала не поверил В. М. Журавлеву, который по телефону настойчиво убеждал, что одного из героев танкового экипажа «Амурский мститель» забросила судьба в наш родной город.

Николая Федоровича Агапова я знал уже не первый год. Да разве только я! Его очень хорошо помнят многие на заводе имени Колющенко, где он работал слесарем несколько лет назад. Тогда его имя часто упоминалось в заводской газете, в докладах, на

собраниях. О нем говорили как о запевале социалистического соревнования, лучшем рационализаторе завода.

Теперь Николай Федорович трудится на автоматно-механическом заводе. О нем говорят, как о мастере своего дела, чутком и отзывчивом коммунисте, активном общественнике.

— Николай Агапов — один из лучших слесарей нашего цеха, гроза хулиганов, — так охарактеризовал его начальник инструментального цеха Николай Петрович Андрусенков. — Когда он выходит с дружинниками на дежурство, люди могут спокойно отдыхать.

Но никто, ни на заводе имени Колющенко, ни на автоматно-механическом заводе, до последних дней даже не догадывался о том, что бывший гвардии старшина Агапов герой танкового экипажа «Амурский мститель». Молчал об этом и сам Николай Федорович. И не потому, что ему нечего было рассказать людям о себе. Нет! Просто не считает Николай Федорович, что об этом надо говорить. Ведь тысячи людей прошли через войну. И кто на войне не отличался подвигами!

Первым «открыл» Агапова его товарищ по работе Василий Михайлович Журавлев.

…Вечером, когда Николай Федорович вернулся с работы, мы пришли к нему в гости. Нас приветливо встретила хозяйка дома Валентина Васильевна. Ее большие, молодо искрящиеся глаза не скрывают радости.

— Сколько раз я говорила: «Коля, расскажи ты людям о себе, о своих фронтовых друзьях». А он, знай, свое твердит: «Таких, как я и мои товарищи, — миллионы».

Беседа наша затянулась. Николай Федорович охотно рассказывал о своих друзьях-однополчанах — Леониде Рудниченко, Иване Бинюкове, Александре Витвицком, о капитане Кравченко и скромно умалчивал о себе. Дочурка Тома устроилась на коленях отца. Она нет-нет да и задаст ему вопрос:

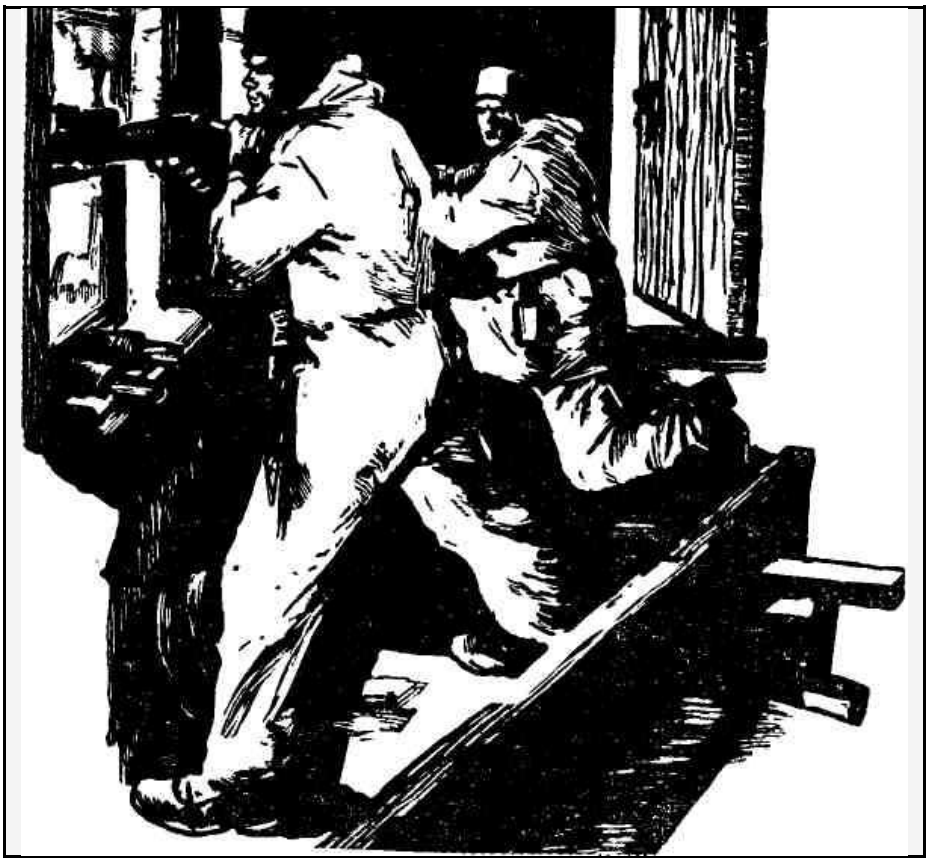
— Пап, а пап, а дядя Леня к нам приедет в гости?

По лицу Николая Федоровича пробегает тень. Он медлит с ответом, потом задумчиво произносит:

— Нет, доченька, не приедет. Он отдал свою жизнь за твое счастье, за весну на нашей земле.

…За весну на нашей земле! Вот уже двадцать лет шагает по нашей стране Весна Победы, за которую мы заплатили кровью наших доблестных солдат, потом и кровью всего народа. Никто и ничто не помешает тому, чтобы на нашей земле вечно была Весна Созидания, Весна Победы.

Н. Жуков
СНЕЖНЫЙ БАТАЛЬОН СРАЖАЕТСЯ



НА ФРОНТ

Дул холодный северный ветер. С неба, затянутого серыми тучами, словно сквозь сито, сеял мелкий дождь. Дороги развезло. Автомашина, на которой мы ехали к месту формирования, накрепко застряла возле реки Миасс. Впереди чернел деревянный мост, за ним сквозь туман виднелись дома. Надо было выручать машину. Выпрыгнув из кузова, мы бросились к берегу, где в изобилии росла гибкая лоза.

Едем дальше. Кто-то красивым сильным голосом затянул: «Распрягайте, хлопцы, коней». Все дружно подхватили знакомую песню. С ней не заметили, как и доехали. Только в глубине леса,

когда взвизгнули тормоза нашей полуторки, мы подняли головы. Вокруг стеной стояли красавицы-березы. К нам подошел батальонный комиссар Соснин.

— Долго едем, товарищи. На фронте на бездорожье скидки не будет! — упрекнул он. А затем, обращаясь к нам, добавил:

— Помещение построите сами.

Мы вошли в небольшой домишко, одиноко стоявший поодаль. За крохотным столом сидели военные, на них было новенькое обмундирование и знаки различия. Они о чем-то оживленно беседовали.

— Прошу знакомиться с комиссарами! — произнес батальонный комиссар, указывая на нас. Ко мне подошел капитан, среднего роста, широкоплечий, со строгими чертами лица. Большие черные глаза его радостно блестели. Крепко сжав мою руку, он баском отрекомендовался:

— Назаров Евгений Михайлович. Работал инженером на Каслинском машиностроительном.

Коротко рассказал о себе и я. Так завязалось наше знакомство, перешедшее потом в крепкую дружбу, скрепленную кровью, сотнями километров пройденных вместе боевых дорог.

Начали мы строить помещения. Как-то я не выдержал, спросил комбрига: «Товарищ комбриг, неужели мы надолго задержимся здесь? Немцы ведь под Москвой!» Чувствовалось, что этот вопрос готовы были задать и другие командиры и комиссары.

— Прошу запомнить, товарищи, — ответил комбриг, — на лыжников-уральцев Родина возлагает особые задачи. Готовиться будем столько, сколько позволит время.

В полночь к нам прибыло первое пополнение. Две сотни солдат — и все в наш батальон. Мы с командиром объяснили вновь прибывшим, что надо сейчас же включаться в строительство жилья. На помощь пришли колхозники соседней сельхозартели. И работа закипела. Через несколько дней среди леса выросли землянки. В них и разместился наш 158-й лыжный батальон.

Началось комплектование подразделений батальона. Посреди одной из землянок — стол, покрытый кумачовой скатертью. Один за другим подходят к нему бойцы. Вот к столу придвинулся широкоплечий, с добродушным лицом мужчина:

— Боец Корнев, шофер по профессии. Мне бы боевую машину, а лыжи подо мной, факт, сломаются! — неуклюже переступая с ноги на ногу, проговорил он.

Мы с комбатом невольно улыбнулись:

— Найдем для вас прочные лыжи, — пообещал я.

Корнева сменил другой боец:

— Николай Красовский, комсомолец. Меня бы в разведчики! — попросил он.

— Вы из Копейска? — спросил его комбат.

— Шахтеры мы! — с гордостью ответил Красовский.

— Сагит Аргимбаев!

— Вы комсомолец? — поинтересовался я.

— Нет еще, не успел вступить, товарищ комиссар, — ответил он и добавил: — Скорее бы на фронт! — И он положил на стол измятый конверт.

— Что это? — удивленно спросил его комбат.

— Письмо из дому. Фашисты убили моего отца.

Комбат тепло взглянул на бойца и сказал:

— Хорошие люди идут в лыжный батальон. Будут бить врага беспощадно.

Как только выпал первый снег, весь личный состав батальона встал на лыжи. Незаметно пробежали дни учений и тренировок. И вот настал день, когда комбриг торжественно объявил стоявшим в четком строю лыжникам:

— Получен приказ отправить батальон на фронт!

— Ура! — разнеслось по лесу.

В полночь личный состав 158-го Уральского лыжного батальона дал Родине торжественную клятву — беспощадно уничтожать немецких оккупантов.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

В полночь, когда бойцы-лыжники крепко спали в вагонах, дежурный по штабу объявил:

— Москва!

Командиры сорвались с нар.

Перед нами плыли улицы столицы. На одном из перекрестков мы увидели разрушенный дом. Груды кирпича, дерева и железа, припорошенные снегом, громоздились в темноте. Первый зловещий след войны… Да, пожар войны бушевал совсем рядом.

Вскоре мы получили приказ выгружаться.

Чуть рассвело, меня и комбата вызвали в штаб. Преодолев сугробы снега, мы подошли к большому зданию, над дверью которого была вывеска: «Клуб строителей». Мы вошли в зрительный зал, который уже был заполнен командирами и комиссарами воинских частей. И вот в дверях показался генерал. Все встали. Генерал поднялся на сцену, предложил всем садиться, а сам подошел к висевшей на стене карте.

— Немцы под Москвой! — начал он. Затем подробно стал

описывать обстановку на фронте, рассказал о конкретных задачах частей и соединений, командиры и комиссары которых находились в зале. И вдруг генерал умолк на полуслове. Через зал к сцене медленно шел худощавый человек в штатском, с бородкой клинышком. Мы сразу узнали Михаила Ивановича Калинина. Командиры встали.

— Товарищ Председатель Президиума Верховного Совета СССР! Командиры и комиссары находятся на разборе оперативной обстановки! — четко доложил генерал.

Михаил Иванович подал ему руку, отдал нам честь и сказал:

— Здравствуйте, товарищи!

Мы дружно ответили. Он попросил нас сесть. Сняв с головы каракулевую шапку, Калинин положил ее на край стола и, потрогав пальцами свою серебристую клинообразную бородку, заметил:

— Надеюсь, товарищ генерал уже ввел вас в курс дела?

Он прикрыл рот рукой и простудно кашлянул. Полковник, стоявший рядом, пододвинул Михаилу Ивановичу стул. Калинин поблагодарил его, но не сел. Мы с Назаровым, да и не только мы, с восхищением смотрели на него. Выглядел Калинин усталым. Но, несмотря на это, говорил убедительно, четко чеканил каждое слово:

— В сражении под Москвой на сибиряков и уральцев наша партия и правительство возлагают большие надежды! Вас вооружил народ боевым современным оружием. Бейте же безжалостно фашистских захватчиков, чтобы они не нашли обратно дорогу! Смерть немецким оккупантам!

— Смерть немецким оккупантам! — откликнулись командиры.

Из-за кулис адъютант генерала принес стакан крепко заваренного чая и подал его Михаилу Ивановичу. Он поблагодарил и тут же заметил:

— Холодно. Погода обещает быть еще суровей. Немцы плохо переносят холод. Зато для нас мороз — союзник.

Кто-то попросил разрешения задать вопрос. Михаил Иванович спустился в зал к товарищам. Завязалась непринужденная беседа. Калинин сам спрашивал командиров и комиссаров о боевой готовности частей, о настроении личного состава, все ли в порядке со снабжением продовольствием и обмундированием. Он садился рядом с командирами, брал их за плечи и дружески беседовал. В эти минуты он не выглядел усталым. Лицо его румянилось, глаза радостно блестели. Он то и дело удовлетворенно поглаживал свою бородку. Подошел Калинин и к нам. Мы с комбатом встали, выпрямились.

— Ну-ну, без официальностей! — усаживая нас рядом с собой, сказал Калинин.

— Вы уральские лыжники? А как думаете бить фашистов?

— Беспощадно! — ответили мы. Михаил Иванович улыбнулся, заглянул нам в глаза и снова спросил:

— А готовы ли вы к этому? Ведь они неплохо воюют.

— Мы их сильнее! — убежденно ответил я. Михаил Иванович ласково взглянул на меня и спросил:

— А скажите, лыжники все так же молоды и здоровы, как вы? — Потом он улыбнулся и сказал: — С такими молодцами мы победим любого врага!

А когда уходил от нас, с отцовской строгостью предупредил:

— Зря не рискуйте, берегите людей, думайте о них в любой обстановке!

Когда мы возвратились в батальон, бойцы окружили нас. Весть о том, что с нами беседовал Михаил Иванович Калинин, разнеслась с быстротой молнии. Солдаты и командиры знали, что он заботится о воинах, проверяет готовность к наступлению, по-отечески желает боевых успехов и удач.

В боях и походах в Подмосковье мы всегда помнили наказ Михаила Ивановича Калинина и беспощадно громили гитлеровских оккупантов.

ПОДВИГ САНИТАРА

После боевого похода наш батальон расположился на отдых в деревне Подчертково. Лыжники приводили в порядок оружие и снаряжение, готовились к новым боям. Мы с командиром батальона капитаном Назаровым сидели за столом. Вдруг в передней комнате шмелем загудел зуммер.

— Мороз слушает! — взяв трубку, сказал Назаров. — Что?.. Самолеты? — озабоченно переспросил он через минуту и взглянул на меня.

Я прикрутил ярко горевшую керосиновую лампу и осмотрел маскировку на окнах.

— Усильте наблюдение, объявите тревогу! — приказал капитан и быстро связался с командиром бригады.

В эту полночь санитар Калькаев возвращался из второй роты в санчасть. От деревни Террасы до Подчертково десять километров, и он решил пробежать этот путь на лыжах. Миновав последние патрули у деревни Террасы и углубившись в лес, Калькаев услышал гул самолетов. Они шли низко, казалось, готовясь сесть где-то недалеко, за лесом. Калькаев не отрывал от

них глаз. Вдруг в лесу вспыхнул свет, и самолеты, сделав круг, начали удаляться. Калькаев понял: кто-то дал сигнал самолетам. Лазутчик был здесь, рядом с ним, в лесу. Его надо захватить во что бы то ни стало. Не раздумывая, санитар бросился в глубь леса. Стояла щемящая тишина. На том месте, где сверкнул огонек, его лыжи за что-то зацепились. Нащупав веревку, Калькаев потянул ее к себе. Из сугроба показался парашют. От притоптанного снега в лес пролегла глубокая лыжня. Калькаев еще раз осмотрелся, прислушался. В лесу морозно потрескивало, небо затянулось облаками, пошел снег. Казалось, враги все предусмотрели, даже пургу, которая заметает их следы.

И вдруг прямо перед собой Калькаев увидел одинокий домик лесника. Лыжня привела его к самой двери. У стены торчали воткнутые в снег две пары лыж. Калькаев облегченно вздохнул: здесь, в избе, враги были, как в ловушке. Спрятавшись за сосну, он стал ждать. Вскоре дверь скрипнула, и на пороге показался человек. Воровато оглядевшись по сторонам, снова скрылся в избе. Калькаев снял лыжи и подошел к окну. За столом сидели двое. Один светил крохотным фонариком.

— Вот бумага. Здесь все расписано, — торопливо говорил он.

Калькаев присмотрелся и ахнул. Это был житель деревни Подчертково Валентин Папула, всегда выказывавший необыкновенное любопытство к лыжникам-уральцам. Второй (это был парашютист) быстро прочитал бумагу и сунул в боковой карман.

— Опасно, лыжники везде, лучше скорее уходите! — торопил его Папула.

— Сколько километров до наших? — поспешно спросил парашютист.

— Десять. Места знакомые, проведу. До рассвета и сам буду дома, — успокаивал Папула. Фонарик погас. Калькаев отскочил от окна и встал за сосну. Вскоре скрипнула дверь, вышли двое в белых халатах.

— Стой! Стрелять буду! — грозно крикнул Калькаев.

Папула выстрелил. Пуля со свистом впилась в ствол сосны и обожгла Калькаеву левую щеку. Кровь, липкая, густая затеплилась на губах. Тем временем враги успели скрыться. Тогда боец побежал по глубокой лыжне. Хлопья снега слепили ему глаза. Неожиданно из-за ближайшего дерева на него набросился Папула с кинжалом в руке. Калькаев успел ловко перехватить его руку.

— Не губи! — взмолился Папула. — Давай вместе догоним этого подлеца!

Калькаев огляделся. Парашютиста не было. Куда он побежал?

И вдруг в лесу послышались знакомые голоса лыжников, залаяли собаки. Калькаев облегченно вздохнул. Когда подоспели бойцы, он сказал, указывая на Папулу:

— Этого задержал. А второй ушел.

— Ничего, далеко не уйдет! — успокоил его командир роты.

Вскоре лыжники привели парашютиста. У него нашли письмо, в котором сообщались ценные сведения о нашем батальоне.

ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА

Несколько дней бушевала пурга. Дороги занесло. Снежные сугробы сровняли с землей заборы и крыши домов.

Жители деревни Подчертково, в которой стоял наш лыжный батальон, знали не одну суровую зиму. В такую непогодь они обычно сидели в избах, никуда не ездили и никого не ждали. Даже соседи редко навещали друг друга. Нам же пурга была верным помощником. Мы почти наверняка знали: в такую погоду немцы не рискнут начать бой. На больших просторах белорусской земли хозяевами были партизаны. В один из таких дней наша разведка донесла: в расположение партизанского соединения вторгся большой карательный отряд гитлеровцев, разгорелся жестокий бой. Там, где карателям удалось потеснить партизан, они жгли деревни, грабили, а жителей расстреливали или угоняли на каторгу. Помочь партизанам командование поручило нам, уральским лыжникам.

Перед боем я зашел в избу, где отдыхали лыжники. Слабо чадил каганец, сделанный из артиллерийского патрона. Кто-то зажег еще один, и в избе стало светлее. Бойцы подошли ко мне, я достал кисет с махоркой, набил трубку и пустил его по рукам. Вскоре густое облачко дыма повисло над нами. Лыжники курили и выжидающе смотрели на меня. Они знали, что комиссар пришел по важному делу. Не хотелось мне отрывать людей от отдыха. Этот взвод в полдень в лесу за деревней Террасы вел бой с немецкими лыжниками. Жаркая перестрелка длилась несколько часов, уральцы отогнали фашистов, потерявших убитыми десятка два солдат. В бою храбро сражался комсомолец Ганцев. Я спросил его:

— Сколько уничтожил фашистов, пулеметчик Ганцев?

— Да малость, — неторопливо ответил Ганцев.

— Если бы каждый воин нашей армии уничтожил по такой «малости», пожалуй, фашистам был бы конец! — заметил я и, взглянув на часы, спросил лыжников: — Очень устали?

— Нет! — четко ответили они.

Я знал, что помешало лыжникам в этом бою уничтожить весь немецкий отряд. Наши пулеметчики были прижаты к земле сильным огнем врага. Об этом я и повел разговор.

— Пулеметчик в бою должен чаще менять свою огневую позицию, умело ориентироваться и находить место, более выгодное для стрельбы. На пулеметчика немцы не жалеют ни пуль, ни снарядов, — сказал я и посмотрел на Ганцева. Он задумался.

— Конечно, по уставу, — продолжал я, — командир властен, а по обстановке самому соображать надо, как когда-то метко говорил Василий Иванович Чапаев. Помните?

Ганцев взглянул на меня, взял в руки свой ручной пулемет и сказал:

— Попробую так драться в следующем бою, товарищ комиссар!

В бой мы вступили ночью. За Усвятами, где проходил передний край нашей обороны, было тихо. В небо взлетали белые ракеты. Батальон построился на опушке леса. Пурга не утихала, бросала в лицо пригоршни снега. Бойцы и командиры курили, пряча огонь в рукава, покашливали.

— Нам предстоит трудный поход и тяжелый бой. Карательный отряд гитлеровцев проник в один партизанский район. Фашисты жгут деревни, убивают жителей. Нам приказано помочь партизанам! — обратился к бойцам капитан Назаров. На обращение командира ответил за всех пулеметчик Ганцев:

— Уральские лыжники к бою готовы!

В полночь наш батальон подошел к деревне Межа, что на границе Смоленской, Великолукской областей и Белоруссии. Здесь проходил фронт. Нас встретили партизаны-проводники, и мы тронулись через леса на запад. Вот и цель нашего пути — белорусская деревушка Село. Население, узнав, что должны нагрянуть гитлеровцы, укрылось в лесах.

На рассвете разведчики сообщили о приближении немцев. Мы с капитаном Назаровым с чердака наблюдали за ними в бинокли. На ровной, как широкая линейка, дороге, пересекавшей лес, явственно были видны черные контуры двигавшейся колонны. Мирной и ничем не угрожавшей казалась немцам эта деревушка. Улицы пустовали. Из труб крестьянских изб лениво тянулся дымок, кое-где разноголосо перекликались петухи да лаяли собаки. Но каратели, как только вышли из леса, остановились. Далеко позади туго сбитой колонны немцев шли подводы, впереди и по сторонам проворно сновали в белых халатах лыжники. Мы поняли: они ждали сигнала полицаев,

которых успели перехватить наши разведчики.

— Не дождетесь, гады! — зло выругался Назаров. Мы знали, что бойцы уничтожили предателей.

— Комиссар! Даю команду открыть огонь! — решил Назаров, хватаясь за телефонную трубку.

— Подождем, — ответил я.

Вдруг от колонны немцев отделилось двое. Один держал наготове карабин. Они осторожно шагали прямо к крайней избушке, в которой в засаде находились пулеметчик Ганцев и автоматчик Володин. «Сейчас треснет автоматная очередь, и немецкая колонна начнет разворачиваться широким фронтом к бою», — подумалось мне. Но немцы вдруг благополучно скрылись за воротами без единого выстрела. Неужели наши ушли из избы? Мы с комбатом были в замешательстве.

А в это время в избушке происходило следующее. Немцы, увидев запряженную в сани лошадь и возившегося возле нее старика, браво шагнули за ворота.

— Руссиш швайне! — оскалили зубы немцы. Старик покорно приложил руки к груди, а потом указал на дверь: входите, мол, в избу, милости прошу. Немцы шагнули в раскрытую дверь. Одного сбил с ног автоматчик Володин, другим занялся старик-партизан.

Когда капитан Назаров с автоматчиком подбежал к избе и увидел пленных, он удивленно спросил лыжников:

— Как вы сумели это сделать?

— Вот взяли, товарищ командир, — смущенно доложил пулеметчик Ганцев. Назаров подошел к одному из немцев и спросил по-немецки:

— Какой сигнал нужен, чтобы ваши вошли в эту деревню?

Немец вытянулся в струнку и выпалил:

— Три коротких очереди из автомата!

Назаров схватил автомат и выстрелил. Немецкие лыжники сразу оживились, тронулась с места и вся колонна карателей.

Назаров подозвал к себе Ганцева и, глядя в окно, приказал:

— Этих пропустите в улицу. Огонь откроете по колонне, когда она поравняется с вами.

— Есть, товарищ капитан!

Мимо избы быстро промчались немецкие лыжники. Почти нескончаемой казалась колонна замершему у пулемета Ганцеву. Черной извилистой лентой вытягивалась она из леса. И вот, когда каратели поравнялись с избой, Ганцев дал длинную очередь из пулемета. Заговорили и остальные пулеметы.

Ганцев менял диски один за другим, стрелял без промаха. В его сверкавших, ненавистью глазах можно было прочесть: «Вот вам, изверги, получайте!» Рядом с ним строчил из пулемета его

друг Володин. По окнам защелкали разрывные пули. Со стороны леса показались немцы. Их было много, они вытянулись цепочкой. Беспрерывно стреляли немецкие минометы. В ответ застучали и наши огневые орудия. Мины с воем пронеслись над крышей избы и упали в самом центре села. Черные клубы дыма заволокли немцев, снежное поле почернело, но немцы залегли в снег и продолжали стрелять. Ганцев понял: настало время сменить огневую позицию. Оставив в избе Володина, он выбежал во двор, ползком пробрался на пригорок и поставил в снег свой пулемет. Отсюда он видел и деревню, и окопавшихся в снегу врагов. Стрелял короткими очередями.

Немецкие мины вдруг стали рваться совсем близко. Одна бросила снегом и гарью прямо в лицо Ганцеву. Не раздумывая долго, он быстро пополз дальше на пригорок. Немецкие мины тотчас перекопали брошенное им место. А Ганцев все стрелял и стрелял. Вдруг мина попала прямо в избу, где оставался Володин, разворотила угол. Забыв об опасности, пулеметчик бросился на помощь другу. Он нашел Володина на полу, тот был ранен. Ганцев достал бинт и перевязал рану. Где-то совсем близко галдели немцы, он дал по ним очередь, затем взял за плечи Володина:

— Можешь идти?

Володин молча кивнул. Ганцев осторожно довел его до двери и передал старику-партизану.

Вернувшись к пулемету, он осторожно заглянул в разбитое окошко. По ту сторону улицы горела изба, из нее выбегали лыжники. Ганцев понял: на этом фланге он теперь оставался один. А тут обрушилась новая беда: его задело осколком. Очень болело раненое плечо. К тому же кончились патроны. А дверь, висевшую на одной петле, уже кто-то раскачивал, за ней слышалась чужая речь. Пулеметчик скользнул глазами по своему халату, увидел на нем запекшуюся кровь. Она теплилась на руках, багровыми пятнами проступала на стволе и прикладе пулемета. Он понял: грозит полная потеря крови. Необходимо срочно остановить кровь. Вспомнил: бинта у него нет, он перевязал им раненого Володина.

За окном раздавались гортанные выкрики. Ганцев дал последнюю очередь и устало откинулся к стене. Потом, собрав таявшие силы, отодвинулся в угол, за печку.

Сорвав дверь, в избу ввалились два немца. Их остановил грозный окрик Ганцева:

— Руки вверх!

У пулеметчика в правой руке была зажата граната. Перепуганные фашисты положили к его ногам свои автоматы.

Ганцев понял, что выиграл бой. А за окном уже слышалось родное русское «ура!» Лыжники-уральцы спешили на выручку своему отважному товарищу.

БОЙ У ДОМА ЛЕСНИКА

В лесу, неподалеку от деревни Лучи, у дороги, ведущей к оживленному Невельскому тракту, стоял одинокий дом. Стройные сосны окружили его. Ветви их склонились к самым окнам. На дороге сверкал нетронутый покров снега. Видно было, что по нему давно не ступала нога человека.

Сержант Прибылов и автоматчик Шихалев прошли по лесу, внимательно осмотрели все вокруг и остановились перед домом. Здесь бойцам предстояло нести службу боевого охранения. Вдруг они заметили тянувшиеся из трубы кольца дыма и озабоченно переглянулись: им было известно, что дом пустует.

— Пойди проверь, — приказал сержант товарищу, а сам осторожно присел на припорошенный снегом плетень и положил ручной пулемет на колени.

Шихалев сбросил с плеч вещевой мешок с боеприпасами, взял на изготовку автомат и проворно зашагал на лыжах к дому. Вот он подошел и заглянул в окно, потом поднял над головой автомат. Это был условный сигнал. Облегченно вздохнув, Прибылов последовал за товарищем.

В доме их встретили три партизана. Один из них, совсем еще парнишка, быстро познакомился с Шихалевым, и они начали о чем-то оживленно беседовать.

— Петька, иди покарауль, пока мы с уральцами перекусим! — тоном старшего скомандовал один из партизан парнишке.

Петька с явной неохотой поднялся, взял свой автомат, собираясь идти.

— С вами пойдет мой товарищ! — сказал ему Прибылов.

— Есть идти с партизаном, товарищ сержант! — обрадованно откликнулся Шихалев. Петька улыбался, довольный. Они вышли.

В доме было пусто. Ни столов, ни стульев — голые стены. На деревянном полу валялись примятые пшеничные колосья, сухие сосновые ветки и березовая кора. Из темных углов просторной комнаты, почти половину которой занимала русская печь, тянуло холодком.

— Здесь жил лесник, помогал нам. Его расстреляли фашисты, — опустив голову, сообщил Прибылову один из партизан.

— Полицай его предал, — с болью и гневом добавил другой.

Вдруг дверь распахнулась. На пороге стоял запыхавшийся Петька. Все схватились за оружие, а он, беспечно улыбаясь и потирая руки, воскликнул:

— Поесть захотелось! — Все успокоились, отложили оружие в сторону.

— Ты почему ушел? — строго спросил Петьку один из партизан.

— Я же на минутку. Поем и обратно! — как ни в чем не бывало бросил ему в ответ Петька.

— У нас не принято самовольно бросать пост! — твердо произнес Прибылов, с возмущением глядя на парнишку.

— Ты слышал? — возмутился второй партизан.

Но Петька спокойно продолжал есть. Пришлось товарищу повторить свой вопрос. Петька покраснел и вышел. «Совсем еще мальчонка, а поди ж ты — партизан», — с нежностью и вместе с тем с горечью подумал Прибылов.

Снова распахнулась дверь. На пороге стояла девушка с охапкой дров в руках. Она была в старом полушубке, голову и лицо закрывал серый платок.

— Это дочка загубленного немцами лесника, Леной звать, — объяснили партизаны и посторонились, пропуская девушку в дом.

Прибылов приветливо поздоровался. Но она молча прошла мимо, даже не взглянув на него.

— У нее нет языка, — объяснил один из партизан. — Когда немцы казнили ее отца, ей отрезали язык. Сволочи!

Это известие так потрясло Прибылова, что он застыл, не в силах шевельнуться. Он видел расстрелянных, повешенных, заживо сожженных. Трагедия Лены была не менее чудовищной. Ему вдруг показалось, что он мало мстил за убитых и искалеченных людей. Мало! В душе его клокотала ненависть.

Партизаны и Прибылов решили проведать Шихалева и Петьку. Когда они вернулись в дом, то увидели, что Лена сидит на полу, разглядывая оставленные Шихалевым гранаты. Увидев вошедших, она спрятала руки за спину и виновато улыбнулась.

В полночь неожиданно появились немцы.

— Беги к нашим! — приказал Шихалев. Петька несколько минут стоял возле него в оцепенении и, опомнившись, побежал. Немцы заметили его и закричали:

— Партизан капут!

Но выстрелить в Петьку им не удалось. Шихалев дал очередь из автомата. Его выстрелы разорвали тишину ночи. Оставшиеся в живых немцы с криком бросились наутек, а Шихалев поспешил к дому лесника.

— Сейчас же беги к командиру! — закричал Прибылов,

увидев его. — Не теряй время! Мы задержим немцев здесь!

А немецкие пули уже зловеще щелкали по стенам дома. Шихалев бросился на лыжах в лес. В это время дом лесника со всех сторон окружали немцы.

— Нас окружают?! — беспокойно воскликнул Петька и подполз к Прибылову.

— Не дрейфь, Петька. Выстоим, — твердо ответил ему Прибылов.

Партизаны метко били по немцам. Петька тоже сунул свой автомат в щель и стал стрелять. Вдруг парнишка похолодел: один из партизан, неосторожно выглянувший в окно, замертво упал на пол. Прибылов бросился к нему, но он был уже мертв. Разрывная пуля раздробила ему висок. Петька дотронулся до его головы, измазал руки в крови и не удержался, тихо заплакал.

За домом галдели немцы, и бойцы снова открыли огонь. Только одна Лена, казалось, была совершенно безучастной ко всему происходящему. Она сидела в углу, ни на кого не глядя. В горячке боя о ней все забыли.

С наступлением утра немцы начали ожесточенный обстрел. Они решили во что бы то ни стало уничтожить засевших в доме партизан. По дороге загрохотал танк, за ним наступали немецкие солдаты. Метрах в ста от дома танк остановился и стал наводить на дом ствол орудия. Прибылов и партизаны тревожно переглянулись. Всем было ясно, что против танка им не устоять. Больше всех растерялся Петька. Его надо было успокоить, и Прибылов крикнул:

— Шихалев добежал! Сейчас наши придут! Конец фашистам!

Петька подполз к нему. Лицо у него было белое, как полотно, но в глазах, побеждая испуг, блуждала яркая искорка надежды.

— Как ты узнал, что он добежал? — спросил Петька сержанта.

— Он комсомолец! — ответил ему Прибылов.

— Так ведь я тоже комсомолец, — совсем иначе сказал Петька. Прибылов видел, что он начинает успокаиваться.

Оглушительный удар потряс домик. Рядом с Прибыловым кто-то застонал. Ранен был второй партизан. Петька и Прибылов наскоро перевязали его и снова припали к щелям. И вдруг Прибылов с ужасом обнаружил: кончились патроны.

— Стреляй по танку! — крикнул он Петьке и хотел было схватиться за гранаты, но их нигде не было. «Лена! — молнией мелькнула в голове Прибылова мысль. — Это она взяла гранаты. Но зачем?» Однако раздумывать было некогда: танк разворачивался для повторного выстрела. А Лена в это время, ловко лавируя, шаг за шагом приближалась к стальному

чудовищу. В руке она держала связку гранат. Прибылов в отчаянии кусал губы. Что делать? Девушку надо прикрыть, если вдруг немцы обнаружат ее, но у него нет ни единого патрона. Пусты автоматы партизан. Но вот сильный взрыв покачнул стены. Когда дым рассеялся, Прибылов не увидел Лены. Ярким факелом горел немецкий танк. Языки огня яростно плясали на его броне, небо заволакивали черные клубы дыма.

В дом скользнул Петька и замер на пороге с серым платком в руках. Это был платок Лены — память об отважной девушке, отомстившей врагу за отца, за себя, за свою Родину.

* * *

Большой боевой путь прошли сыны Урала — воины снежного батальона. Подмосковье, Белоруссия — во многих деревнях и селах оставили уральские лыжники свой добрый след.

Никогда не забудут о них жители деревни Шепели. Фашисты согнали всех, кто был в этой деревне, на площадь, взяли заложников. Людей готовили к отправке в Германию. Но уральцы сделали все, чтобы спасти людей. Своим стремительным вторжением они заставили карателей обратиться в бегство. Сотни людей были спасены от неминуемой гибели.

А жаркий бой, разгоревшийся недалеко от хутора Борки? Батальоном эсэсовцев, захвативших в плен немало советских солдат и офицеров, командовал полковник фон Заукель. Он-то и придумал устроить над военнопленными жестокую расправу — выгнать их навстречу наступающим советским войскам — пусть перестреляют своих. Однако фон Заукель просчитался. Отряд уральских лыжников внезапно напал на карателей, уничтожил их, освободив военнопленных.

Смелый налет на станцию Смоловка Витебской области, десятки взорванных складов с боеприпасами, пущенные под откос немецкие эшелоны, освобожденные от фашистской неволи сотни мирных жителей — вот следы, оставленные на фронтовых дорогах прославленным батальоном уральских лыжников.

И. Богуславский
ЧЕРЕЗ ВОЙНУ

Передо мной книга Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова «Начало пути». Это воспоминания о великой битве на Волге, о воинском подвиге, вписанном в историю Великой Отечественной войны сынами и дочерьми народа.

На одной из страниц книги мое внимание привлекла знакомая фамилия: Тамара Ивановна Шмакова. О ней вспоминал маршал:

> «В дивизии Батюка служила военврач Тамара Ивановна Шмакова. Я знал ее лично. Немало жизней спасла Тамара Шмакова… Многие, оставшиеся в живых,

должны благодарить ее за спасение. А бывало, что убереженные от смерти бойцы даже не могли узнать имя этой девушки».

Потом я встречал ее имя в других книгах, рассказывающих о незабываемой волжской эпопее. О Шмаковой писали как о бесстрашном человеке, в самые трудные минуты остававшейся воином, примером и поддержкой другим.

…Тамара Ивановна Шмакова. Неужели это та самая маленькая, неприметная с виду женщина, которую я так часто встречал на затененных улицах нашего заводского поселка? Та самая Тамара Ивановна, которую, уверен, все матери Уралсельмаша знают как милого, отзывчивого детского врача?

Признаться, я не без трепета открывал перед нею книгу маршала В. И. Чуйкова, командовавшего легендарной шестьдесят второй гвардейской армией.

— Это о вас пишет маршал Чуйков?

Она улыбнулась.

— Обо мне.

Потом она встала из-за стола, достала альбом с фотографиями военных лет. На некоторых из них уже исчез глянец. Некоторые немного пожелтели. На одном из снимков я увидел высокую фигуру маршала Чуйкова в окружении своих боевых соратников. Это была свежая фотография. Чувствовалось, что она сделана не так давно. Я вопросительно посмотрел на Тамару Ивановну. Она поняла, что меня интересовало.

— Прошлым летом гостила я у своих однополчан в Москве. Как-то раздался телефонный звонок. Говорил маршал Чуйков. Ему сказали, что и я сейчас здесь, среди гвардейцев шестьдесят второй. Он попросил, чтобы я подошла к трубке.

— Василий Иванович, — сказала я, — помните меня?

— Конечно, помню… Где вы живете сейчас? — спросил он.

— В Кургане, педиатр я.

— Хорошо. А Курган я знаю. Бывал там в молодости, когда Колчака громили…

— Спасибо, что не забыли.

— Ну что вы, это вам спасибо…

— Возвращалась я из Москвы, — продолжала свой рассказ Тамара Ивановна, — под впечатлением этой встречи, этого разговора. Двадцать лет прошло, как кончилась война. А все вот так передо мной, — Тамара Ивановна провела рукой перед глазами. — Как будто вчера было. Ведь я войну всю пешком прошла от Волги до Берлина.

…До сих пор, когда я пытался как-то обобщенно представить

себе образ советского воина-освободителя, я почему-то видел, как сквозь дым пожарищ и груды развалин проходит рослый, широкоплечий солдат в каске, с автоматом, с обветренным лицом, в запыленных сапогах, в развевающейся за спиной плащ-палатке.

А тут передо мной сидела маленькая, хрупкая женщина со спокойными, мягкими глазами, с гладким зачесом волос, с первыми бороздками, которые проложили на ее лице время и все пережитое в те суровые годы.

* * *

…В двадцать два человек любит мечтать. И разве можно его упрекать, если мечты у него бывают чуть-чуть розоватыми, как облака, освещенные восходящим солнцем? Тамара Шмакова мечтала. Еще два-три месяца — и позади институт. Два-три месяца — и застучат колеса. Будут реки, леса и рельсы. Будет маленькое приозерное село Саломатное, село ее детства. И будет в Саломатном очень важный, очень знающий врач Тамара Ивановна Шмакова. Именно так: Тамара Ивановна. При этом она почему-то всегда смеялась. Ей было смешно, что ее, такую маленькую, будут звать Тамарой Ивановной. И не будет в Саломатном ни одного больного ребенка. Потому что всех до одного она вылечит и будет очень стараться, чтобы уходили болезни.

Это будет скоро. Еще два-три месяца, и в один, очень яркий и очень солнечный, с белыми облаками день (наверное, это будет воскресенье) соберутся они всем курсом на выпускной вечер, попрощаются, поклянутся в верности студенческой дружбе и…

…Был, как она и представляла, очень солнечный и очень яркий с белыми облаками воскресный день. Но не было выпускного вечера. Началась война.

Она свалилась на плечи людей неожиданно, как грозовая туча, медленно подбиравшаяся из-за леса, а потом враз опрокинувшаяся всем своим грохотом на тихую равнину, внимавшую утренним лучам, пению птиц и журчанию ручья.

В институте ввели полевую хирургию. Все остальное отодвинулось на второй план. Лекционные часы прибавили вдвое. С утра до вечера.

Профессор Попов, старый омич, сказал студентам:

— Вы трудно начинаете свой путь. Но знайте, русская хирургия всегда верно служила отечеству. Она не отсиживалась в тыловых госпиталях. Фронт будет для вас школой жизни.

Запомните, школой жизни. Я уверен, вы будете честными людьми.

* * *

…В августе 1942 года в составе 284-й дивизии военврач Тамара Шмакова подъезжала к пылавшему Сталинграду. Лицо ее обветрилось, запылилось. Навстречу в повозках, на машинах двигались колонны раненых.

Она выпрыгнула из кузова, подбежала к вознице, усатому почерневшему солдату с перевязанной рукой, помогла ему закрутить цигарку. Теперь это у нее получалось. Научилась в госпитале на Урале, в Чебаркуле, где несколько месяцев проходила стажировку. В госпиталь все время прибывали раненые. Она понимала, что война не щадит человеческих жизней. Но то, что она увидела здесь, по дороге на Камышин, не укладывалось в сознании. Оно отказывалось принимать все это.

— Что там, отец? — заглянула она солдату в глаза.

— Горе, — сказал он одним словом. — Дай тебе бог остаться живой в этой беде. — Солдат тронул поводья. Бричка с высокими бортами и соломой, на которой лежали тяжело раненные, тихо заскрипела колесами.

Волга вздымалась взрывами водяных столбов, грохотом подходившей техники, многоголосой речью прибывших полков. Здесь была передовая линия фронта.

На правый берег переправились ночью. Днем это сделать было нельзя. Переправа держалась под обстрелом немецкой артиллерии и самолетов.

Улицы города угрожающе молчали. В небе вспыхивали ракеты, выхватывая из тьмы искалеченные каркасы зданий. Трудно себе представить, что когда-то в них жили люди, белели в окнах занавески, раздавался детский смех. Дома зияли холодными безмолвными провалами.

Полк расположился в районе завода «Красный Октябрь». По соседству справа завод «Баррикады», а чуть севернее — тракторный, южнее — Мамаев курган.

Санитарная рота полка заняла свой пост на берегу реки у шестьдесят второй переправы. В крутой глиняный берег была врыта бог весть откуда взявшаяся чугунная плита. Она образовала что-то вроде стенки шалаша и защищала от осколков, когда начинался обстрел переправы.

Раненые все подходили и подходили. Казалось, этому потоку не будет конца.

Тамара думала об одном: скорей бы кончилась эта ночь. Все-таки днем можно будет соорудить какой-нибудь блиндаж, и тогда обрабатывать раненых будет легче. Но ночь не проходила. Санинструкторы подносили и подводили перевязанных бойцов. Нервное напряжение достигло предела. Потом она будет мечтать, чтобы скорей проходил день и чтобы тьма скрыла столпившиеся у переправы потоки людей. Тогда не будет прицельного огня и тогда смерть не будет так жестоко, почти в насмешку, косить человеческие жизни. Это была ее первая ночь на войне, рядом со взрывами и перестрелкой, рядом со смертью. Она уже насчитала шестой десяток обработанных ею и переправленных на левый берег раненых. Руки отказывались держать скальпель. Мышцы предплечий деревенели. Глаза щипал едкий пот. Ночь не принесла прохлады. Воздух был душный, прогорклый, настоенный на дневном зное, перемешанный с пылью и пороховой гарью.

Подошел старший полковой врач Чернов. Он только что побывал в батальонах, проверил санитарные посты. Присел на какой-то ящик, опустил голову на руку и закрыл глаза. Для него это была далеко не первая бессонная августовская ночь 1942 года. Был он обросший, выбившийся из сил. Но тут же поднялся, в глазах с трудом пробилась улыбка.

— Ты знаешь, военврач Шмакова, я верил, что на тебя можно положиться. Сначала, правда, засомневался: что ты, такая крохотная, будешь здесь делать? А ты вон какая. Молодец! Знаешь, о чем я подумал: почему душа в одном человеке огромна, если сам он даже невелик, а в другом — всего с ноготок, не приметишь. Почему? — И он рассмеялся. Он не давал указаний, как старший полковой врач. Просто с ним становилось легче. Оттого, что он просто говорил с тобой на «ты», как с другом, оттого, что он не бросался громкими словами, и оттого, что верил в тебя. И поэтому весь ужас творившегося на твоих глазах не казался неизбывным. И она знала, что все это — смерть, бинты, кровь, скальпель — все рано или поздно закончится самым желанным, имя которому — победа. Но предстояло еще много пройти и испытать, чтобы вслух произнести это слово, которое в сердце было всегда. И военврач Василий Чернов одним присутствием своим вызывал в людях эту твердую уверенность в победе.

Заснула всего лишь на часок-другой. Чернов решил не мотаться больше этой ночью по позициям полка, а заменить ее, потому что понял: на второй сотне раненых солдат она просто свалится с ног. Для нее — это первая ночь.

С утра начался шквальный огонь. Санитары, ночью

сооружавшие блиндажи, направились на передовую. Шмакова снова принимала раненых, обрабатывала их и отправляла к переправе, на левый берег. Чернов заканчивал крыть крыши блиндажа. Медпункт переместился в укрытие. Было оно сделано наспех, из случайных досок. Но все-таки это было укрытие.

Раненые прибывали целыми партиями. Одна за другой. Без интервалов. Тамара понимала: в нескольких сотнях метров от нее грохочет бой. И неизвестно, что будет через несколько дней и даже часов… Пришла весть, что в районе Дома специалистов немцы пробиваются к Волге, стремятся перерезать плацдарм надвое.

Она работала молча, сосредоточенно, не произнося ни слова. Ее фронт был здесь. И поэтому она должна делать свое дело твердо, без паники. Потому что она первая, кто решает будущее раненого бойца: останется он жить или больше никогда не вернется в строй. Потом он попадет в тыловой госпиталь, и уже там люди в белых халатах будут не спать ночами, чтобы вернуть человеку жизнь, а Родине — солдата. Но в первую схватку со смертью вступает она. И это тоже бой. Настоящий, требующий нечеловеческих усилий и воли. Немцы бомбили переправу. Кипела не только вода, но и прибрежный песок. Бомбы рвались у самых блиндажей, куда тянулась длинная цепочка раненых.

«Только бы не упасть, только бы хватило сил», — думала военврач Шмакова. Пальцы рук немели. А поток раненых не убывал. На носилках принесли артиллериста с перебитой рукой. Он потерял много крови, был бледен. Казалось, жизнь оставила его давно. Надо было принимать срочные меры. Надо было с кем-нибудь посоветоваться. Но капитана Чернова не было в блиндаже. Он окопался в окопе, установил противотанковое ружье, задрав его кверху, и стрелял по немецким самолетам. Они издевательски низко спускались над катерами, баржами, лодками, принимавшими на борт раненых солдат и ополченцев.

Жизнь артиллериста была на волоске. Нужно ампутировать руку. Иначе гангрена и тогда — смерть. Никаких условий. А главное — опыта. Но она решается. Потому что, если солдата и доставят в госпиталь, будет уже поздно. Потом в дыму и грохоте боев она сделает еще не одну ампутацию и спасет не одну человеческую жизнь. Но эта, первая, запомнится надолго, как первый жизненный экзамен, как испытание на прочность, выносливость и стойкость.

Шел поток раненых, а Шмакова работала, не проронив ни слова. Скулы ее были сжаты, а нервы натянуты, как струны в большой мороз.

Наверное, она могла бы не выдержать. Потому что всему

бывает предел. Перегрузки на прочность тоже вкладываются в нормативы. Здесь нормативов не было. Просто она видела людей, видела их глаза. И читала в них святую ненависть к врагу и надежду и веру в то правое дело, которое они отстаивали своей жизнью. И она знала, что нужно окаменеть еще на сто дней, на двести, а если потребуется, на годы, чтоб не уйти отсюда. Потому что дальше идти некуда. Потому что здесь фашистскому зверю должен быть сломлен хребет. А иначе погибнет все самое светлое, что сделали на земле люди, погибнет ее мечта. Мечта ее юности. Ведь ей еще так мало лет. Всего двадцать три… И жизнь только начинается.

* * *

В сентябре полк перекинули к Мамаеву кургану. Положение оставалось сложным. Враг бросил на штурм города огромную технику и сотни дивизий, вооруженных с головы до ног.

Более двадцати суток пылает город. А армады бомбардировщиков круг за кругом штурмуют и бомбят позиции защитников волжской твердыни. Сотни самолетов каждый день сбрасывают свой смертоносный груз на окопавшихся солдат, на полки, подвинувшиеся к Мамаеву кургану, занятому немецкими войсками.

По нескольку раз в день дивизия Батюка, в которой служит Тамара Шмакова, пытается овладеть высотой.

Медсанрота полка — у подножия кургана. В сутки приходится обрабатывать до трехсот раненых. Уже нет полкового врача Василия Чернова. Он погиб от разорвавшейся бомбы, защищая блиндаж противотанковым ружьем. Это случилось на глазах у Тамары. Он пытался сбить хоть один самолет. Они давно приметили его, немецкие асы. Им легко было сверху воевать с этой одинокой огневой точкой, с этим, как им казалось, обезумевшим наводчиком, охраняющим раненых солдат не только бронебойными патронами, но и невиданной душевной дерзостью. Им было видно сверху и его лицо, и глаза, и широко открытый рот. Они только не слышали, что он кричал им. Они догадывались, о чем он кричал им! Удар разорвавшейся бомбы был точным. Толстый слой обрушившейся земли похоронил капитана. Старшим полковым врачом назначили Тамару Шмакову. Теперь она отвечала за медицинскую службу полка. Она знала, что ей трудно будет заменить Чернова, который умел не только организовать работу в батальонах и обрабатывать раненых, но и, если надо, — биться в схватке с врагом. Силы

временами оставляли ее. Кромешный ад Мамаева кургана было трудно перенести. Она видела, как не выдерживали мужчины.

В санроту прислали нового хирурга. Совсем юноша, только что со студенческой скамьи, он бледнел от разрывов бомб. Руки тряслись у него, когда он брал в руки скальпель. И тогда он садился на табурет, опускал голову на руки и так сидел, не поднимая глаз. Он стыдился своей слабости и ничего не мог с собой поделать.

Шмакова не упрекала его. Она понимала, что мужество приходит к человеку не сразу. Солдатами не рождаются. И она брала из его рук скальпель и, усталая, измотанная бесконечными вызовами на передовую, склонялась над ранеными.

Случалось не один раз, что где-то в батальоне погибал санинструктор. И чтобы не отвлекать и так немногочисленные силы санроты (всего четыре врача), она шла в часть, где образовался прорыв, и уводила из боя раненых в блиндаж, над которым развевался флажок Красного креста, и тут же приступала к обработке ран.

Однажды ее самое привели в блиндаж. Она шла согнувшись, прижимая к груди руку. На фуфайке проступала кровь.

Командир полка распорядился, чтобы она немедленно покинула санроту и отправилась в госпиталь. Это был один-единственный раз, когда она не выполнила распоряжения командира. Шмакова осталась в строю. Ей перевязали рану, и она продолжала принимать и обрабатывать раненых. Все это было на глазах у начинающего хирурга. Он поднялся с табурета, подошел к Тамаре Ивановне и, посмотрев ей прямо в глаза, сказал:

— Извините меня, доктор…

Лицо его оставалось бледным. Но скальпель в руках больше не дрожал.

Много забот у полкового врача. Хоть разорвись, а раненых надо искупать, накормить, подготовить к эвакуации. Конечно, все бы это было куда проще, если бы рядом не рвались бомбы и снаряды, и тонкие стены наскоро слепленных блиндажей не тряслись, как карточные домики. Если бы под боком был водопровод и склад медикаментов…

Временами, когда стихало, ненадолго, по очереди засыпали тревожным сном врачи, фельдшеры и санитары. Тамара молча смотрела на их усталые, обветренные лица и думала: эти люди отлиты из железа. Иначе чем объяснишь их выносливость, их огромное перенапряжение сил?

Вот дремлет Кенже Жигеров. Час назад он вернулся с левого берега, доставил медикаменты, бинты. Это же только надо представить, сколько раз переправлялся он через Волгу,

поливаемую пулеметными очередями! Сколько раз плыл в своей утлой лодчонке в обнимку со смертью и ни разу не проронил ни вздоха, ни просьбы о замене или переводе на другой, менее опасный участок. Впрочем, на войне всегда рискуешь…

В минуты временного затишья она вспоминает свой дом. Отца своего, колхозника, и старую мать. Далеко они в Зауралье. Им там тоже нелегко. Отправили на фронт пятерых детей: трех сыновей и двух дочерей. И ждут, наверное, не дождутся писем, весточек от них. И она, Тамара, давно не отвечала на письма. Совсем закрутилась в этой военной суматохе. А так она все время с ними, родными своими. И чтобы они не знали этого ужасного воя врезающейся в землю бомбы и свиста летящей мины, она здесь, в самом пекле войны, сколько хватает сил, делает свою работу, помогая стране закончить войну победой. Теперь она знает, победа близка. Потому что враг окружен. И никуда ему теперь отсюда не деться. И не спасут его никакие танковые армии, посланные Гитлером на помощь Паулюсу. Наши стоят твердо. И Мамаев курган теперь в наших руках.

Она вдруг подумала, что еще много всяких высот придется брать, но, наверное, никогда не забудется та, на волжском берегу, со степным названием Мамаев курган, политая солдатской кровью.

Потом, когда через несколько лет она снова вернется к Мамаеву кургану, она увидит на его вершине гордо стоящий танк. Наверное, тот самый, который видела в трудную годину штурма высоты. Теперь он стоит как вечный памятник мужеству и героизму советских людей.

* * *

Разгром немцев на Волге громкой радостью отозвался в сердце каждого бойца. Гвардейская армия генерала Чуйкова двигалась на запад. На груди полкового врача Тамары Шмаковой вместе с боевыми наградами красной эмалью алел флажок гвардейского значка.

…Километры выжженной земли. В атаку устремляется полк, отвоевывая с боем каждую пядь родной земли, и тут же вслед за солдатами идет со своей ротой полковой врач Тамара Шмакова. Сколько уже пройдено, начиная от Волги? Пятьсот, семьсот, тысяча километров? Пешком и все пешком… С боями. После Волги — Донбасс, тяжелые бои под Славянском. Разве забудется Голодная Долина? Здесь погиб генерал Батюк, командир дивизии. Редели роты. Горе закипало ненавистью. Ничего не могло

остановить гвардейцев. Позади Днепр. А ноги маленькой уральской девушки меряют и меряют дороги войны. Солдаты встречают ее с улыбкой.

Как-то на привале краем уха услышала она брошенные солдатом слова:

— Война старается, а она идет себе и идет. И горя ей нет. Какая сила в человеке!

— И правда, — поддержал его другой солдат. — Увидишь ее и легче как-то становится. Не все смерти подвластно…

Горя было много. В боях за Харьков погиб ее брат Валентин. Были они близко друг от друга. А не свиделись. На станции Шевченко получила от отца письмо. Когда она зарубцуется теперь, эта рана? Она вспомнила первые дни войны, проводы брата. Он верил, что вернется. Молодой, сильный, мечтательный…

Впереди лежал Днестровский плацдарм. Тамара знала, что в этом районе должна быть ее сестра Галина. Она служила в авиаполку корректировщиком. Письма приходили от нее с адресом, по которому можно было судить, что она совсем рядом. Чувствовала себя Тамара членом большой солдатской семьи. А близость сестры разбудила в ней еще одну струну, и она затрепетала в ней, заныла неуемной тоской по родному дому, по материнскому очагу. И как-то вдруг почувствовала она себя уставшим человеком, которому и не грех бы немного отдохнуть, потому что плечи ее не так уж широки, а сердце могло бы тоже стучать чуть-чуть спокойнее и тише. И вообще не слишком ли много смертей и ужасов выпало на долю одному человеку? Это была минутная слабость, от которой ей самой становилось стыдно, и она до боли смежала глаза, чтоб не дать пробиться слезе. А если она и пробивалась, то от злости, что она такая слабая, совсем слабая. Тогда у нее до хруста сжимались кулаки. На нее смотрели и понимали: на войне не плавится не только железо…

За Днестром шли смертельные бои. Война перекатилась за государственную границу СССР. Фашисты предпринимали все, чтобы задержать наступление советских войск. Однажды ночью случилась беда. Немцы неожиданно напали на передовое охранение полка. Тамару разбудила стрельба, беспорядочный шум моторов, несвязные голоса команды. Она выскочила из дома, в котором расположилась санрота.

Ей сказали, что прорвались немецкие танки, что за ними напирает пехота. Эвакуировать раненых было трудно. На переправе образовалась пробка. Она кинулась искать лошадей, хоть какой-нибудь транспорт. Части спешно занимали оборону.

Что делать? Сердце ее разрывалось от боли и обиды. Под руку подвернулся растерявшийся лейтенант, бежавший к переправе. Она его дернула за ремень, вырвала из рук автомат и закричала, что было сил:

— Остановись, сволочь! Трус! Ничтожество! Забыл, что была Волга?! Чего испугался?

Вот когда ей стало обидно, что у нее такой маленький рост и что она не может отхлестать по щекам этого верзилу.

С автоматом залегла Тамара Ивановна вместе с подразделением солдат. Бой длился всю ночь. Она не могла стрелять из автомата. Это был первый случай, когда она взяла в руки ружье. Бойцы быстро научили ее, как менять диски, как нажимать на гашетку. Она с яростью стреляла по наступавшим цепям немцев. Ее душили слезы, что вот по вине какого-то растяпы, после стольких лет войны, допущена оплошность, за которую расплачивалось жизнями столько солдат.

Утром, когда стих бой и враг был отброшен, вместе с радостью от выигранной битвы в ее ратном багаже отлеглась еще одна истина: война есть война. И наступление — не всегда прямая линия вперед. Но поняла она так же, что никакие случайности не могут остановить продвижение наших войск, что боевой дух солдат непоколебим и что поэтому близка победа.

…Был освобожден Тирасполь. Тамару догнало письмо от сестры Галины. Она совсем рядом, в каких-нибудь полутора десятках километров. Сердце заныло радостью и тревогой. Рядом родной человек. И кто знает, удастся ли свидеться позже? Всякое может случиться. Командир полка спросил:

— Двух суток хватит?

Тамара, обрадовавшись, закивала головой.

— Сутки, только сутки, товарищ полковник.

Санитар Петров вовсю гнал лошадей. Бричка летела по тихой приднестровской долине. Тамара дивилась тишине и проступавшим сквозь черные клубы дыма синим облакам. Где-то в стороне слышались отголоски орудийных раскатов.

— Неужели будет время, когда небо будет совсем синим, Илья Алексеевич? — спросила она Петрова. Тот потуже натянул вожжи, лошади рванули быстрее.

— Будет. Теперь будет…. — сказал он мечтательно. Потому что, как и его командир «товарищ полковой врач», думал он сейчас о своем доме на Урале, о детишках, которым, наверное, ой как трудно, и жене своей, выбивающейся из сил, чтоб прокормить детей и как-то дотянуть до конца войны.

…Стояли они, обнявшись, рассматривая друг друга, две женщины — два воина. Разными фронтовыми дорогами шли они

от Урала через ужасы и смерти. И вот встретились на одном из перекрестков войны, в разрушенном, разбомбленном городе. Встретились и поняли, что сердца их не зачерствели от трудного солдатского быта, от черного дыма, все время заслонявшего небо и постоянной, ни на минуту не переставшей витать над ними смертельной угрозы. Наревелись, выплакали свою печаль но погибшему брату Валентину, по осиротевшему отцовскому дому. Вспомнили братьев Леонида, парашютиста-десантника, Ивана, пехотинца… Где они сейчас? Да и что дома? От отца давно нет вестей. И тут же сели писать письмо. Они знали, как обрадуются отец и мать, когда получат фронтовой конверт, в котором окажется письмо, подписанное двумя их дочерьми Тамарой и Галиной.

…Расставались они на окраине города. Прямо от разрушенных стен расстилалась ровная приднестровская степь. Долго не могли оторваться друг от друга, навзрыд плакали. И пока степной мираж не растворил в серых каменных развалинах хрупкую фигурку сестры в длинной солдатской шинели, Тамара все смотрела в сторону исчезающего города.

И снова санитар Илья Петров торопил лошадей, потому что была война и звала людей в дорогу…

…Временами Тамара задумывалась: сколько прошла она этих дорог! Сосчитаешь ли километры, оставленные позади? А сколько рек легли за спиной, взятых ценою стольких жизней! Дон, Днепр, Днестр, Висла, Одер… Впереди была Шпрее. За нею окопался издыхающий зверь. Страшны его последние судороги.

Каждый дом в Берлине отплевывался фаустпатронами и фаустснарядами, врезавшимися в каменные мостовые. Они сжигали в грохоте и пламени все живое. Но войска, уже штурмовавшие Берлин, трудно было остановить. Квартал за кварталом, улицу за улицей очищали они от гитлеровского отребья.

Победа была совсем близкой. И Тамаре Шмаковой казалось очень обидным именно теперь, в последние дни штурма, нарваться на пулю, осколок снаряда и не дожить до той самой минуты, ради которой столько пройдено и выстрадано, не услышать тот самый орудийный раскат, который возвестит миру о победе. Можно было бы быть более осторожной, ну хотя бы самую малость. Не обязательно же лезть в самое пекло боя. Для нее разве мало работы? Очень трудной, очень нужной, которую, кроме нее, не мог никто выполнять. Надо было просто ограничить свою жизнь кругом обязанностей, предусмотренных, так сказать, должностной инструкцией! Разве кто-нибудь смог бы упрекнуть ее потом? На пятый год войны, можно, наконец, взяться, за четкое

соблюдение только того, что предусмотрено уставным распорядком.

Конечно, ни о чем подобном она и не думала, подобное и не приходило ей в голову. Совсем недавно в фольварке Ротвейн ее оглушил разорвавшийся рядом немецкий снаряд. Война сразу куда-то провалилась, и мир оказался безмолвным и тихим, как в немом фильме.

Ей было приказано немедленно покинуть передовую, но она продолжала оставаться на своем посту. Глаза ее видели, руки уверенно подчинялись мозгу, а санитары и фельдшеры — ее команде и распоряжениям. Контузия отступала медленно, но все же отступала. Наверное, потому, что думала в эти часы Тамара Шмакова не о себе, а о тех солдатах, которые подвергались более тяжким испытаниям, которым смерть угрожала каждую минуту и которым нужна была безотлагательная помощь.

Здесь, в Берлине, ее видели в самых опасных местах, на простреливающихся перекрестках. Она знала, что именно сейчас ее присутствие особенно нужно солдатам, ведущим бой за каждый дом, каждый метр, каждый подвал, чердак, откуда отстреливался враг, пытаясь хоть на минуту оттянуть свой последний час.

Потом она будет с гордостью вспоминать, что до последней минуты, пока не пал Берлин, она была на линии огня и что путь, пройденный от берегов Волги, был до самого последнего выстрела на передовой. Ни разу не позволила она себе слабости, не избегала опасности, вырывала из рук смерти десятки, сотни вверенных ей людей. И если она осталась жить, то только потому, что презирала смерть и очень хотела увидеть день Победы.

* * *

Улицы и дома поселка Уралсельмаш покрыты белым пухом. Это цветут раскидистые тополя. Я часто встречаю Тамару Ивановну Шмакову с маленьким чемоданчиком в руках, в белом халате. Она спешит «на вызов». Что поделаешь, когда дети маленькие, они часто болеют.

Мамы много переживают и вызывают на дом врача. И когда ребенок снова чувствует себя хорошо, говорят ему простые, идущие от сердца слова: «Спасибо, доктор». Разве всегда знают матери, что, покидая их дом, вместе с улыбкой доктор уносит тревогу и думы многих бессонных ночей? Выздоровел еще один ребенок. Разве это не радость для доктора?! Ради этого она живет и работает, человек самой мирной профессии, бывший полковой

врач, теперь просто — детский врач Тамара Ивановна Шмакова.

М. Шушарин
ВОТ ТАК ЖИТЬ

Герку словно ветром сдуло с печи. Он надел на бегу непомерно растоптанные бабушкины сапоги и выскочил на улицу.

В штабе гомон молодых голосов. Ругань. Однорукий кряжистый мужик кричит на начальника штаба, беловолосого хмурого питерского рабочего:

— Ты что, Красную Армию укреплять не хочешь?! Может быть, ты — контра?

— Да не могу же я безруких в армию регулярную зачислять.

— Безруких? Я же без руки отрядом партизанским командовал. Уничтожал беляков. А сейчас ты меня на печку посадить хочешь?

— Ну, хрен с тобой, — багровеет питерец. — Иди, вставай на довольствие. Только если замечания какие будут, шкуру спущу!

— Есть идти! — и мужик браво щелкнул каблуками.

Герка расталкивает парней и подходит к столу.

— И меня запишите, товарищ!

— Нельзя.

— Как так нельзя? Другим можно, а мне нельзя?

— Молод еще. Подрастешь, тогда уж, — миролюбиво смотрит на Герку начальник.

Все смеются. Паренек ростом не уступит любому мужику, только вот голос… все еще мальчишеский, как у молодого петуха, да усы с бородою не растут, хоть тресни.

Начальник штаба встает из-за стола, поднимает руку.

— Вечером, — говорит он, — приходите все сюда. О создании ячейки РКСМ разговор будет.

А на дворе не то дождь, не то снег. Налетит откуда-то из-за околицы крупчатая стена, засыплет землю сахарно-белой пленкой, а потом склизь под ногами, грязь…

Герка до самого вечера не уходит домой. Сидит вместе с парнями-одногодками под навесом, где конники-красноармейцы несут наряд, помогает поить лошадей. И лишь засветилась в штабе лампа-десятилинейка, подростки толпой хлынули в помещение.

Шел октябрь 1919 года. Мощным ударом части Красной Армии отбросили за Тобол Колчака. Политотдел 30-й стрелковой дивизии расположился в селе Мокроусово. Здесь формировались новые части из крестьян-добровольцев, здесь впервые создавалась комсомольская ячейка.

Герка Тарасов был самым заметным в селе парнем. Мать его, сельская учительница, Августа Устиновна Тарасова, с детства приучила Герку к труду. Он лучше других постигал грамоту, первенствовал в деревенских играх, проворно и ловко выполнял любую крестьянскую работу.

РКСМ! Для Герки и его сверстников, не знавших детства, но хорошо знавших нравы колчаковцев, видевших своими глазами, как издевались они над красным комиссаром Юдиным, слово РКСМ звучало заманчиво, красиво.

— Российский Коммунистический Союз Молодежи, — сказал им комиссар, — это смена большевиков. Тот, кто станет комсомольцем, всю жизнь должен отдать борьбе за счастье людей.

Понятно?

— Понятно, — «басили» ребята.

В тот вечер и была оформлена Мокроусовская комсомольская ячейка, а секретарем ее стал Герман Тарасов.

Не очень-то по нраву пришлась комсомолия местным богатеям. В первый месяц организовали ребята маленький самодеятельный театр, песни озорные распевали про купцов-воротил, называя каждого ученым словом «эксплуататор». Но это еще ничего! Стали контрибуцией в пользу советской власти заниматься, организовывать красные обозы. Хлеб забирали для городов, для армии, для рабочих!

Однажды вернулся Герка со спектакля домой, а в дверях записка:

«За хлеб, щенок, оторвем голову».

Наутро привезли из леса молоденькую сельскую учительницу-комсомолку Машу Цыганкову. Лицо разрублено топором, руки выломаны.

Насторожилась ячейка. Установила наблюдение за хоромами купцов Клоповых, Сутягиных, Королевых. Враг действовал ночью. Ночью стали действовать и комсомольцы. Ванюшка Куликов, веселый озорной хлопец, по целым ночам просиживал в густой крапиве на дворе у купца Клопова. Выведал все: и куда зерно закопали братья и кто расправился с Машей Цыганковой. Вскоре представители ЧК увезли Клоповых в уездный город, с тех пор их никто не видел.

Осенью 1920 года приехал в Мокроусовскую волость представитель Ялуторовского укома комсомола конармеец Сережа Беляев.

— Сдавай дела, Герка! — объявил он без обиняков. — Учиться поедешь, в школу второй ступени.

— Что ты, Серега? А мать я на кого оставлю?

— Мать? Поможем матери. Собирайся. Решение укома, братец, закон!

Они почти до полуночи сидели на берегу маленькой речки Кызак, слушали далекие девичьи песни и мечтали. Сережа все повторял:

— Я тоже пойду учиться. Вот только жизнь по-новому повернем — и пойду.

Но не суждено было Сереге Беляеву сесть за парту. Весной 1921 года в Западной Сибири вспыхнул кулацкий мятеж. В Мокроусово ворвались бандиты. Эти дни, наверное, никогда не забудутся.

Теребиловка — центральная улица села (ныне улица Красных

Борцов) — была залита кровью. Вместе с партийными вожаками было замучено и убито двести красноармейцев. Бывший царский вахмистр зарубил Сережу Беляева, раздетого догола, безоружного, прямо на площади.

На выручку коммунистам стремительно несся из Ялуторовска чоновский отряд. С отрядом был и Герман Тарасов. Но опоздали чоновцы.

Тяжело расставался Герка Тарасов со своими друзьями, застыл на коленях перед изрубленным телом Сережи Беляева. Но слезой горю не поможешь. Жизнь звала вперед.

В конце 1923 года призвали его в Красную Армию. Окончил Ульяновское пехотное училище, да так и остался в рядах доблестных советских Вооруженных Сил до конца дней своих.

* * *

…В боях на озере Хасан майор Тарасов командовал батальоном. Его подразделение приняло на себя один из первых ударов самураев. Красноармейцы несколько раз отбивали яростные атаки противника и только в сумерки, по сигналу командира, бросились в контратаку.

Охваченные огневой подковой, японцы спешно отошли к небольшому лесочку, укрепились на опушке. Подожженные ими фанзы пылали и дымились. Языки пламени освещали мертвенным, холодноватым светом голую степь и склоны сопок.

В половине второго ночи Германа Федоровича разбудил связной.

— Товарищ майор, — шептал он, — посыльный от «хозяина» явился.

И в эту же минуту тревожно запел зуммер: звонил сам «хозяин» — командир полка подполковник Ткачев.

— Тарас, ты? В стыке с твоим батальоном две японские роты прошли в тыл. Сейчас навяжут бой. Готовься.

— Есть готовиться, товарищ подполковник.

По тревоге встала четвертая рота. Командир ее, старший лейтенант Комлев, вполголоса доложил:

— Все готово, товарищ майор!

И тут же застучали японские пулеметы.

Красноармейцы, не успев отдохнуть, вновь вступили в бой. Японцы дрались злобно, осатанело. Но перевес был явно не на их стороне. Сжатые со всех сторон, самураи побросали оружие.

Тарасов пришел на наблюдательный пункт, чтобы следить за ходом операции. Вдруг вновь ударила залпами артиллерия.

Девушка-санитарка, перевязывавшая раненых, укрылась в люке давно сожженного японского танка. «Хитра, девчонка», — улыбнулся Герман, отправляясь вместе со связными в первую роту.

Уже на обратном пути, проходя мимо танка, он подумал: «А куда же исчезла санитарка?» Вскочив на танк, отбросил крышку люка. Девушка сидела на корточках, сжавшись в комок. Лицо ее было в крови. Кровь залила гимнастерку, руки, сапоги, сумку. Снаряд, видимо, угодил в башню танка, окалина сгоревшего металла огненной струей брызнула в лицо, изодрав его в клочья.

Тарасов вытащил девушку из танка, осторожно подал связным. Она была без сознания.

— Из какой роты? — спросил комбат связного.

— Из четвертой. Нина Рогова, недавно прибыла, товарищ майор.

— Немедленно доставить в санбат, — приказал Тарасов, но тут пуля ударила ему в челюсть, выбила зубы, разорвала щеку.

В санбат отправили сразу двоих — санитарку Рогову и майора Тарасова.

* * *

В 1940 году Герман Тарасов — полковник, командир одного из крупных военных подразделений в Забайкальском военном округе. В 1941 году, на второй день Великой Отечественной войны, ему присвоено звание генерал-майора. Ему тогда было 36 лет.

Жена его, Тамара Николаевна, верная спутница жизни, провожая на фронт, сказала:

— Не горячись, Гера. Не выказывай молодость свою. Береги себя, милый. Всякое может быть.

Он только смеялся в ответ, сверкая белозубой улыбкой.

Четвертый Украинский фронт. Освобождены Киев, Ростов, Одесса, Крым. Скоро весь юг Украины будет очищен от фашистской нечисти. Освобожден Котовск. Проворный «виллис» подкатывает к каменному обелиску героя гражданской войны Григория Котовского. Генерал-майор Тарасов выходит из кабины, снимает папаху, молча, задумчиво склоняет голову. Стоит две-три минуты, а потом тихо говорит окружающим:

— Вот так героически надо жить и достойно умирать.

В планшете генерала — маленький томик о жизни прославленного героя.

Войска идут дальше на запад.

В предместьях города Бендеры — внезапный уличный бой. Отряд немецких автоматчиков со снайперскими винтовками рассредоточился по чердакам.

Герман Федорович стоит в открытой машине в узеньком переулке. Гвардейцы ведут бой, генеральский КП в безопасности. Улица очищена от врага.

Но вдруг глухой револьверный выстрел. Подбегает связной:

— Товарищ гвардии генерал. Маскируйтесь. Сейчас только что в вас стреляли.

— Кто стрелял?

— А вон, — связной показывает на группу офицеров и солдат, собравшихся у плетня.

— В чем дело?

— Замаскировался гад. Сидел, ждал вон на том сарае. Когда вы подъехали, встал на карачки и к вам. Из-за забора никто ничего не видел, кроме сержанта Васи Лаврова. В самый последний момент схватил Вася бандита за пистолет, палец выстрелом оторвало. Но он и окровавленной рукой угостил «приятеля» так, что сейчас еще отходить не можем.

— А где Вася?

— Перевязали руку и все. Хотели в санбат, не идет.

Герман Федорович вышел из машины и направился навстречу сержанту.

— Молодец. Спасибо, товарищ Лавров. Спасибо, Вася, — говорит Герман Федорович. — У Лаврова крупные капли пота появляются на лбу, лицо бледнеет. Товарищи быстро подхватили на руки раненого гвардии сержанта Василия Лаврова.

* * *

В конце сентября 1944 года войска Второго Украинского фронта вышли в северную часть Трансильвании на перевал Тыргу-Мурем, на юго-западный участок румынско-венгерской довоенной границы и на югославскую границу. Войска Четвертого Украинского фронта расположились правее войск Второго Украинского и вышли в начале октября к водоразделу Карпатского хребта, заняв участок в 320 километров. На этот участок и прибыла 53-я армия. Заместителем командарма был генерал Г. Ф. Тарасов.

Гвардейцы влили новые силы в жизнь фронта. Немцам был нанесен сокрушительный удар. Противника отбросили за Тиссу. Но он еще не был уничтожен. Враг из последних сил старался парализовать действия наших войск.

…Это случилось утром 16 октября 1944 года. Герман Федорович только что получил донесения из дивизий и усаживался в машину. Группа «мессершмиттов», показавшаяся из-за леса, не испугала его. Он отдал последние приказания адъютанту и вскочил в «виллис»…

От страшного взрыва вылетели окна у штабного домика. А потом наступила страшная тишина. Герман Федорович во весь рост встал в машине. Из груди, изо рта, из ушей лилась кровь.

— Быстро в госпиталь, — прохрипел он и упал без сознания. Его увезли в Котовск, в армейский госпиталь. Но спасти генерала не удалось. 19 октября 1944 года умер, не приходя в сознание.

* * *

…Весною здесь буйно цветет сирень. Желтые акации тихо шелестят ветвями. Замирают в полуденной дреме, прячась в тени огромного обелиска, цветы. Осенью опавшие листья густо устилают могилы у подножия памятника. Печально шепчутся тополя.

Круглый год следят за порядком на братских могилах коммунисты, комсомольцы и пионеры села Мокроусово Курганской области.

Более двухсот героев завершили здесь свой последний путь в годы борьбы за становление Советской власти. Среди них: прославленный комиссар полка «Красные Орлы» А. А. Юдин, председатель Мокроусовского волисполкома А. П. Печоркин и многие, многие другие безвестные товарищи.

* * *

…Далеко от Мокроусово в центре города Котовска стремительно взметнулся в небо рубиновой звездой обелиск. Здесь покоится прах легендарного героя гражданской войны Григория Котовского. Рядом сего могилой — могила нашего земляка генерал-майора Германа Федоровича Тарасова, заместителя командующего 53-ей армией Четвертого Украинского фронта. Котовцы свято чтут его память. Алые знамена склоняются над ними в памятные дни.

Герман Тарасов, как и Григорий Котовский, умел героически жить, с достоинством умереть, отдав свою жизнь за свободу и счастье Родины.

Д. Веснин
ВЫСОТА

Уезжая летом 1941 года на фронт, старший агроном Полтавского совхоза Григорий Александрович Шкинев сказал на перроне пришедшим проводить его друзьям:

— Вернусь. Еще поработаем.

Миллионы людей слышали тогда такие слова от родных и

близких, уходивших защищать Родину. Глубоким смыслом наполнены эти слова. В них была уверенность в победе и решимость советских людей отстоять свое право на счастливую жизнь.

Григорий Александрович больше всего любил скромный труд агронома. Во время передышек между боями мысли его нет-нет да и возвращались к совхозным полям. И тучные колосья уральской пшеницы, которую он выращивал до войны, вставали перед глазами всякий раз, когда одетый в шинель агроном старался представить себе, как будет жить после войны.

А приближение ее победного конца год от года чувствовалось все явственнее. Гвардейский артиллерийский полк, в котором служил Шкинев, участвовал в освобождении Орла, Киева, Новограда-Волынского, Житомира, Львова, Перемышля. И вот позади осталась Польша, советские орудия загрохотали на территории фашистской Германии.

Здесь, в логове врага, командиру артиллерийского дивизиона капитану Шкиневу довелось выдержать одно из тех тяжелых испытаний, которые позволяют воину наиболее полно показать, на что способен в бою с врагами Отчизны советский человек.

Однажды весной 1944 года командир полка поставил перед дивизионом задачу: поддержать артиллерийским огнем пехотное подразделение, наступающее на высоту «404» и обеспечить ее захват.

Такие боевые задачи выполнялись дивизионом Шкинева много раз. Но в данном случае задание представлялось особенно важным, так как высота прикрывала подступы к немецкому городку, на который наступали наши части. Отсюда немцы просматривали местность на восемнадцать-двадцать километров. Успех боя за высоту «404» решал судьбу города. И поэтому эсэсовцы, засевшие в дотах и каменных домиках на холме, оборонялись с особым ожесточением.

Ночью пехота подошла к высоте на 800 метров. Дивизион, занявший позади нее огневые позиции, закончил приготовления к артиллерийской подготовке. Два орудия Шкинев приказал выдвинуть под покровом темноты далеко вперед, для ведения стрельбы прямой наводкой. На рассвете эти орудия первыми же выстрелами разбили два железобетонных дота. После артиллерийской подготовки пехота начала штурм, и на склонах холма завязался бой, продолжавшийся более двадцати часов.

Эсэсовцы вели усиленный огонь из-за развалин дотов, из воронок, окопов, подвалов каменных домиков. Фашисты использовали против нашей пехоты все, что у них было: орудия, пулеметы, автоматы, фаустпатроны, гранаты. Когда атакующее

подразделение заняло высоту в нем осталось только два офицера и десяток солдат.

На высоте с часу на час ждали немецких контратак, а рассчитывать на подкрепление из своей части пехотинцы в то время не могли. Шкинев получил по радио приказ — вместе со стрелками во что бы то ни стало удержать высоту.

Оставив орудия на огневых позициях, за несколько километров от холма, командир дивизиона взял с собой «на работу», как он привык говорить, четырех офицеров и сорок солдат — радистов, телефонистов, разведчиков и даже несколько огневиков, без которых орудийные расчеты могли обойтись.

Сорок пять артиллеристов и двенадцать стрелков, не теряя времени, начали готовиться к обороне высоты. По-хозяйски осмотрели трофеи: 85-миллиметровые орудия, пулеметы, автоматы, фаустпатроны, снаряды — словом, все, что можно было использовать против врага. Привели в порядок траншеи, заново приспособили для обороны каменные домики. Каждый получил конкретную задачу, у каждого была своя позиция, которую он должен был защищать.

Немцы контратаковали в тот же день. Первую контратаку защитники высоты отбили сравнительно легко. Но на следующий день атаки последовали одна за другой. Устилая землю трупами, эсэсовцы, как заведенные, снова и снова шли на штурм. Советские воины били фашистов из захваченных немецких орудий и пулеметов немецкими снарядами и пулями, уничтожали вырывавшихся вперед огнем трофейных фаустпатронов. Управляемые с холма по радио, то и дело вели огонь по гитлеровцам наши орудия, но напор эсэсовцев не только не ослабевал, а все более возрастал. Не считаясь с потерями, фашистское командование бросало в бой одну за другой свежие роты и, казалось, им не будет конца.

Ряды защитников высоты с каждым днем редели. Немцы атаковывали холм до восемнадцати раз в сутки. Были дни, когда солдаты с трудом могли улучить минуту-другую, чтобы помочь раненым товарищам. И все же, как только радист Халиков докладывал капитану Шкиневу об очередном запросе командира полка, смогут ли продержаться, капитан спокойно говорил радисту:

— Передайте — сможем.

На седьмой день эсэсовцам удалось окружить высоту. Шкинев лишился возможности получать из дивизиона продовольствие. Приходилось беречь каждый патрон, каждую гранату, каждый солдатский сухарь. И что хуже всего — осталась в живых только половина из 57 бойцов, которые обосновались на высоте в день ее

взятия советскими пехотинцами. Но как только радист докладывал капитану о том, что командир полка спрашивает, смогут ли продержаться, Шкинев по-прежнему спокойно отвечал:

— Передайте — сможем.

Фашисты все туже стягивали кольцо окружения. Теперь основной помехой их приближению являлись орудия дивизиона, точно пристрелявшие за эти дни каждый клочок земли в районе не стихающего боя. Боеприпасов на высоте оставалось мало. Ее немногочисленные защитники почти все были ранены. И все-таки Шкинев не слышал от бойцов ни одной жалобы, не видел на их лицах ни малейшего признака страха и малодушия. С гордостью и нежностью смотрел командир дивизиона на солдат с красными припухшими веками и грязными окровавленными повязками. Все они были его воспитанниками, его верными фронтовыми товарищами.

На одиннадцатый день лишь вершина холма оставалась в руках советских воинов. На двенадцатый день Шкинев собрал всех оставшихся в живых в один дом. На тринадцатый день и в этом доме оставалось всего пятеро: капитан Шкинев, старший лейтенант Вартумян, сержант Сапрунов, младший сержант Халиков и рядовой Катанов. Последний уже четыре дня не мог говорить: сказалась полученная в бою контузия. Остальные четверо имели пулевые и осколочные ранения.

Фашисты, видимо, решили взять живыми защитников высоты. После очередной отбитой атаки они вели огонь только по дому, пытаясь заставить Шкинева и его товарищей израсходовать последний боезапас.

Настал момент, когда у каждого из пятерых осталось только по одному патрону — на всякий случай, для себя. Немцы поднялись в атаку.

— Все в подвал! — скомандовал Шкинев. — Халиков, передайте на огневую: огонь на меня!

Снаряды начали рваться у самых стен здания, один из них разрушил часть каменной стены. Бросив убитых, эсэсовцы снова отступили.

Шкинев вышел из подвала, за ним поднялись товарищи. Надо было наблюдать за врагом, чтобы вовремя передать команду по радио на огневые позиции дивизиона.

— Свои снаряды нас не возьмут, — улыбнулся Вартумян.

— На то они и свои, — в тон ему ответил капитан. И, обращаясь ко всем четверым, добавил: — Как, возьмут фашисты высоту?

— Может, и возьмут, когда нас в живых не будет, — хмуро ответил сержант Сапрунов.

Потом все пятеро долго молчали. Наверное, каждый в эти предсмертные минуты вспоминал родной дом, семью, близких. Но вслух никто не сказал об этом ни слова. Надо было поддерживать бодрость у товарищей и не тревожить их сердца ненужными словами.

Еще раз Халиков передал на огневую позицию команду: «Огонь на меня!» Еще раз отхлынули от каменного домика эсэсовцы, оставив вокруг десятки убитых и раненых. Это была их последняя атака. Посланные на выручку защитникам высоты советские танки рассеяли гитлеровцев, а из открывшегося люка машины, подошедшей к самому домику, послышался взволнованный голос:

— Капитан Шкинев жив?

Так был выполнен приказ об удержании высоты «404». За его выполнение гвардии капитан Шкинев награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Григорий Александрович выполнил свое обещание — вернулся после войны на Южный Урал, снова стал трудиться в сельском хозяйстве. Вначале работал старшим агрономом Полтавского совхоза, потом директором совхоза «Красное поле» Сосновского района. А когда это хозяйство стало отделением укрупненного совхоза «Россия», коммунист Шкинев остался там агрономом, а затем был назначен управляющим.

Отделение «Красное поле» — одно из передовых. Его труженики выращивают высокие урожаи овощей, добиваются высоких надоев молока. И в успехах коллектива — немалая заслуга мужественного и скромного бывшего воина, кавалера семи боевых орденов Григория Александровича Шкинева.

А. Шмаков
ДВА ЧАСА ИЗ ЖИЗНИ СОЛДАТА

Его ежегодно видят на улицах Первомайского поселка, где люди хорошо знают друг друга. Поселок, как одна большая рабочая семья. По утрам вместе со всеми он спешит на работу и возвращается домой, когда кончается день. Если внимательно присмотришься, как идет этот человек, заметишь, ставит он ноги не мягко и пружинисто, а слишком твердо, не сгибая их в коленях. Разрумяненное уральским морозцем, иссеченное тонкими морщинами суровое лицо пятидесятилетнего мужчины при этом подергивается, рубец давней раны на носу мелко

дрожит, а из-под меховой шапки вместо ушей видны лишь стянутые складки кожи. В глазах — ясных и смелых, застыла боль человека, перенесшего тяжелые физические муки.

На широкоплечей, коренастой, ладно скроенной фигуре хорошо сидит защитного цвета телогрейка. В четких движениях, в осанке сохранилась гвардейская выправка. В Чебаркуле — небольшом городке, раскинувшемся у подножия Ильменских гор, все знают его и называют уважительно по имени и отчеству.

Николай Дмитриевич Голубятников возвратился в родной город прямо из военного госпиталя. С тех пор не охоч рассказывать о себе, да и теперь, когда об его недюжинной солдатской стойкости стало известно из книги генерала армии П. И. Батова «В походах и боях», он по-прежнему скуп на слова, говорит сдержанно и считает свой подвиг на фронте делом обычным и будничным.

Автор, приславший свою книгу Голубятникову, надписал:

> «В знак признательности боевого подвига, проявленного при защите великой нашей Родины в 1943 году».

Это всего два часа жизни Голубятникова. Он не забудет их никогда. 24 ранения. Их хватило бы на два десятка смертей, а Голубятников один выиграл у смерти свою жизнь.

Случилось это в дни самых напряженных боев на Курской дуге, на участке, где сдерживала натиск врага стрелковая дивизия, входившая в состав 65-ой армии. Ею командовал генерал Батов. Два месяца солдаты третьей стрелковой роты 616 полка, окопавшись, держали оборону вблизи небольшой деревеньки Летишь. От огневых позиций противника их отделяла речушка, заросшая ивняком, через которую перекинулся железнодорожный мост. Высокая насыпь прямой стрелой уходила туда, где засел враг.

Каждый день Голубятников наблюдал, что происходило на той стороне и докладывал командованию. Все до мельчайших подробностей изучил внимательный солдатский глаз в этом небогатом фронтовом пейзаже. И речушка, и железнодорожный мост, и насыпь, побуревшая от раскаленного воздуха, и лесок, укрывшийся легкой дымкой летнего дня, — все настолько приглядело, что казалось скучным, обыденным, примелькавшимся. Два месяца просидели здесь стрелки роты в ожидании боев и все впустую, а в эту июньскую ночь померились силами с противником.

Николая Голубятникова и рядового Андрея Бестужева, тоже уральца, направили в секрет. Голубятников был опытным

солдатом. Сапером он побывал перед этой войной на финском плацдарме. Там первая пуля обожгла его тело. Бестужев же был новичком. И Николай, как умел, передавал солдатский опыт товарищу. В эту ночь, особенно тихую и какую-то вкрадчивую, щемило сердце, жутковато становилось от гнетущей тишины. Солдаты вспоминали Урал, изредка перекидывались скупыми словами о доме, вслушивались в тишину.

— Смолкли там, что-то будет, — говорил Голубятников. — Значит, готовятся…

Он затягивал самодельную трубку, давал пососать Бестужеву и вслушивался, вглядывался в короткую темень июньской ночи. Шорох в траве насторожил солдат. Присмотрелись: сквозь густую и мутную завесу предутреннего тумана, внизу насыпи по мелкому кустарнику, ползут немцы. Оглянулись назад, и там различили вражьи тени. Опасность надвигалась сразу со всех сторон.

Голубятников крутнул ручку телефона. Трубка молчала. Понял — провод обрезан. Тогда он швырнул противотанковую гранату, разрезав ночь пламенем и взрывом, и вызвал тем пулеметный огонь своих. Завязался короткий и жестокий бой. Немцы рвались вперед, чтобы захватить «языка». Два гвардейца, пока были гранаты, отражали натиск, заставляли немцев сползать с насыпи. Но вот рявкнул оглушающий взрыв. По дозору била немецкая артиллерия. Бестужева засыпало землей. Голубятников едва выбрался из укрытия на бруствер. Но тут ударили автоматные очереди почти одновременно с двух сторон и подкосили гвардейца. Он свалился в траншею, попытался ползти в свою сторону, волоча перебитые ноги и продолжая отстреливаться. Раздался снова вой гранаты. Воздушной волной выбило автомат, обожгло левую руку, прижало тело к холодной земле.

Казалось, все кончилось. Сознание на мгновение помутнело, но потом мысль удивительно быстро отозвалась и четко заработала. Так бывает в критические минуты всегда. Наступило просветление. Физически обессиленный, Голубятников был все же несломленным и продолжал сражаться. Он понимал: на одной руке не уползешь. Сдаться врагу? Никогда! Лучше умереть на своей земле. Он уловил, как вбежали на насыпь немцы. Один из них очутился в траншее.

— Русс! — в исступлении закричал он. — Русс, сдавайся!

Гитлеровец схватил за воротник бушлата Голубятникова, приподнял его. Гвардеец притворился мертвым. Разъяренный фашист выхватил из-за голенища нож, разрезал раненому нос. Солдат ничем не выдал себя. Со злобой немец перевернул его, дважды остервенело ткнул ножом в шею и, ругаясь, отхватил

сначала одно, потом другое ухо.

После боя, когда отогнали противника за речку, окровавленного солдата нашли товарищи из роты.

— Убит! — сказал кто-то. — Что сделали с человеком, звери…

— Жив! — едва приоткрыв глаза и не видя своих, а лишь чувствуя, простонал Голубятников. — Бестужева засыпало… Бестужев там… — и потерял сознание.

Николай Голубятников пришел в себя только в госпитале. Первое, о чем он спросил:

— Где Бестужев?

— Тут я, — услышал Николай. Он повернул в его сторону забинтованную голову. На глазах появились неудержимые слезы солдата, умеющего ценить немногословную мужскую дружбу.

— Небось, страшновато было, а? — пытаясь улыбнуться и как-то оправдать свою минутную слабость, проговорил Голубятников.

— Страшно, Николай Дмитриевич! — признался Бестужев.

— Теперь и ты стреляный воробей.

Радость встречи с боевым товарищем пришла к Голубятникову с другой большой радостью. В этот день госпиталь посетил генерал Батов. Он вручил гвардейцу орден Красного Знамени.

— За мужество в бою, гвардеец, за стойкость и крепость духа…

А потом начались госпитальные дни, более тяжелые, чем два часа июньской ночи. Хотели ампутировать ноги — не дал.

— Чуркой не хочу быть!

Дошла ссора солдата с врачами до хирурга Бурденко. Прилетел он из Москвы в Елец, в госпиталь, где лежал Голубятников.

— Ну как? Что с ногами? — засыпал вопросами Бурденко раненого, а потом приказал снять гипс.

— Отрезать такие ноги? — возмутился Бурденко. — Будешь ходить еще! Держись, герой! — и распорядился приготовить больного к операции.

В январе 1944 года Николая Голубятникова демобилизовали. Жену его Клавдию Григорьевну осторожно предупредили, что муж тяжело ранен и нуждается в постоянной помощи и заботе.

— Хоть какой! — твердо сказала женщина. — Пусть приезжает домой, выходим…

Раны еще долго не заживали, и лечение не прекращалось. Прошло два года. Начала томить тоска по работе. Пошел на комиссию. Определили вторую группу инвалидности.

— Может, еще отдохнешь, Николай Дмитриевич?

— Истомился по делу, — решительно заявил Голубятников.

Устроили его в лесничество. Казалось, лучше и работы не найти. Лес, воздух, приволье! Много свободного времени для раздумий о жизни, о людях. Все хорошо! Еще с детства Николай познал и крепко полюбил природу, вырос в крестьянстве. Ему нравилось дышать парной землей; любоваться березкой, пить ее сладковатый сок ранней весной, когда только набухают коричневые почки; вслушиваться с замиранием сердца в песню первого шмеля, золотисто поблескивающего в солнечном сиянии; всматриваться, как на глазах распускаются первые цветы, щетинится первая трава на болотных кочках и на пригорках. Эту диковинную красоту он впитал в свое сердце смолоду.

Но сейчас трудно было ему ходить по лесам и полям. Летом и зимой в мягкой обуви, а все равно ноги болели, особенно, в непогоду. Мучился-мучился и попросился на другую работу. Перевели его вахтером в мебельную мастерскую. До войны плотничал, привык к запаху щепы и стружки, мог с закрытыми глазами определить, какое дерево в работе. У любимого дела и время незаметно побежало.

Шли годы, а физическая боль не утихала. Как заглушить ее, забыть о ней думать? Только в работе находил он утешение. Возле домика разбил сад, посадил малину, крыжовник, смородину. Бывали дни, когда грызла тоска по боевым друзьям. Глядя на молодые побеги яблоньки, вспоминал Андрея Бестужева. После госпиталя в 1943 году пути их разошлись. Андрей снова ушел на передовую, без вести затерялся на фронтовых дорогах.

Жил Голубятников спокойно, тихо, незаметно. А тут вдруг в 1963 году разыскали его чебаркульские пионеры. Переписывались они с генералом Батовым. Он прислал им свою книгу. Стали читать ее пионеры, а как дошли до страницы, где описывается фронтовой подвиг рядового солдата Голубятникова, запнулись: «Не наш ли это Голубятников?» И оравой нахлынули к Николаю Дмитриевичу.

— Обо мне, — признался он, и слезы радости навернулись на глаза бывшего солдата, как в тот день, когда встретился в госпитале с Андреем Бестужевым. — Помнит, значит, Батов. Спасибо ему за память!

Завязалась с тех пор у Николая Дмитриевича особая дружба с пионерской дружиной, а те не замедлили сообщить генералу, что отыскали Голубятникова. Батов писал солдату:

> «Когда я работал над книгой «В походах и боях» и кратко описывал Ваш подвиг, очень хотелось узнать

Вашу дальнейшую судьбу, где вы сейчас, чем занимаетесь. И вот почти случайно я узнаю от моих друзей-пионеров дружины имени Советской Армии, что Вы живете и работаете в городе Чебаркуле и тесно связаны с пионерской дружиной. Это очень хорошо. Приятно сознавать, что однополчане продолжают служить своей Родине мирным созидательным трудом и участвуют в воспитании молодого поколения».

А потом разыскались и другие фронтовые друзья.

«Последний раз я с Вами встречался в армейском госпитале, когда генерал Батов вручил Вам орден, — писал майор запаса И. Костин, бывший редактор дивизионной газеты. — Вы рассказали мне обо всем, что случилось с Вами и Бестужевым в ту трагическую ночь. А после я писал о Вас в газете. Очень рад за Вас, что Вы живы и здоровы».

Два часа фронтовой жизни. А как они скрепили, спаяли навечно людей неизменной солдатской дружбой! Какая это большая сила мужества и братства, источник радости и человеческого счастья!

Мы сидим в маленьком домике Голубятникова, двумя окнами поглядывающем на заснеженную улицу рабочего поселка. Герой войны живет на улице, носящей имя легендарного Чапаева. И в этом случайном совпадении утверждение того, что в жизни всегда есть место подвигам.

В окна льется яркий свет солнечного зимнего дня. Он озаряет спокойное лицо Николая Дмитриевича. Голубятников вспоминает фронтовые дни, своих однополчан, показывает письма, газетные вырезки, но особенно дорога ему присланная генералом Батовым фотография.

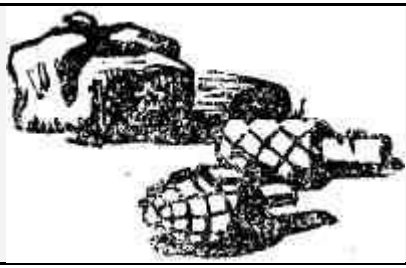
— И сейчас он боевой дух поддерживает в своих солдатах, опекает их, — задумчиво говорит Голубятников, — может, и выжил-то я потому, что генерал во мне этот дух обнаружил и поддержал, заставил поверить в свои силы, прожить жизнь человеком… Постарел сильно, видно, забот и хлопот ему хватает…

Клавдия Григорьевна, пока мы беседовали, скипятила самовар.

— Чашечку чая не желаете?

Мы поблагодарили хозяйку за гостеприимство. Нам предстояла дальняя дорога. Хотелось обдумать все, что рассказал рядовой солдат, человек несгибаемой воли и большого щедрого

сердца.



А. Федоров
СПАСИБО, СЕСТРЕНКА

Не часто, но все же иногда Татьяну Кузьминичну спрашивают, почему у нее на правой руке выколоты тушью чьи-то инициалы. Татьяне Кузьминичне становится неловко, и она жалеет, что зря не надела платье с длинными рукавами. Иногда она отшучивается: молодость, с кем не бывает. А иногда, посуровев до слез, Татьяна Кузьминична вспоминает: это в память о детстве. Оно пришлось на военное время, научившее ее многому, и потому запомнились из него каждый день и каждая встреча.

…Троицкий вокзал, переполненный до отказу. Сутолока и ругань, забитые составы. Гудки паровозов. Тревожный 1921-й военный год. Больной тифом, отец не в силах даже обнять семилетнюю дочь, куда-то пропала мать с братишкой, так и не встреченные больше в жизни. Лазарет и голос медицинской сестры:

— Девочка, твой отец умер. — И слезы, не просыхающие долго.

— Я хочу к маме, — и снова слезы, совсем не детские.

— Пойдем, я отведу тебя в детдом.

Казачье село Варламово — в нетронутом временем бору. Детский дом, приютивший собранных отовсюду ребят. Кто-то еще не расстается с надеждой, что его найдут свои. И вслед каждому прохожему смотрят десятки детских глаз: может, остановится, вернется, может, он просто по ошибке прошел мимо.

Первые привязанности друг к другу и обещания помнить всю жизнь, наколки на детских руках, как скрепление дружбы, чтобы ни на шаг не отпускать от себя эту память. Один мальчишка был для нее братом. Ее имя он взял на память, а она его.

Она играла в детских спектаклях мальчишек, таких же озорных, что были рядом каждый день.

Она никогда не была тихоней, хотя ростом была меньше многих. В озорной беготне по округе не уступала другим, сходила за мальчишку.

Ее тянуло отсюда — куда, она не знала. Лишь бы уйти, не спросясь никого, не зная дорог, не имея родных и знакомых. Она ушла из детского дома зимой, не хотела дожидаться весны. Шла от деревни к деревне, заходила в избы, просила поесть. Кто выгонял, а кому и жалко было девчонку. Не крестясь, садилась за стол.

— Ясное дело, детдомовская, — говорили ей. Она снова шла, спала в жестких соломенных ометах.

На седьмые сутки вышла к Троицку. Долго стояла на центральной улице, довольная, что пришла в родные места.

— Ты чья, девочка?

— Ничья. Из приюта я.

— Пошли со мной. — Женщина привела ее в райисполком.

Таня сидела в незнакомой комнате, теплой и уютной. Пришли двое, долго расспрашивали ее, почему убежала из детского дома.

— Придется отправить обратно.

— Не пойду я, — сказала она.

— Где же ты будешь жить?

— В няньки пойду.

— Тебе самой нужна нянька.

— Я сильная, — сказала Таня.

— Ладно, пристроим…

Несколько лет спустя она встретила Николая Лопатина, полюбила его, вышла замуж. К тому времени она многое умела делать, но так и не привязалась по-настоящему ни к одной специальности. Работала посудницей в столовой, порой завидовала поварам, но боялась, что у нее ничего не получится. Ей советовали переходить на кухню, но она не торопилась.

Десять лет, как один день — взамен недавним обидам и слезам. Память о прошлом не уходила. Да она и сама ни за что бы не рассталась с этой памятью. Ей была дорога детская привязанность к таким же, как она, сиротам из Варламовского детского дома. Она помнит занесенный февральской пургой Троицкий вокзал, город, где нашла приют, друзей, свой дом, любимого человека.

Татьяна Кузьминична осталась снова одна в июне сорок первого. Муж погиб под Минском в первые дни войны.

Похоронная разыскала ее в другом большом городе: она училась в полковой школе на повара. Ее спросили на экзаменах — что делать, если кухня разбита. Она взяла лопату и вырыла для котлов лунки. А если не будет воды? Она снова взялась за лопату: нужно рыть колодец. Она стала военным поваром, жена погибшего старшего лейтенанта, артиллериста Николая Лопатина.

Блокада Ленинграда прошла на ее глазах. Шесть раз ее кухня взлетала на воздух. На месте повозок дымились воронки, но Татьяна Кузьминична не плакала, было некогда. Сбивая руки, рыла землю. Уходил к березовым верхушкам белесый, как стволы деревьев, дым, а она думала, что он тянется очень медленно, могут снова налететь самолеты.

В одно из наступлений, собираясь вслед за дивизионом, Татьяна Кузьминична услышала стон. Она схватила санитарную сумку, побежала, залетела в крутую воронку, едва выбралась из нее. Прислушалась и в опустившейся после гулкого боя тишине не различила ни одного звука. Неужели сбилась? Ей хотелось кричать, звать своих. Тут она снова поймала стон, бросилась на зов и увидела пятерых солдат, придавленных землей.

— Сестренка, выручай. — Она вытащила одного, самого тяжелого, он не мог идти. Чудом подвернулась санитарная машина, спешившая за частью. Подбежала к ней, остановила — там раненые.

Помогла перенести всех в машину. Та уже тронулась, но она закричала: стой! Вернулась к кухне, схватила термос с супом.

— Спасибо, сестренка.

В глазах у нее стояли слезы, как капельки росы. Она смахнула их, чтобы не видели…

У нее была собака. Ее дали для охраны кухни. Татьяна Кузьминична научила ее различать русскую и немецкую речь. По ночам обвязывала собаку мешками с хлебом, брала термосы, и они ползли к своим. Повисали надолго над головой ракеты, и тогда прижимались к снегу повариха и ее верный спутник — собака, и снова ползли. Не раз, заслышав издалека незнакомую речь, собака предупреждала ее об опасности, заставляла подолгу лежать, замерев на снегу. Добравшись до окопов, Татьяна Кузьминична разливала по мискам суп, не задерживаясь, шла дальше. Ее провожали всегда одним: «Спасибо, сестренка».

Шли мимо раненые. Она звала их, кормила, давала на дорогу хлеба.

— Спасибо, сестренка, — говорили ей.

Уходили в поиск разведчики. Она ждала их вместе со всеми, кормила в первую очередь и всегда слышала благодарное: «Спасибо, сестренка».

Как-то нечаянно услышала: «Сутки кончаются, а до ребят не можем пробиться». Спросила: что случилось? От нее не было секретов: двое не успели отойти. Окопались метрах в восьмистах от передовой. Пока держатся. Надолго ли их хватит?

— Спасать их надо, — сказала она.

— Не подойдешь. Двоих уже подстрелили. А третий едва дополз обратно с перебитой ногой.

Ей нужно было к командиру, и в его землянке она снова услышала о тех двоих. Командир кричал в телефонную трубку, и она поняла, о чем его спрашивают. Она вдруг забыла, за чем пришла, и когда командир спросил, что ей нужно, сказала:

— Пошлите меня. — Он не понял, и тогда она повторила снова:

— Пошлите меня к ним.

Он махнул рукой — куда тебе. Снова зазвонил телефон, командир разговаривал долго и, когда кончил, увидел, что она не ушла.

— Что тебе? — Она не успела ответить, командир сам вспомнил, о чем его просили. — Нельзя, Таня.

— Я маленькая, проберусь. — Он посмотрел на нее. И верно, маленькая, крепкая.

— Иди, Таня, мы подумаем.

К ночи, когда зажглись на небе звезды и стало тихо, ее вызвали к командиру.

— Не передумала, Таня?

— Нет.

— Собирайся. Сейчас тебе все растолкуют.

Она нагрузила собаку тяжелее обычного, и пес полз медленно, часто отдыхал. Она приказывала ему двигаться дальше, чувствуя, что сама устала, и они ползли снова.

Когда оставалось совсем немного, и она уже думала, что все обошлось благополучно, в небе будто опрокинулись невидимые раньше фонари и, казалось, кругом не осталось места, где бы можно было спрятаться. Совсем близко послышались выстрелы. Видно, те, двое, поняли, что не зря поднялись в небо немецкие ракеты, что кто-то пробирается к ним, и решили прикрыть его своим огнем.

Она лежала, не смея пошевелиться, но потом решила, что надо ползти дальше, что не переждать этих ярких вспышек, и теперь нет надежды, что темнота опять скроет ее.

Они доползли, и у нее еще хватило сил снять с собаки мешки. Она вытащила пулеметные диски, и те, двое, очень обрадовались им. Потом она вспомнила, что в термосах есть суп и чай. Она немного приподнялась, чтобы ей было удобнее, и в этот миг рядом с ней завизжали пули. Она упала, еще не зная, ранена ли.

— Жива, сестренка?

— Жива, кажется.

— Погоди, мы сами. — Пока они ели, она лежала за пулеметом, и ей казалось, что вот-вот появится враг, и она боялась проглядеть его. Рядом она слышала дыхание собаки, которая ловила каждый шорох.

— Спасибо, сестренка. Теперь нас сам черт не возьмет. — Ей нужно было уходить, и она не знала, что сказать на прощание.

— Иди, сестренка, скажи, что постараемся прорваться. Иди, иди, не бойся за нас. Утром встретимся.

…Татьяна Кузьминична еще спала и не слыхала, как в ее землянку вошли люди. Ее разбудило чье-то прикосновение, и она проснулась мгновенно, будто и не спала. Увидела командира и еще двоих, незнакомых ей.

— Спасибо, сестренка, — сказал один из них. — Она не знала, за что благодарят ее. Когда они ушли, она поняла, что это были те, двое. Она не могла их узнать, не запомнила ночью их лиц. Ей хотелось спать, но, посмотрев на часы, стала собираться. Пора было готовить завтрак.

Она прошла по многим дорогам родной земли, обожженной огнем. Татьяна Кузьминична встречала чехов, венгров, румын. Стояла на берегах Влтавы и Дуная. Вернулась на Родину в сорок шестом.

В селе Никольском Татьяна Кузьминична появилась в год

освоения целины. Приехала с мужем — Петром Семеновичем Балбуцким, воевавшим в той части, где служил Александр Матросов. Потянуло их на новые места, хотя и немало повидали за свои годы. Обоих поставили на прицеп, потом на сеялки. Обживали вместе со старожилами этот край в березовых заводях. Узнали, что Татьяна Кузьминична повариха, предложили ей работу на полевой кухне. На свой вкус и лад соорудила тетя Таня, как стали звать ее в колхозе, кухню на полевом стане. Врыла котлы в землю, обмазала их. Вроде и кухни со стороны не видно, а обеды всегда ко времени готовы. Приезжали, смотрели, хвалили.

— Где научились, тетя Таня, поварскому делу?

— На фронте. — Удивлялись деревенские тому, что Лопатина прошла всю войну. Одна такая из женщин, на все село.

* * *

Собрались в районном центре школьники на смотр художественной самодеятельности. Пели и плясали. Вышли на сцену мальчишки и девчонки из 6 «б» большеникольской школы. Ведущий объявил:

— Исполняется песня «Пулемет строчил без перебоя». — Переглянулись в жюри, откуда у ребят эта песня. Потом шестиклассники пели песню о пограничнике Васе Баранове, герое Хасана. Снова удивились в жюри: откуда песня, которую теперь помнят немногие.

Потом узнали. Тетя Таня работала в интернате, варила обеды школьникам. Как-то сидела на кухне, чистила картошку. Заглянули из 6 «б».

— Помочь, тетя Таня?

— Садитесь, песни попоем вместе.

— А какие, тетя Таня?

— Нашим научу, фронтовым. — И она запела «Пулемет строчил без перебоя». Ее просили спеть еще и еще. На другой день она услышала: в коридоре кто-то из ребят пел песню про пулеметчика. Песня прижилась в отряде, как добрая память о героическом прошлом.

Как-то заболела тетя Таня. Ребята не забывали заглянуть к ней домой.

— Дров наколоть, тетя Таня, воды принести?

Татьяна Кузьминична смотрела на них полными слез глазами и не могла ничего сказать, видя их деловое беспокойство и заботливые лица.

— Милые вы мои, — шептала она. Ей хотелось встать, обнять всех, как одного родного сына.

В день Советской Армии за ней на кухню прибежал Виктор Сапельцев, классный руководитель 6 «б».

— Тетя Таня, вас ждут. — Заволновалась, так и не успела переодеться.

— Ребята просят, тетя Таня, — сказал Виктор. — И чтобы медали были.

— Надо домой бежать.

— Пойдемте, без вас нельзя.

Ее встретили шумно, 6 «б» повскакал с мест:

— Тетя Таня! Тетя Таня!

Она села с краю, но ее потащили в президиум. Она сидела среди мужчин, и на платье поблескивали медали.

Татьяна Кузьминична не знала, что говорить. Обо всем уже знает 6 «б».

Вспомнила, как три года назад военком снимал ее с учета.

Он пожал ей руку, пожелал здоровья и счастья. А она, подтянувшись, сказала с улыбкой:

— Если придется, молодым не уступлю. — А сейчас, когда нужно было что-то сказать мальчишкам и девчонкам, смотревшим во все глаза на нее, Татьяна Кузьминична растерялась. Она зачем-то поправила гладко прибранные волосы и вдруг почувствовала себя молодой, будто и не было ей пятидесяти лет и морщин, наброшенных на лицо трудным временем. И вновь она стала той, которую когда-то называли сестренкой.

У нее никогда не было детей, и она жалела об этом. Но сейчас каждый мальчишка в этом зале привязан к ней, как к матери. И для каждого из них она сумеет сказать то, что долго носила в своем сердце.

Л. Вайнштейн
ОБ ЭТОМ УЗНАЛИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ…

Солдат искал дочь. Она была где-то на войне, и в душе у него все время жила надежда встретить ее или что-нибудь узнать о ней. Способ розысков был прост: увидев женщину в шинели — сестру или связистку, он допытывался: не встречала ли она его Марусю?

Шли дни, месяцы… Шли годы, а солдат все искал дочь…

Однажды на маленькой станции, до отказа забитой людьми и составами, он увидел девушку. Она стояла у крана с полустершейся надписью «Кипяток» и, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, смотрела на тоненькую струйку теплой воды, бежавшую в котелок.

Услышав вопрос солдата, девушка не улыбнулась, не покачала головой, как другие, а чуть заметно вздрогнула. И глаза ее, только что выражавшие досаду и нетерпение, стали строгими и напряженными.

— А вы почему интересуетесь? — спросила она довольно недружелюбно. Но тут же, овладев собой, добавила уже обычным тоном: — Кем же вы ей приходитесь, что ищете?

— Отец я. С начала войны о семье ничего не слыхал.

Глаза девушки подобрели:

— Повезло вам. Встречала я Марусю. Воевали с ней на Волге и на Дону. Видала ее и потом — учились вместе. Она закончила, а я не прошла по здоровью. Думаю, жива ваша Мария! Но где она, никто сейчас, наверное, не скажет. Узнаете после войны…

* * *

Ранним теплым утром по дороге, разбухшей от ливня, шла маленькая сероглазая девушка лет двадцати. Нарядные туфли она несла в руке и шагала босиком, глубоко погружая ноги в жидкую черную грязь.

Утреннее солнце весело играло на зеленой глади мокрого поля. Было пустынно и совсем тихо. Лишь где-то вдали ревел скот, который пастухи гнали на пастбище.

Внезапно из-за поворота дороги появились лошади. Они быстро приближались, и девушка узнала немецкую тачанку. В ней сидело несколько человек, в том числе офицер.

Девушка замедлила шаг, в глазах ее на мгновенье мелькнуло сомнение, но, поравнявшись с тачанкой, она тихо сказала:

— Доброе утро!

И, не оглядываясь, зашагала дальше, помахивая туфлями.

Впереди показалась деревня. Над крышами курились дымки — хозяйки топили печи.

— Тетя, далеко до Губинихи? — звонко крикнула девушка, завидев пожилую женщину.

— Да ты ж с Губинихи идешь!

Девушка оторопела.

— Вот проклятый шофер! Привез на развилку дорог и сюда

показал.

— Вертайся обратно.

В Губиниху девушка пришла только в полдень. Деревню она знала, ни у кого не спрашивая, подошла к одному из домов. Тихо постучала в ворота.

— Маруся?! Откуда ты? — охнул дед, приоткрыв засов.

— Из Запорожья. В немецком госпитале медсестрой служила.

— Чего ж не писала? Мама тут извелась.

— Мама?! — девушка побледнела. — Где она?

— Здесь, в Губинихе. Выехать не успели, попали в окружение. Потом сюда перебрались. Она с малыми.

«Мама здесь, — лихорадочно думала девушка, — что делать?»

Впервые за этот день присев и вытянув облепленные грязью ноги, она почувствовала, как сильно устала.

— А где же мама?

— Близко. Тетя Соня за ней сходит.

…Нет, девушка пришла сюда не из Запорожского немецкого госпиталя. Первого немца на оккупированной земле она увидела только этим утром на дороге.

Сомнение, мелькнувшее в ее глазах, означало вопрос: нужно ли здороваться в таких случаях? Это было, кажется, единственное, чего не предусмотрели, посылая ее сюда. Очевидно, здороваться все-таки полезно, потому что у сидевших в тачанке она не вызвала подозрений.

Не остановили ее и часовые, когда шла через железнодорожную станцию. Не заподозрила ничего, по-видимому, и тетка, которой она соврала про шофера. Вот, кажется, и родные верят, что она из Запорожья. Но мама…

«Мама, мама, — думала девушка. — Могу ли я подвергать опасности твою жизнь? И не только твою — а брата и сестры? Ведь если попадусь, возьмут и вас. Что делать? Уйти? Нет, это невозможно».

Мария попала в эти места «с неба». Сегодня ночью ее забросили в немецкий тыл. С самолета она прыгала не одна, а с товарищем. Вслед за ними полетел вниз и стокилограммовый мешок, набитый вещами и продуктами. Второй парашютист во время приземления сильно ушиб ноги, и она почти до рассвета перетаскивала в рощу его и вещи.

Что это была за ночь!

— Отпусти, я попробую сам, — просил товарищ. Он делал несколько шагов, сжимал от боли зубы, припадал к земле.

— Нет, дай уж я…

Шаг. Остановка. Шаг. Остановка. Добраться бы до

пшеничного поля, там хоть хлеба скроют их… Еще немного, еще…

— Тебе очень тяжело? — шептал он.

— Ничего, выдержу…

Больной товарищ, вероятно, с нетерпением ждал ее возвращения. А она так задержалась в дороге, направившись в противоположную сторону!..

«Как он там?» — эта мысль не давала девушке покоя.

Из задумчивости ее вывел вопрос деда:

— Что ж дальше будешь делать, Маруся?

— Пойду в село наниматься по специальности — медсестрой.

Да, это была ее специальность. В сороковом году закончила фельдшерско-акушерскую школу и работала до самой войны сестрой в детском санатории. Медсестрой пошла и на фронт. А потом пришлось переменить специальность — изучить радиодело и многое другое.

И вот получила первое задание. По документам она — бывшая служащая Запорожского госпиталя, ее товарищ — человек, оставшийся на оккупированной территории. Продукты и деньги должны помочь ему прописаться и устроиться неподалеку. В его обязанности входило собирать нужные сведения, ее задача — передавать их нашему командованию.

Маруся и потом долго не знала, поверила ли ей мать, когда она рассказала о службе в немецком госпитале, о том, что она хочет отдохнуть, а потом найти здесь работу.

Во всяком случае, мать ничего не спросила, когда под вечер дочь сказала, что пойдет в степь.

А Мария по той же дороге пошла в лес, чтобы узнать о товарище, взять рацию, а часть вещей зарыть в надежном месте — у песчаного карьера.

Так началось выполнение первого задания.

Десятки донесений находила Маруся на «почте» под телеграфным столбом у старой ветряной мельницы и каждое без промедлений передавала в эфир.

Так продолжалось полтора месяца, вплоть до освобождения Советской Армией Губинихи и ее окрестностей. А когда наша войсковая часть вступила в деревню, Маруся простилась с родными и уехала со своей рацией в разведотдел фронта. Армия наступала, и разведчицу ждали новые задания.

* * *

Две девушки, одна — повыше, другая — поменьше, приехали

в Новый Буг в крытой немецкой машине. У девушек не было вещей. Спрыгнув с подножки машины и помахав немецкому офицеру, они весело крикнули:

— Danke sehr!

— Bitte, — козырнул немец. И машина покатила дальше.

Свидетели этой сцены смотрели вслед девушкам неодобрительно. Но те, казалось, не замечали косых взглядов. Они остановились у небольшого домика, постучали.

— Кто там?

— Дайте напиться.

— Заходите, — немолодая, изможденная женщина приоткрыла дверь.

— Одни живете?

— В одной комнате — агроном с семьей. В другой — мы с дочкой.

— Пустите переночевать?

— Если поместитесь на печке.

Хозяйку звали Лукьяновной. Морщины на лице еще не старой женщины оставила нелегкая доля: мужа в первые дни оккупации увезли гестаповцы, и она даже не знала, жив ли он.

Одна из девушек отрекомендовалась Аней. Другая — маленькая, сероглазая — назвала себя Сашей. Так они значились и в книжках, полученных на немецкой бирже труда. О себе рассказывали мало: работали, потом были угнаны немцами, удалось открутиться, и они хотели бы остаться в Новом Буге…

Обе попросились:

— Взяли бы, Лукьяновна, нас на квартиру!

Женщина с сомнением оглядела девчат. Были они прилично одеты. По лицам не похоже, чтобы голодали… «Не из гестапо ли? Может, хотят выведать что-нибудь про мужа?»

— А где же вещи ваши?

— Вещи завтра к вечеру принесем.

— Ну что ж, живите.

На следующий день девушки довольно рано ушли, а вернулись под вечер и принесли тяжелые корзины. Только поставили их на пол, как в дом вошел немец.

То, что произошло в это мгновение, заметила лишь Лукьяновна. Саша быстро втолкнула ногой под кровать одну из корзин и сразу же обернулась к солдату:

— В гости зашли?

Нет, он зашел случайно. Думал, что в этом доме остановился его товарищ.

— Вот что, Лукьяновна, — обратилась Саша к хозяйке, когда немец, наконец, вышел. — У нас тут есть деньги — родные дали.

Надо их спрятать в надежное место. Сами знаете, какое сейчас время.

Лукьяновна оказалась неплохим конспиратором, она выкатила из кладовки большую тыкву, надрезала ее, выскоблила содержимое и спрятала туда деньги.

Саша и Аня переглянулись. Они тоже облюбовали одну из тыкв, а потом засунули туда пистолеты. Но куда поместить рацию?

— Лукьяновна, можно поставить часть вещей на чердак, а то в хате очень тесно?

— Залезайте, посмотрите.

Чердак, заваленный хламом, оказался удобным местом для рации.

Утром девушки пошли к немецкому коменданту получить разрешение на прописку и зарегистрировались на бирже труда. Без этого Лукьяновна держать их боялась — облавы устраивались часто, чуть ли не каждую ночь.

Днем они помогали Лукьяновне по хозяйству или гуляли по городу, выбирая для прогулок места у аэродрома и железнодорожных путей. И никто не подозревал, что днем, когда все были на работе, или ночами, когда все спали, Саша пробиралась на чердак, и в эфир летели донесения, очень нужные нашей разведке.

Дом Лукьяновны стоял рядом с домом бывшего кулака, в котором в дни оккупации разместилась полевая немецкая жандармерия. Во дворе жандармерии днем и ночью лаяли овчарки, а в соседнем доме маленькая сероглазая девушка передавала по рации донесения для советского командования. И так продолжалось 125 дней!

О чем только не передумала Саша в те долгие ночи! О юности своей, которую опалила война, о родных, которые ничего не знали о ней, о том, что ждет ее завтра, послезавтра, через два дня… Думала без страха, с ожесточением.

Смерть подкарауливала их каждый день. Бывали дни, когда гитлеровцы особенно лютовали. Фронт приближался, и они угоняли в Германию все трудоспособное население.

Аня и Саша ушли от хозяйки и прятались в кладовке у древней, скрученной ревматизмом старухи, дальней родственницы Лукьяновны. Однажды у дома остановились четыре конных жандарма. Трое вошли в дом, четвертый остался с лошадьми.

— Есть молодые?

— Одна я, старая.

— Осмотрите дом!

Саша замерла за деревянным корытом. Аня сжалась в ларе с картошкой. В кладовке была кромешная тьма, от запаха гнилых овощей мутилось в голове.

— Что там у тебя? — голос совсем близко. Саша слышит дыхание жандарма, их разделяет только старое одеяло, которым завешена дверь кладовой.

— Овощи на зиму храню…

На улице — цокот копыт. Ушли…

А потом в освобожденной весенней Одессе генерал вручил им обеим ордена боевого Красного Знамени. И тогда только Аня узнала, что ее подругу — маленькую веселую Сашу — зовут вовсе не Саша, а Маруся!

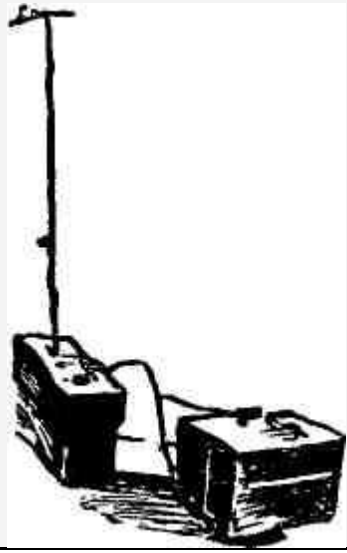
> «Дорогие мои! — писал обеим девушкам их начальник, которого они звали «Батей». — Я знаю, придет время, и мы расстанемся с вами надолго, быть может, навсегда. И поэтому я хочу написать вам то, что подсказывает мне сердце. Рад за вас безмерно, за вашу работу, за то, что вы живы и здоровы и снова готовы на любые испытания для Родины, для нашей победы. «И коль придется снова вдруг, не испугает Новый Буг…»
>
> Будьте счастливы, дорогие! И Вы, Аня, и Вы, Маша. Ваш Батя».

…Все это и услышал после войны о своей дочери Марусе пожилой солдат. Узнал он и о том, что дочь стала Марией Егоровной Пановой, так как вскоре после победы вышла замуж за уральца Александра Панова, бывалого солдата, провоевавшего всю войну. А потом увидал и внуков Валентина и Владимира.

* * *

Вот уже десять лет Мария Егоровна Панова работает в Челябинске медицинской сестрой.

Мы сидим с ней в лечебном кабинете, где она только что закончила прием больных. Я слушаю ее рассказ. Рассказ о долге, выполненном во имя свободы Родины, во имя жизни.



П. Усынин
220 ДНЕЙ В ТЫЛУ ВРАГА

В марте 1965 года в печати опубликовав Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении боевыми орденами Серафимы Ивановны Кляцкой (посмертно) и Владимира Михайловича Рыбоволова. Они — активные участники армейской разведывательной группы Верного, действовавшей в Крыму, в тылу врага, в период Великой Отечественной войны. Командир группы Федор Тимофеевич Илюхин (Верный) живет и работает сейчас в Донецке, на Украине. В беседе с корреспондентом ТАСС

он сообщил, что переписывается со многими разведчиками группы, в том числе и с радисткой Шурой — Александрой Ивановной Поплавской (Скубенко), которая живет в Челябинской области, заведует поселковой библиотекой.

Тесная комната библиотеки Зауральского поселка. Стол со свежими номерами газет и журналов. Справа, за низенькой перегородкой, около стеллажей с книгами, невысокая симпатичная женщина. Темные волосы гладко и аккуратно причесаны. Ясные, добрые глаза. Так вот она какая — разведчица-радистка Шура, пробывшая 220 дней в тылу врага и передавшая в штаб командования 247 важных донесений! Подвиг ее отмечен высокой боевой наградой — орденом Отечественной войны 1-й степени.

Александра Ивановна все время занята. Один за другим приходят читатели обменять книгу, вновь записаться. Только слышится негромкий приятный голос хозяйки библиотеки:

— Как вам понравилась книга? Советую прочитать книги Константина Симонова или Василия Гроссмана.

Обстановка в библиотеке свидетельствует о большой заботе о читателях. Ярко оформлены стенды и витрины книг о жизни и деятельности В. И. Ленина, о моральном кодексе строителя коммунизма. Имеется стенд книг писателей Урала. Подготовлена выставка литературы, посвященной Великой Отечественной войне.

А читатели все идут и идут. В поселке пять тысяч жителей, и каждый пятый является читателем библиотеки. Наблюдаешь со стороны за работой Александры Ивановны и думаешь: неужели эта добрая и приветливая женщина когда-то была бесстрашной разведчицей? Кажется, всю жизнь она провела среди книг, среди читателей.

Только в обеденный перерыв удалось, наконец, начать разговор о главном — о деятельности Александры Ивановны в годы войны. Узнав, о чем будет идти речь, она смутилась:

— Что вы, какой из меня герой! Мне было тогда 18 лет. Я рядовая радистка, на задания не ходила, только передавала сведения, готовила обеды, стирала белье разведчикам. И все. Вот наш Верный (Федор Тимофеевич) и другие — это, действительно, настоящие герои.

Нет, радистка Шура была тоже отважной разведчицей.

…В военкомат пришла невысокая темноволосая хрупкая девушка.

— Хочу поехать на фронт. — Посетительница положила на стол заявление, написанное на листке из ученической тетради.

— Просьбу удовлетворить не могу, не имею права, — военком свернул заявление и протянул девушке.

— А если я очень попрошу? — твердо произнесла девушка.

Военком снова взял заявление, перечитал.

— Поплавская Александра Ивановна. Где же твои родители?

— Отец был коммунистом, кулаки убили в тридцать втором. Мать умерла в феврале сорок первого. Сестренку Октябрину отправила к родственникам. А сама хочу на фронт.

Военком молчал, раздумывал. Потом приказал оформить документы.

Так Шура оказалась на курсах радистов. Затем встреча с Верным. Аэродром. Посадка в самолет, ночной полет над морем, в Крым, в глубокий тыл врага. Наизусть Шура вызубрила задание:

> «Добывать сведения о противнике, деморализовать его тыл, устраивать взрывы на железных и шоссейных дорогах в районах Джанкой — Симферополь и Джанкой — Керчь».

Темной ночью в сентябре 1943 года неподалеку от крымской деревни Тубенкой в кукурузном поле приземлились девять парашютистов — восемь мужчин и одна девушка. По условному сигналу руководителя группы Верного все собрались вместе, зарыли в землю парашюты и пошли искать парашюты с грузами — продовольствием, взрывчаткой и запасным комплектом питания для радиостанции. Эти грузы нашли в лощине уже на рассвете, когда в деревне Тубенкой пропели петухи. Целый день пришлось просидеть в кукурузе. С наступлением темноты вышли на поиски базы. Перед этим Шура передала первое донесение о благополучном приземлении.

Только через несколько дней разведчики нашли подходящее место для базы, назвали это местечко «сиреневым островком», потому что здесь, среди бурьяна, рос единственный куст сирени. Верный разделил разведчиков на две группы. Одну направил в район станции Сейтляр, другую — к станции Киличи. Через два дня Шура передала командованию:

> *«На дороге, ведущей в Джанкой, взорвано железнодорожное полотно. Поврежден паровоз, несколько вагонов с боевой техникой сошло с рельсов. Движение на линии приостановлено на 8 часов. Верный».*

А вот донесение, переданное Шурой на другой день.

> *«На участке между Граматиково и Киличи, вблизи*

моста через речушку Булганик, произведен взрыв полотна железной дороги. Выведены из строя паровоз и 14 вагонов с техникой и живой силой противника. Верный».

Прошел еще день, и Шура вручила Верному радиограмму от командования. В ней говорилось:

«Поздравляем с первыми успехами. Желаем успехов в дальнейшей работе».

Донесения о взрывах следовали одно за другим. Но командование нуждалось в сведениях о планах противника, о его намерениях. Верный послал людей в Симферополь, Феодосию, Керчь, Джанкой с заданием: с помощью местных патриотов осторожно выискивать подробные сведения.

Вскоре Шура могла сообщить в штаб:

«Симферополь минируется, население срочно эвакуируется. Базары закрыты. В городе облавы. Задержанных увозят в неизвестном направлении».

«С трех часов 15 сентября до 5 часов 16 сентября в сторону Джанкоя прошли 14 эшелонов с войсками и техникой противника, в сторону Керчи — 6 эшелонов. По шоссе на Джанкой прошли 400 крытых груженых автомашин. Скот эвакуируется на север. Охрана железных дорог усилена. Верный».

«Идет усиленная эвакуация населения из Симферополя в Николаев. Поезда на Джанкой забиты до отказа машинами. Верный».

Проводили диверсии в тылу врага и добывали сведения смелые разведчики, друзья Шуры — Иван Аненко, Иван Мотузко, Алексей Щукин, Анатолий Добровольский, Петр Бондаренко и Александр Вуколов. Им помогали местные жители, особенно Серафима и Алексей Кляцкие, Владимир Рыбоволов и другие. Разведчики из группы Верного уже на второй неделе работы в тылу привлекли к активному участию в разведке 29 патриотов.

В этой трудной и рискованной работе отличилась и радистка Шура. В селе Тереклы-Шейх-Эли она познакомилась с Симой Кляцкой и ее мужем Алексеем. Позднее Верный привлек их к работе в группе. Когда стало опасно оставаться на «сиреневом острове», разведчики переселились в дом Кляцких, соорудили там укрытие. Разведчики днем прятались, а Шура, на правах родственницы, некоторое время жила открыто. Шура подружилась с Симой. Узнала, что у нее есть двухлетняя дочь

Валя, которая живет с бабушкой в лесу у партизан.

В конце сентября Верный получил приказ: во что бы то ни стало захватить «языка». В этой операции главная роль выпала на долю Симы и ее подруги — радистки Шуры. Через деревню, где жили Кляцкие, часто проезжали немцы, порой останавливались ночевать. Верный решил использовать эту возможность и не ошибся. Непогожим осенним днем у колодца остановились две повозки. Четверо гитлеровцев решили напоить лошадей. Сима тотчас накинула на плечи коромысло с ведрами и пошла к колодцу. Вскоре Верный узнал, что среди четырех гитлеровцев — один штабной офицер.

— Это то, что нам нужно! — сказал командир группы. Он приказал Симе и Шуре задержать фашистов.

Сима накинула на голову праздничную шаль и снова с ведрами пошла к колодцу. Гитлеровцы встретили ее с улыбкой.

— Русская красавица. Я тебе помогу. — Один из солдат принялся наполнять ведра водой. С повозки слез офицер. Он бегло говорил по-русски и начал расспрашивать Симу, любезничать с ней.

По приказу офицера лошадей завели во двор Кляцких. Вскоре «гости» зашли в хату. Их приветливо встретила Шура, одетая в праздничный наряд. Сима и Шура принялись накрывать на стол.

Шура наполнила стаканы и произнесла первый тост.

Когда стаканы были опорожнены, Шура предложила убрать оружие, а то «неприятно действует».

— А партизаны? — улыбнулся офицер.

— Какие уж тут партизаны, — Сима развела руками.

«Гости» поставили автоматы. Сима еще раз наполнила стаканы, и, когда немцы пригубили их, произнесла четко и бодро:

— За наш успех!

В это же мгновение разведчики ворвались в комнату. Схватка была короткой. «Гостей» связали и увезли к Чонгравской балке. Шура достала из тайника рацию и сообщила командованию о результатах операции, указала координаты для посадки самолета. Через сутки, ночью, пленных немцев доставили в Краснодар. Они сообщили ценные сведения. Вскоре наша авиация совершила налет на станцию Сарабуз. О результатах этого удара Шура передавала:

> *«При налете на станцию Сарабуз уничтожено большое количество вагонов с живой силой и техникой противника, склад с автомоторами срочно переведен из Ново-Сергиевки в Бучурки. В городе паника, население бежит в лес. Склад боеприпасов дивизионного значения*

размещен в 500 метрах южнее станции Ислям-Терек. Верный».

Все это происходило более двадцати лет назад, но Александра Ивановна хранит в своей памяти почти каждый день, прожитый в тылу врага. Она помнит, как разведчики казнили предателя Шаврина, как жили на чердаке у «полицая» Никитюка, который был настоящим патриотом.

Она вспоминает, как погибла ее подруга Сима Кляцкая. Это было зимой 1944 года. Сима с группой разведчиков оказалась в поселке Бочалы. Здесь их предали. Пришлось вступить в неравный бой с карателями. Школа, где остановилась группа, пылала. С обгоревшими волосами Сима вырвалась из горящего здания, фашисты пытались захватить ее живой.

— Нет и не будет вам спасения, гады! — крикнула патриотка и бросила в карателей гранату. Последней гранатой Сима подорвала себя и мужа.

Так погибла Серафима Ивановна Кляцкая.

И еще Александра Ивановна вспоминает последний из 220 дней, проведенных в тылу врага. Это было в середине апреля. Советская Армия стремительно наступала, освобождая города и села Крыма. Разведчики вышли из укрытия. Теперь они свободно ходили по родной земле, видели, как радовались люди своему освобождению.

О днях, проведенных в тылу врага, Александре Ивановне часто напоминают боевые друзья. Они пишут ей ласковые письма. Особенно внимателен Федор Тимофеевич Илюхин. Вот отрывки из его писем:

«Здравствуй, дорогой наш боец Шура! Как было бы хорошо, если бы ты в августе вместе с семьей могла приехать в Крым. Будут все наши боевые друзья».

«Дорогая Шура! В этом году я с некоторыми боевыми друзьями побывал в Крыму. Ездили мы на «сиреневый остров», были в лесу — на нашей стоянке. Иван Иванович (помнишь лихого разведчика Ваню Мотузко?) отыскал даже золу от костра. Правда, долго рылся. Взял горсточку этой золы и завязал в платок. Домой, говорит, увезу. Вот это настоящее чувство к боевой памяти!

Были мы и на братской могиле, где сейчас похоронены Сима и Алексей Кляцкие. Это в Белогорске, за больницей «Ласточка». Там, на площади в 50 квадратных метров, убито и зарыто гитлеровцами десять тысяч советских граждан. Встретился и с Мишей Никитюком. Помнишь, который помогал нам доставать продовольствие и

укрывал нас на чердаке своего дома?»

Пишет Александре Ивановне и дочь Симы — Валя. Она замужем, растит дочку Светлану. Вот строки из ее письма:

«Дорогая тетя Шура! Вам пишет дочь Симы, если вы ее еще не забыли. Мне так хочется вас увидеть, вы так близко знали маму и папу. Напишите мне о них. А лучше приезжайте в гости. Целую вас, как свою родную мать».

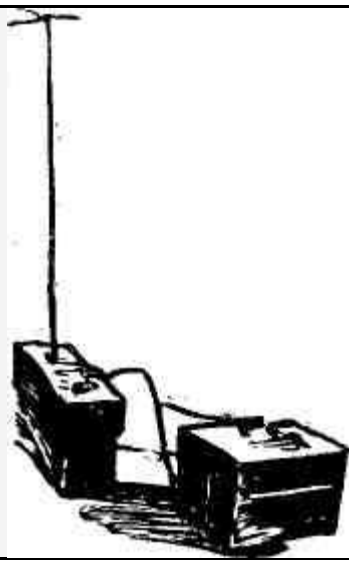
* * *

Наша беседа с Александрой Ивановной близилась к концу, когда почтальон принес открытку.

— Это от Верного, — пояснила Александра Ивановна. — Сообщает, что очень рад награждению Симы и Володи. И снова приглашает в Крым.

Мы попрощались, Александра Ивановна села за стол, чтобы написать своему боевому товарищу Федору Тимофеевичу. Она сообщила ему, что ее муж, директор нефтебазы Михаил Скубенко, сдал экзамены за первый курс машиностроительного техникума, в филиале которого учится вечерами. Порадовал и сын Володя. Он успешно заканчивает второй курс железнодорожного техникума в Челябинске.

Жизнь идет…



С. Буньков
НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

…Уцелевшие после первых ожесточенных схваток бойцы отступали к Минску. Лейтенант Степан Бакланов вместе с тремя солдатами нарвался на засаду. Силы были неравными, Степана, раненного, взяли в плен.

Тяжкие муки испытал Бакланов в гитлеровских застенках Мозбурга, Нейбурга и других концлагерей. Но страшнее пыток, мучительнее физической боли были мысли о позоре плена, о том,

что рано он выронил из рук оружие… Пытался бежать. Неудачно. Но издевательства и пытки не сломили волю офицера.

В один из весенних дней сорок второго года Бакланов в колонне военнопленных прошел через ворота концентрационного лагеря Бухенвальд. Стиснув зубы, читал выведенную на арке ворот издевательскую надпись нацистов: «Каждому свое».

— «Буковый лес», — шептали губы перевод названия лагеря Бухенвальд. — Какой же он буковый, сплошь колючая проволока…

Комбинат смерти в Бухенвальде гитлеровцы начали строить в 1937 году. Место для лагеря отвели в центральной части страны, в Тюрингии. Туда, на гору Эттерсберг, в восьми километрах от всемирно известного города Веймар, под лающие команды гитлеровцы согнали подневольных строителей лагеря. Место, где жил создатель «Фауста» И. Гете, где творили бессмертные произведения великие гуманисты Ф. Шиллер, И. Бах, Ф. Лист, палачи превратили в тюрьму народов, в центр уничтожения десятков тысяч людей. С 1937 по 1945 год через лагерь смерти прошло полмиллиона узников из девятнадцати стран мира. Немногие из них вышли живыми 11 апреля 1945 года — в день самоосвобождения лагеря, когда над ним взвился алый флаг.

Степана, поместили в один из деревянных бараков. Облаченный в полосатую эрзац-одежду, на которой пришит треугольник, а под ним номер «7029», и обутый в деревянные колодки, Бакланов должен был, по мысли гитлеровцев, как и тысячи других заключенных, забыть о Родине, о человеческом достоинстве.

ЦЕНА ЖИЗНИ

За малейшую провинность узников ждало наказание, расстрел. Каждый день гибли сотни. Их имена, может быть, неизвестны и до сего дня.

Тот, кто остался в живых, никогда не забудет зверств коменданта лагеря Карла Коха и его жены садистки Эльзы Кох. Бывший парикмахер, сын мясника Карл Кох был одним из тех, кто помог Гитлеру окутать Германию коричневым туманом. С приходом к власти Гитлера Коху поручили выстроить один из первых таких лагерей — Эстервеген, близ голландской границы. Он же, Карл Кох, «создавал» и Бухенвальд. Этот тщедушный человечек и его супруга, бывшая кельнерша, были полновластными хозяевами жизни десятков тысяч людей.

Как-то штурмфюрер СС доктор Эйзлер обратил внимание

Эльзы на татуировку заключенных. И комендантша стала часто появляться в каменоломнях, где люди работали полуобнаженными. Наведывалась она и в специально оборудованную комнату, из которой рассматривала моющихся в бане заключенных. После ее посещений вскоре исчезал то один, то другой узник. Жертвам доктор Эйзлер вводил при помощи шприца яд, а из татуированной кожи убитого изготовлялись сумочки, перчатки и абажуры, которые шли на европейский рынок…

Страшную славу имел в лагере сорок шестой блок. Там размещался так называемый «гигиенический институт». В нем заключенным прививали инфекционные болезни, проверяли действие ядовитых лекарственных средств. Конвейером смерти был крематорий с его шестью печами. Смрадный чад, витавший над лагерем, все время напоминал о сотнях замученных и сожженных…..

…Однажды к Бакланову подошел узник из русского блока и предложил зайти в общелагерную санитарную часть. Так Степан познакомился с Николаем Симаковым, сибиряком, бывшим оружейным мастером. Симакова товарищи буквально выхватили из лап смерти. Донельзя истощенный, ослабевший, он заболел туберкулезом и был помещен в «палату смертников». Оттуда, с помощью австрийского врача — коммуниста Густава Вегера (среди обслуживающего персонала было много заключенных), Николая перевели в общелагерную санитарную часть. Больные делились с русским пайком, доктора, с трудом доставая лекарства, боролись за его жизнь.

Во время болезни к Симакову присматривались, выясняли настроение. А когда Николай почувствовал себя лучше, Густав Вегер познакомил его с чешским коммунистом Кветом Винцейном.

Квет часто встречался с Симаковым. Убедившись в благонадежности русского, сообщил: в лагере есть подпольный центр борьбы с фашизмом.

К концу декабря в бараках советских военнопленных стихийно возникли группы борцов Сопротивления. Они противодействовали фашистской пропаганде, устанавливали интернациональные связи, поднимали авторитет советских людей среди тех, кто отравлен антисоветской пропагандой, поддерживали ослабевших.

И вот — первая встреча руководителей подпольных групп. Она состоялась через несколько дней после разговора Степана с Симаковым, там же, во дворе лагерной части. На совещание пришли Николай Симаков, Михаил Левшенков, Александр

Купцов, Иван Ногайцев и другие. На совещании присутствовал товарищ Вальтер Бартель.

Вальтер Бартель, ныне директор института современной истории Германской Демократической Республики и профессор Берлинского университета, к тому времени возглавлял Интернациональный подпольный центр борьбы с фашизмом. Член Коммунистической партии Германии с 1923 года, он и раньше подвергался репрессиям: с 1933 по 1935 год содержался в тюрьме Бранденбург, а с 1939 года его заточили в Бухенвальд.

На совещании был избран русский военно-политический подпольный центр военнопленных и политзаключенных. Николай Симаков — руководитель центра, Степан Бакланов — руководитель военного сектора. Были созданы секторы безопасности, политический и другие.

ЧЕЛОВЕК-МИШЕНЬ

Лагерь каждый день пополнялся новыми узниками. Летом сорок третьего года с одной из колонн прибыл бывший комиссар минометной роты уралец Степан Бердников. После жестоких боев в одной из неравных схваток он попал в плен. Трижды пытался бежать, и трижды враги настигали его. И вот последний, страшный лагерь Бухенвальд. На полосатой одежде Бердникова нарисованы мишени. Степан стал «флюг-пунктом», человеком-мишенью. Трижды бежавший из лагерей, он был зачислен в число особо опасных. Любой охранник, если ему вздумается, мог пристрелить его в любой момент…

С раннего утра Степан, «подкрепившись» брюквенной баландой, отправлялся вместе с другими узниками в рабочих командах на каторжный труд. В каменоломнях вручную дробили скалу, и, нагрузив трехтонную вагонетку, десять человек толкали ее с полкилометра наверх. Кто падал, того ждала смерть. Таких охрана травила овчарками, расстреливала тут же, на месте. Иной раз вагонетка срывалась вниз и крушила тех, кто попадался на пути.

Казалось, нет никакого выхода из этого ада… Но вот однажды к Степану подсел невысокий, худой человек в очках. Он, словно невзначай, узнал, откуда Бердников родом, кем работал.

Сергей Котов — так звали нового знакомого — оказался активным подпольщиком. Он, в свою очередь, познакомил его с Алексом Нагелем, немецким коммунистом. Этот голубоглазый сдержанный человек в двадцатые годы закончил Московский институт красной профессуры. Активный антифашист, он уже

одиннадцать лет скитался но разным лагерям смерти. Алекс Нагель, работая в «арбайт-статистике» (учреждение, где были на учете политзаключенные, откуда их распределяли по рабочим командам), сумел помочь Бердникову избавиться от его клейменой лагерной «униформы». Он же устроил Степана на работу в прачечную.

Позднее Бердников получил от Котова первое боевое задание: изучить тех, с кем он вместе работал. Для Бердникова начались новые дни, теперь он твердо знал: борьба не прекращается!

Бывшие рабочие и инженеры проявляли немало изобретательности, чтобы «научно» гробить военную технику и снаряжение, отправляемые на фронт.

Предприятие «Дав». Заключенные осторожно, чтобы «не повредить», складывают готовые к отправке оптические приборы. Но вот охранники вышли из склада. Грузчик моментально извлекает шприц и впрыскивает в механизм прибора серную кислоту. Потом так же бережно, как и прежде, кладет прибор на место. Попробуй-ка найти следы диверсии!..

Через верных друзей, через лагерную администрацию, в которой было немало подпольщиков, заключенные в Бухенвальде узнавали о патриотических делах антифашистов на других предприятиях. На авиационном заводе в Мюльзене заключенные, не стерпев пыток и издевательств, связали гитлеровцев и, облив их бензином, подожгли. Патриоты сами погибли в огне, но завод уничтожили.

Узники Бухенвальда, мужественно боровшиеся с фашизмом, восхищались героизмом своих братьев по несчастью в Лейпциге. Там на заводах № 1 и № 3 21 января 1944 года утром остановились все станки. Заключенные, сняв головные уборы, в молчании чтили память великого Ленина. Пять минут во всех цехах стояла безмолвная тишина…

Не было в сердцах узников страха перед смертью, бессильными оказались перед их стойкостью палачи. В те мрачные дни заключения не один узник вспоминал гордые и вещие гоголевские слова:

> «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

И ПЕСНЯ И СТИХ — ЭТО БОМБА И ЗНАМЯ

Политический отдел центра во главе с Сергеем Котовым и сектор агитации и пропаганды во главе с Михаилом

Левшенковым вели большую агитационную работу среди узников! Немецкие подпольщики имели свой радиоприемник. Вальтер Бартель и Квет Винцейн (сейчас он работает в Центральном Комитете Коммунистической партии Чехословакии) информировали о положении на фронтах. Сводки Совинформбюро переписывались от руки и распространялись «по цепочке».

Русские подпольщики собрали свой радиоприемник. Лев Драпкин и Алексей Лысенко работали в радиомастерской одного из заводов лагеря. Там они «позаимствовали» радиодетали и в старом ведре из-под мармелада смонтировали приемник. Ведро закрывали крышкой, а сверху накладывали сапожную мазь. Радиоприемник хранили в разных местах. Михаил Левшенков записывал передачи и вручал их Котову, а тот — другим подпольщикам. И как же дорог был голос Родины, голос, который каждый день возвещал о новых победах на фронте, о приближении свободы!

Однажды Котов попросил Степана Бердникова:

— Завтра День Парижской коммуны. Ты не смог бы сделать для иностранцев сообщение?

Бывший учитель, конечно, помнил незабываемые события той поры. И вот на другой день в бараке состоялось «торжественное заседание». Степан Бердников рассказывал о коммунарах, и его слова тут же переводили на французский, польский, испанский, чешский…

Позднее, когда лектор «оправдал доверие», ему поручили подготовить очерк краткого курса истории партии, и он трудился над ним около трех месяцев, восстанавливая по памяти, по крупицам, что было близко и дорого сердцу. Работал Бердников ночами в яме пятьдесят первого блока, а на постах, охраняя его, стояли верные товарищи…

Много выдумки вкладывали узники, чтобы заполнить тетрадный листок — подпольную газету «Правда пленных» — острыми, разящими заметками. Газету писали от руки так же, как листовки и воззвания.

Из уст в уста передавались шутки, антифашистские анекдоты, фронтовые веселые эпизоды. А позднее организовали и подпольную художественную самодеятельность. В дни советских праздников ставили настоящие концерты, конечно, в строгой конспирации.

Все, что могло укрепить веру в победу, прибавить сил в борьбе — и песню, и стих — подпольщики брали на вооружение.

ГРАНАТА ОБРАЗЦА ПАВЛА ЛЫСЕНКО

Военная организация с каждым днем росла, ее пополняли новые отважные люди. За несколько дней до восстания в лагере было 178 боевых групп (каждая группа — из трех-пяти подготовленных в военном отношении человек), в том числе 56 советских групп. Интернациональный подпольный центр объединял в своих рядах восемьсот пятьдесят человек.

Руководители интернационального и русского центров отдавали отчет в том, что, когда вспыхнет восстание, оружие потребуется всем. Выручили подпольщики-изобретатели.

Лейтенант-артиллерист Павел Лысенко (по лагерю Олег Миронов) до войны работал преподавателем химии. Через австрийского коммуниста Густава Вегера ему удалось поступить на работу в парфюмерную мастерскую. Гитлеровцы и здесь организовали «гешефт», продавая в лагерном магазине товары, изготовленные заключенными. Там в подвале магазина и начались тайные эксперименты Павла Лысенко. В мастерской работало всего двое: русский и поляк.

Польский товарищ оказался надежным помощником. Павел «колдовал» с колбами, обрабатывал вату серной и азотной кислотой. День за днем шли упорные опыты. Настойчивости экспериментатора мог бы позавидовать любой ученый. Наконец, радость победы: кустарный способ получения взрывчатки найден!

Москвич токарь Борис Сироткин предложил макет ручной гранаты. Подпольщики изготовили первую гранату, но как она будет действовать? Опробовать гранату решил Павел Лысенко.

Подвал мастерской. Ящик с песком, где должна взорваться граната. Павел выдергивает чеку — мгновенный взрыв и пронзительная боль в бедре: в него впился осколок.

Изобретатели не догадались заключить бикфордов шнур в трубку, и искры сразу попали на взрывчатку. В следующей гранате это учли, на корпусе ее сделали насечку, чтобы увеличить число осколков.

Второе испытание принесло успех. К апрелю 1945 года у русских подпольщиков в «арсенале» хранилось сто пятьдесят гранат.

На военном заводе «Густлов-верке» заключенные похищали части пистолетов, винтовок и находили десятки хитроумных способов, чтобы перенести их в лагерь. Ночами в шестой комнате седьмого барака или в умывальнике Вячеслав Железняк, Алексей Орлов и другие подгоняли детали, собирали пистолеты. В слесарных мастерских в ночную смену подпольщики готовили финские ножи. Врач Карнаухов возглавил группу по изготовлению бутылок с зажигательной смесью.

У немецких товарищей появился легкий пулемет. Зимой 1945

года в Бухенвальд прибыл с востока транспорт заключенных. Дорогой многих из них погибли от холода (везли их на открытых платформах) и голода.

В единственном из всего эшелона крытом вагоне узники Бухенвальда, увозившие трупы в крематорий, обнаружили пулемет, коробку с патронами. Немецкие товарищи сумели погрузить пулемет на тележку и под трупами доставить в крематорий. Оттуда его переправили в подпольный арсенал.

Неудача при первом испытании гранаты встревожила Степана Бакланова. И это понятно: больше половины оружия в «арсенале» было изготовлено и собрано подпольщиками. Собирали хоть и знающие люди, но работать им приходилось тайно, зачастую в спешке. Что, если в решающую минуту пистолеты и винтовки «собственного образца» подведут? Остро стоял вопрос об испытании оружия. Заговорил об этом с Николаем Симаковым. Николай задумался, потом хлопнул товарища по плечу, пошутил:

— Обратимся к лагерному начальству. Авось, предоставит стрельбище. А за мишенями дело не станет…

— Не до шуток, Николай…

— Ну что ж, давай подумаем.

Лагерь охранялся отборной дивизией СС «Мертвая голова». С узников ни днем ни ночью не сводили глаз часовые с наблюдательных вышек. Смерть витала буквально за спиной каждого узника. И вдруг такое: найти полигон для испытания оружия.

Степан недаром часто посматривал в сторону «гертнерая», лагерного огорода. Начальником его был чешский коммунист Ганс Геш. К нему-то и отправились однажды Бакланов и Симаков. Беседа была краткой и деловитой. Решили, что лучшего места, чем канализационный колодец, для опробования оружия не сыскать.

С двумя пистолетами в кармане вышли Николай и Степан на огород. Напротив колодца, метрах в ста, вышка, но часовой спокоен: мало ли заключенных работает на огороде, и эти трое заняты делом. Вот один из них открыл крышку колодца, другой спускается вниз. Зер гут! Пусть русские лезут в эту вонючую дыру!

Николай Симаков и Ганс Геш закрыли крышу колодца. Степан выстрелил из одного пистолета, потом из другого. Неожиданно товарищи начали барабанить в крышку колодца.

— Вылезай, хватит!

Товарищи объяснили, что после выстрелов слышится глухой подземный гул, гитлеровцы могут всполошиться.

Друзья возвратились в барак: испытание прошло успешно!

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ

У каждого, кто знакомится с деятельностью подпольщиков Бухенвальда, невольно возникает вопрос: как это узники в течение нескольких лет вели огромную подрывную работу, создали армию, а гитлеровцы словно ни о чем не догадывались? Как уберегли подпольщики от провалов?

С первых шагов деятельности военно-политического центра был создан отдел безопасности. Возглавили этот отдел Николай Федорович Кюнг и Александр Павлов. Они следили за тем, чтобы в подпольную организацию не попали случайные, неустойчивые люди, а тем более — провокаторы. Отделу безопасности удалось пристроить подпольщиков во внутрилагерную команду, которая следила за порядком. В лагерь все время поступали новые люди. Подпольщики из лагерной команды изучали, откуда прибыли новички, как они ведут себя в лагере. Новички, как правило, проходили санитарную обработку, затем их помещали в карантинные бараки. В это время подпольщики изучали их документы (если они оказывались в карманах оставленной на складе одежды).

В бараках из числа узников выбирались старшие. Конечно, на эти «должности» попадали подпольщики. Вновь прибывшего изучала «тройка». Каждый поочередно расспрашивал с «пристрастием» новичков, а потом трое сходились и сверяли его «показания».

Конечно, все это давало самое общее представление и провокатор, ежели его заслали, не будет раскрывать перед подпольщиками свои карты. Выяснение личности вновь поступившего продолжалось в… лагерной канцелярии. Там немецкие и чешские подпольщики изучали данные канцелярии гестапо, и почерпнутые таким образом сведения передавали русским товарищам. Так, «процеживая» людей через фильтр отдела безопасности, подпольщики пополняли организацию преданными людьми.

Конечно, были и жертвы. Но провалы носили случайный характер. В 1944 году состоялась зверская расправа гитлеровцев над славным сыном немецкого народа Эрнстом Тельманом, и заключенные провели траурный митинг. На митинге присутствовал провокатор, который немедленно донес обо всем эсэсовцам. Многие в результате доноса погибли.

Однажды в Бухенвальд вместе с транспортом французских заключенных прибыл русский белоэмигрант. Он не прожил и недели, как обратился к коменданту лагеря с верноподданническим письмом.

«В лагере, — сообщал этот негодяй, — царит большевизм. Здесь вся инициатива у русских. Они помогают друг другу в питании, снабжении одеждой. В бараках можно заметить группы, проводящие какие-то беседы. Я боролся всю свою жизнь с коммунизмом и прошу освободить меня из концлагеря и послать на Восточный фронт. А в Бухенвальде прошу навести надлежащий порядок».

Вместо Восточного фронта предатель, по приговору русского центра, «отправился» на тот свет.

В другой раз с очередным транспортом прибыл некто Тихомиров. Он сразу же наткнулся на Сергея Швецова и, думая, что здесь ему ничто не грозит, сказал с издевочкой:

— Что, попался коммунист?.. Теперь тебе крышка.

За Тихомировым установили наблюдение, но однажды ему все-таки удалось незаметно уйти в большой лагерь, и он отправился в комендатуру. Его остановил человек с полицейской повязкой на рукаве.

— Далеко идешь? — поинтересовался «лагерь-шутц».

— В комендатуру, вот список коммунистов.

«Полицейский» не растерялся. Похвалил Тихомирова за усердие и взял у него список — «Тебя все равно не пропустят».

«Лагерь-шутц», подпольщик Петр Саенко немедленно передал список Степану Бердникову. Тот посоветовался, с кем надо, и судьба Тихомирова была решена. Во время одного из рейсов его выбросили из кузова машины, а немцы пристрелили «за попытку к бегству».

Группа Кюнга и Павлова помогала в разработке плана восстания, представляя центру разведывательные данные. Многие военнопленные неплохо знали немецкий язык. Таких направляли на работу поближе к эсэсовцам. Борис Колесов работал на кухне эсэсовцев, Иван Смагин разносил пищу постовым. Они подслушивали разговоры немецких солдат и офицеров и добытые таким образом сведения сообщали центру. Многие сведения отдел безопасности добывал через подпольщиков интернациональной группы.

ПОСЛЕДНИЙ, РЕШАЮЩИЙ

Весна 1945 года. Последние месяцы войны. Победа приближалась стремительно и неудержимо. С Востока шло освобождение. И на Западе союзные войска вели с гитлеровцами

бои. Американские войска подошли к Эйзенаху и на линии Эйзенах-Гота вдруг задержались. Находясь в двадцати-тридцати километрах от Бухенвальда, американцы вот уже десять дней топтались на месте.

А в это время, в ночь с 10 на 11 апреля, Гитлер подписал приказ: 11 апреля в 17.00 уничтожить Бухенвальд. Узнав об этом, интернациональный центр постановил: поднять восстание на два часа раньше, чем могло начаться выполнение чудовищного приказа. В силу вступил план восстания.

В 13.00 русские бойцы выслушали воззвание русского военно-политического центра. Грозно звучали слова:

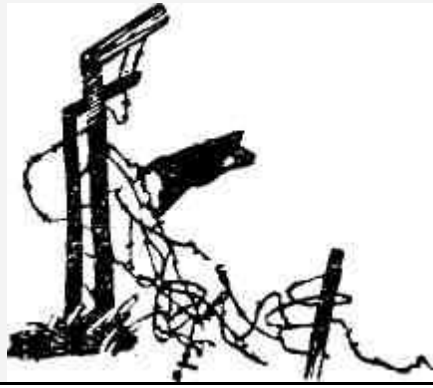
— Смерть фашистским извергам!

Можно представить себе ликование узников, когда в их руках оказалось оружие. Через два часа более пяти тысяч заключенных ринулись на штурм укреплений и вскоре на горе Эттерсберг заалел красный флаг.

* * *

Живые никогда не забудут ужасов лагеря смерти. Годы не сотрут в их памяти великую братскую солидарность антифашистов разных наций, отвагу и стойкость, проявленные советскими патриотами в тяжелую годину неслыханных бед и лишений. В разных уголках работают герои Сопротивления. На великой Братской ГЭС трудится Степан Бакланов. Николай Симаков — старший инженер в Новосибирском совнархозе. Преподает школьникам историю нашей Родины в Подольском районе Московской области Николай Кюнг. Директором школы работает в деревне Огнево, Челябинской области, Степан Бердников.

Нет, не забудут они ужасов Бухенвальда и великого братства интернационалистов!



В. Пролеткин
ОТЦОВСКОЙ ДОРОГОЙ

«Об одном прошу тех, кто переживет это время: не забудьте! Не забудьте на добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас… Пусть же павшие в бою будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами!»

Юлиус ФУЧИК,

«Репортаж с петлей на шее».

Человек, взявший в руки книгу «Этапы большого пути» (воспоминания о гражданской войне), не может не почувствовать трепетного волнения. Сколько знакомых имен! Среди авторов сборника — Маршалы Советского Союза М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер. Они принимали участие в сражениях, развернувшихся на степных просторах Южного Урала.

Мне особенно запомнились военные записки замечательного полководца Г. Д. Гая. Помните его рассказы про лихого разведчика Яшку-Коршуна? Как Яшка в одиночку роту белоказаков пленил. Как возле села Погромного отбил (опять-таки в одиночку!) у дутовцев пять тысяч пудов общественной пшеницы. Как на Орском фронте увел из-под носа колчаковцев два пулемета…

Об отчаянных вылазках красного разведчика всего и не

расскажешь. Недаром враги прозвали восемнадцатилетнего паренька Коршуном.

Молодой разведчик, по словам Гая, был добровольцем 213-го Крестьянского полка Железной дивизии, которая освобождала Бугуруслан, Бузулук, Оренбург, Орск и другие города Урала.

Лихой парень. Гай пишет о нем с нескрываемым восхищением:

> «Несмотря на свою молодость, он имел уже много военных заслуг, совершил ряд блестящих подвигов. Революционным военным советом Первой Красной Армии он был награжден золотыми часами за храбрость, а в 1919 году я его представил к ордену Красного Знамени, который Яша так и не успел получить».

Не успел… Почему? Гай пишет, что в бою под Орском разведчик был тяжело ранен, санитарным поездом доставлен в Оренбург, где и скончался от заражения крови…

Долго ходил я по комнате под впечатлением прочитанного. Все думалось: не может быть, чтобы так бесследно ушел из жизни человек! Должны же остаться сверстники героя, очевидцы его подвигов. Сослуживцы по полку, наконец. Они должны рассказать о герое все подробности. Но как найти этих людей?

Есть у меня один хороший знакомый — директор Сорочинского районного Дома культуры Александр Михайлович Буцко. Страстный краевед, он создал в городе музей на общественных началах. Разыскал даже редкую фотографию Ильича с его автографом. В музее Буцко много интересных реликвий. Не обратиться ли к нему и на этот раз? Тем более, что Яшка-Коршун воевал в окрестностях Сорочинска.

Буцко, как обычно, смотрит на меня сквозь очки взглядом удивленного человека. Потом поднимает небольшой кулачок к верхней губе и задумывается:

— В музее есть воспоминания Гая. Но экспонат — это не то.

И вдруг говорит резко и решительно, глядя в упор:

— Хотите, познакомлю с дочерью разведчика?

— С кем, с кем? — я невольно подался вперед. — Дорогой Александр Михайлович, может, я ослышался?

— Почему же? Дочь Яковенко жива. И дом ее в том селе, где находится могила отца.

— Ну, знаете, — пробормотал я, еще плохо веря в удачу.

— А пожалуй, это будет здорово, — окончательно что-то решил про себя Буцко. — Давно пора исправить ошибку комдива «Железной». Поезжайте-ка в село Первое Красное. И спросите там фельдшерицу местной больницы Екатерину Яковлевну. От нее все

и узнаете.

От Сорочинска до Яшкино пролегает прямой асфальтированный тракт. Проезжаем по тракту и сворачиваем направо, к реке. Едем «по-над рекой», как нам советовали знающие люди. Степная дорога обязательно должна привести в село.

Мягко гудит мотор «газика». Шофер смотрит в степную даль, а я углубился в свои мысли.

Мне вспомнилась наша предпоследняя встреча с Буцко. Это было в середине осени. Он вдохновенно рассказывал о селе, куда мы теперь ехали. Знаменитое, оказывается, село Первое Красное! В 1918 году здесь организовался крепкий партизанский отряд. Со своей кузней, где ковалось холодное оружие и даже производились ручные гранаты. Отряд возглавили местные жители Афанасий Евграфович Сбитнев и Аристарх Владимирович Зубков. А начальником штаба был назначен молодой учитель музыки, только что окончивший консерваторию — Иван Васильевич Колпаков. И еще я почему-то запомнил две фамилии — Коптелова Тимофея Егоровича и Махортова Сергея Федоровича.

Вот, наконец, и последний небольшой увальчик. Внизу показались дома, разбросанные в ложбине.

В больнице Екатерины Яковлевны не оказалось. Нам показали ее домик. Он стоял в ряду таких же обыкновенных степных домов, сделанных из самана.

Открыла женщина средних лет. Невысокая, бледнолицая. Зябко кутается в пуховую шаль. Глаза насторожены: уж не из больницы ли за нею пришли?

Это и есть Екатерина Яковлевна, дочь красного разведчика Якова-Коршуна.

Она приглашает в горницу. Простая обстановка. На кухне поет свою монотонную песню старенький примус. А здесь, в передней, тишина. Даже слышно, как тикают ходики.

Взгляд мой прошелся по стенам: нет ли фотографии отца? Есть. Даже две. Одна давнишняя. Тех лет. Около вагона-теплушки стоит Яков, одетый в военную форму красного бойца. Приземистый, крепко сбитый. Цепкие, дерзкие глаза. Вторая фотография — увеличенный портрет с первого снимка.

Екатерина Яковлевна, по всему видать, смущена нашим неожиданным приездом:

— Вас, наверное, Буцко подослал? Вот неугомонный. И чем я могу помочь? Напрасно только приехали…

Она все-таки начинает рассказывать. Голос у нее тихий, спокойный. Говорит неторопливо. А я и не тороплю. Понял, что

эта женщина из породы молчаливых, на слово скупа. Скажет десяток фраз, вскинет глаза на собеседника: — Ради бога, кому это будет интересно? — А я отвечаю: — Нужно, Екатерина Яковлевна, это очень нужно…

И снова продолжается рассказ.

Вот что я узнал в тот день. Выжил-таки Яков-Коршун! Стороной обошла его смерть и на этот раз. Выписался из госпиталя белее простыни. После тяжелого ранения не смог ехать в полк. Решил махнуть в Сорочинск. Там воевал, там остались друзья.

В Сорочинске Яковенко встретили радушно. Предложили работать в только что создающейся милиции. Не отказался. В одной из поездок в село Первое Красное познакомился с девушкой. И зачастил в эти края…

Вскоре сыграли свадьбу. Без колокольного звона и гнусавого бормотания попа. По новому советскому обычаю. Взял Яков свою невесту под руку и повел в сельсовет. А вокруг свидетели… Председатель достал книгу регистрации браков из ящика стола, велел приложить руку под торжественным обязательством «жить в мире и согласии», а также «добить гидру мирового империализма до победного конца».

Тяжелыми были годы 20-й и 21-й. В деревнях свирепствовал голод, на людей обрушились болезни. Особенно был опасен сыпной тиф. Много жизней он унес в ту злую пору.

Потеряла память, забилась в горячке и ослабевшая от родов Мария. А чуть позже недуг свалил с ног самого Якова. Старания друзей оказались напрасными. Они умерли в один день. И похоронили их в одной могиле на окраине села.

Скорбно прозвучал прощальный салют. Всех, кто провожал супругов в последний путь, поражало одно обстоятельство: тиф скосил двух здоровых и сильных людей, а третьего, хилого, беспомощного, только что родившегося, пощадил. Третьим человеком была Катя.

— Я заменю ей отца! — горячо сказал молчавший весь день Коптелов.

— А почему именно ты? — обиделся Зубков.

— Ладно, вы, холостяки! — остановил их Махортов. — Рано еще в отцах ходить. Катюшка будет жить у меня. Жинка-то моя ей родственницей приходится.

Четверых детей воспитали Сергей Федорович и Мария Егоровна Махортовы. Пятым ребенком назвали Катюшу. Она продолжала носить фамилию отца — так решили приемные родители. Сергей Федорович мудро рассудил: негоже теряться следу славной фамилии (однако справедливости ради надо

сказать, что его благородные старания все-таки не были доведены до конца: Екатерина Яковлевна сейчас носит фамилию Яровенко. Какой-то писарь ошибся и сменил ей в метриках букву «к» на «р»).

Семь деревянных ложек и семь глиняных мисок было в доме — и все одного размера. Только, случалось, добавляла Мария Егоровна лишний половничек супа в миску мужа. Если оставалась картофелина лишняя — тоже ему. Он — кормилец. Среди детей любимчиков не было. Она одинаково ходила и пестовала и Ваню, и Катю, и Аню, и Веру, и Нину…

Были дни, когда в дом наведывались гости — друзья Якова Яковенко и Сергея Федоровича. Привозили вкусные мятные пряники — лошадок, зайчиков, петушков. Или горсть разноцветных камушков-леденцов. И не для одной Кати. — раздавали поровну всем детям. Люди уважали дружбу в этом небогатом крестьянском доме.

Незаметно из маленькой девочки с бантиками в косичках выросла стройная, ясноглазая семиклассница. Встал вопрос: куда дальше двигаться? Друзья по Сорочинску советовали поступить учиться в двухгодичную медицинскую школу. Это было в 1939 году. А в июне сорок первого…

Экзамены держала не только на знания, но и на зрелость. Последний экзамен был в июле. Тогда же приняли в комсомол. Секретарь райкома ВЛКСМ Порваткин вручил комсомольский билет и похвалил:

— Молодец, что окончила. Нужная профессия…

Вздрогнули ее ресницы. Она поняла, кому и где нужная. Ей было уже двадцать. Вспомнила отца. Он-то в такие годы что вытворял!

Дядя Тимоша Коптелов, которого она тоже считает родным человеком, рассказывал, как отец, переодевшись в форму белогвардейца, проник в штаб вражеской части и выкрал секретные документы. Вот это да!

На другой день она отнесла документы в военкомат. 8 августа 1941 года Катя стала бойцом Красной Армии. Ее направили в Москву.

Еще с детства она знала, что ее отец служил в 24-й «Железной» дивизии. Старалась читать брошюры и статьи про это прославленное воинское соединение. Знала назубок анкету, которую составили в те годы бойцы: «Имя? — Дивизия. Фамилия? — Железная. Сословие? — Рабоче-крестьянское. Год рождения? — 1918-й». Слышала о Г. Д. Гае, том самом, который 12 сентября 1918 года телеграфировал раненому Ленину такие слова:

«Дорогой Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ за одну Вашу рану, а за вторую — будет Самара».

В ответ Ленин прислал приветствие бойцам:

«Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Дивизия освободила Самару. За эти операции ей было вручено Красное Знамя ВЦИК, она стала именоваться «Железной»…

В Москве Катины документы посмотрел хмурый дядька с красными от бессонницы глазами. И переспросил:

— Как фамилия?

— Яровенко. Екатерина.

— Как, как? Яковенко? — махнул рукой. — Ну все равно. — Главное — медик. Пойдешь в «Железную». Слыхала о такой?

В коленях сладко заныло, и она чуть не присела на пол. Какое это счастье, она будет служить в той дивизии, в которой служил отважный разведчик Яков-Коршун. Яков Яковенко. Ее родной отец.

Поезд уходил в сторону Могилева. Навстречу потоку беженцев и кроваво-алой полоске на горизонте. Навстречу бронированному чудовищу, которое почти безостановочно все лето и осень ползет и ползет к Москве.

Она попала в 213-й (бывший Крестьянский) полк. Самый что ни на есть отцовский! Начальник штаба подполковник Дегтярев, а начальник медсанбата — капитан Курилко. Она же, Катя, рядовая санитарка.

Сказать о своей тайне или нет? Катерина думала об этом под стук колес воинского эшелона. Пока ехала на фронт, перешила себе гимнастерку, чтобы ладно сидела на ней, укоротила полы шинели. И думала в это время, думала.

Пришла к мысли: не скажет. Командир дивизии обвинен в предательстве и расстрелян. Почти заново сменен командный состав. Кому теперь будет интересно знать о разведчике Якове-Коршуне? Нет, она никому не скажет. Просто будет верна памяти отца. Ему довелось защищать революцию на Южном Урале. А ей — здесь, в могилевских лесах. И не нужно красивых слов. Она, когда это потребовалось, поступает так, как в свое время поступил отец.

Поймала за рукав фотокорреспондента дивизионной газеты и попросила: на память. И обязательно, чтоб на фоне вагона-теплушки, а? Корреспондент оказался покладистым…

Трудно, ох, как трудно сдерживать натиск хорошо подготовленных и своевременно отмобилизованных гитлеровских полчищ! 24-я дивизия, как и другие, огрызалась, медленно отступала назад — в глубь России.

Работы, если таким словом можно назвать то, что делала Катя с подругами, хватало. Они порой пробирались туда, где бойцы никак не ожидали их встретить. А встретив, говорили ласково: «Сестреночка, молодчина, перевяжи-ка земляка, поранило его»… Видимо, никогда не забыть Екатерине рабочего паренька из Ярославля, Николая Козлова, умершего у нее на руках. Ей приказали пробиться к одной деревушке. Наши задержали там противника. Много раненых.

Санитарка на виду у противника подскочила к деревне в тот момент, когда на помощь отбивающейся роте подошла другая, и они вместе отогнали врага.

Екатерина, увлекаемая бойцами, побежала вперед, прижимная сумку двумя руками к груди. Ветер свистел в ушах, вокруг грохотало. На большом ржаном поле суетились зеленые фигурки немецких солдат. Они пятились к лесу, беспорядочно отстреливаясь. Повернули назад и танки, окрашенные в серый цвет, на брони которых четко выведены белые кресты. Черный дым стлался над землей, и Катя никак не могла понять, что горит, откуда дым?

Чтобы переждать огонь танков, легла в воронку от бомбы вместе с несколькими бойцами. Командир взвода удивленно присвистнул:

— Вот дуреха! Ты-то зачем здесь?

Бойцы подняли головы, посмотрели на нее. Один тихо сказал:

— С самого начала атаки приметил ее. — И добавил еще тише: — Пусть остается. Только вот плохо — без оружия она…

Второй боец протянул что-то в руках:

— Возьми гранату. Пригодится, коли чего…

Командир взвода больше не ругался. Посоветовал:

— Мы на последний бросок пойдем, а ты… ты нужна вон там! Видишь, наше орудие на дороге? Там основная работа. Двигай туда…

Близ дороги, ведущей в село, осев на одно колесо, стояло подбитое орудие Оно одно выдержало танковую атаку. Расчет сражался до последнего. Последним был Николай Козлов. Старший сержант. Наводчик. Ранен несколько раз. Однако продолжал стрелять. И сорвал-таки танковую атаку! Три машины

смрадно дымили за околицей деревни…

Но силы оставили и его. Герой-наводчик умирал на руках у Кати. Молодое, не лишенное красоты лицо. Николай силился сказать свое единственное желание: «В кармане… адрес матери… Прошу… Все, что мог…»

Вечером она, привыкшая в школе писать изложения-пересказы о подвигах книжных героев, написала незнакомой русской женщине жестокую правду о последнем дне ее сына. И по-своему объяснила три слова «все, что мог»… Написала: «пал смертью храбрых». Писать ей было очень трудно, в глазах застыли слезы. Тяжелое предчувствие угнетало ее.

Она вспомнила своего второго отца — Сергея Федоровича Махортова. Где-то он, родимый, сейчас? На какой участок фронта забросила его солдатская судьба?

Не думала, не гадала приемная дочь, что где-то на Украине другая медсестра, тоже глотая соленые слезы, писала ей горькое послание. О ратном подвиге Сергея Федоровича. О последнем его дне. О том, что пал он смертью храбрых…

Посуровело девичье лицо. Появились ранние морщины в уголках рта. В глазах потух жизнерадостный огонек. Много горя видела Катя за время отступления по смоленским и калужским дорогам.

Сердце ее ожесточилось лютой ненавистью к врагу. Она всегда была на переднем крае. Молча, сжав губы, перевязывала бойцов и отвозила их в полевой госпиталь. И снова на передовую, куда попасть порой не так-то просто.

Над дорогами с утра до вечера висели «мессершмитты». Нахальные, уверенные в себе фашистские летчики гонялись даже за одинокой зеленой «санитаркой», хотя на ее крыше отчетливо выделялся красный крест…

Катя похоронила одного водителя, двух отвезла в госпиталь. Видавшая виды машина была пробита в нескольких местах. А ее пуля не брала. Не брала — да и только! Капитан Курилко, милый начальник медсанбата, с тревогой в глазах провожала ее на передовую. «Как знать, вернется ли назад эта упрямая, симпатичная девчонка!» — думала женщина. Катя возвращалась.

И пошла молва по части. Говорили о бесстрашной молоденькой сестричке. Говорили о ее удачливости. «Чудаки! — краешками губ улыбалась девушка. — Вы же не знаете, чья дочь перед вами. Якова Яковенко, красного разведчика. Того самого, которого ни злая пуля не брала, ни острая сабля не доставала…»

…Вот и могилевские леса. Сам город в пятидесяти километрах. Ее послали с заданием: после очередного налета вражеской авиации подобрать тяжело раненных. Дорога —

сплошные воронки.

На обратном пути попали под артиллерийский обстрел. Водитель был не из робкого десятка. Руль не бросил, умело маневрировал. Проскочили.

А вот второй рейс не получился. Немецкие автоматчики, просочившиеся в тыл, заминировали дорогу. Не брала Катю пуля, взяла мина. Зеленая «санитарка» взлетела на воздух…

Очнулась Катя в своем же санбате. Голова сильно болела, словно кто-то сжимал ее в стальных тисках. Неужели контузило? И надо ж такому случиться именно теперь!..

Эти суровые дни Катя помнит смутно — еще не оправилась тогда от контузии. А события разыгрались поистине драматические. Дивизия, в которой служила Катя Яровенко, осенью 1941 года попала в окружение. Командование трезво оценило обстановку: кончаются боеприпасы и продовольствие, много раненых, вокруг дремучие леса, на всех дорогах — немцы. Единственный выход — попытаться прорваться. Другого выхода нет.

А как быть с красным знаменем дивизии? Тем самым, которое двадцать лет назад победно реяло на многих фронтовых дорогах гражданской войны? То самое знамя, которое получено за освобождение Симбирска и Самары. Неужели оно достанется врагу?

Перед вечерней зарей одного из тревожных дней командир дивизии генерал-майор Галицкий вызвал к себе старшего политрука Александра Барбашова. Он поставил перед ними задачу: вынести знамя дивизии к своим. Любой ценой!

В ночь ушла группа бойцов. Ушла и не вернулась…

Бой, который приняли бойцы, был ожесточенный. Бились до последнего патрона. Позднее их мертвые тела нашел на опушке колхозник Дмитрий Тяпин из села Анютино, Могилевской области. Прежде чем похоронить, заглянул в документы погибших. И наткнулся на знамя, спрятанное на груди у политрука. Развернул украдкой и ахнул: знамя «Железной» дивизии!

Старик рассудил мудро: положил полотнище в железный ящик и зарыл его в землю рядом с прахом героев. До поры, до времени.

А между тем «Железная» пробилась сквозь вражеское кольцо и вышла на соединение с соседними частями. Но победу никто не праздновал, потому что дивизия вышла из окружения без своей воинской святыни… Никто не знал о судьбе ушедшей группы. «Железную» расформировали.

Теперь Катя, конечно, не удивляется, почему она,

оправившись после контузии, нашла свой санбат в составе железнодорожного полка. А тогда очень удивилась.

Вскоре наступили радостные события: наши погнали фашистов от Москвы! Освободили Брянск, Орел. Потом она участвовала в освобождении Гомеля, Бреста.

Кате присвоили звание старшины, вручили медаль «За отвагу». У нее появились хорошие подруги: Аня Шадрина, Таня Дикаркина, супруги Царьковы. Гимнастерка ее выцвела от солнца и хлестких ударов ветра.

Потом санбат неожиданно перебросили в 24-ю стрелковую дивизию. Ту самую, «Железную». Снова Катя изрядно подивилась: то к железнодорожникам бросят, то снова — к стрелкам. Почему?

Не знала тогда Катя Яровенко, что старый колхозник к этому времени откопал запрятанное от немцев полотнище и послал его в Москву. Доброе имя дивизии было восстановлено. И посыпались запросы на все фронты страны: «Железные», где вы? Откликнитесь!

…Пять лет носила на своих плечах солдатскую шинель наша землячка. Спустя год после победы демобилизовалась. В последний раз стояла она возле боевого знамени, прощаясь с «Железной». Пять лет прослужила там, где когда-то служил отец.

Она не сразу приехала в Первое Красное. Сначала работала в селе Пронькино, жила в Соль-Илецке, и только потом вернулась домой.

С тех пор живет и трудится здесь. В коллективе ее уважают. Местные коммунисты приняли в члены КПСС. Она активная общественница.

…Меркнет вечер за окном. За стеной не утихают порывы ветра. Шум все усиливается и усиливается… Неожиданно постучали в окно.

— Фельдшера…

Екатерина Яковлевна резко поднимается, торопливо вешает фотографию отца на прежнее место. Собралась быстро, за две-три минуты. Чувствуется, привыкла к подобным вызовам. В степном селе случается всякое. И фельдшера здесь тревожат и днем и ночью…

В. Вохминцев
ЗАВЕДУЮЩИЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ

Служил у нас в роте пулеметчик Федя Горбань. Солдат был хороший, да и парень, сам по себе, что надо. Верно, только среди цветущих садов Полтавщины рождаются такие завидные хлопцы.

Красивые глаза были у Феди. Большие, густо-синие, как само украинское небо. Брови черные, густые, ресницы длинные, изогнутые. Наверное, и смоляным чубом своим мог бы похвастать

бравый парубок, да беспощадна рука у ротного санинструктора.

В фигуре, в движениях Феди была врожденная статность и грация. Бывало, взвалит на спину пулемет и идет легко, словно шарфик на плечи накинул. Уж это, верно, к Феде на Урале пришло. Родился-то он на Полтавщине, а вырос на горе Магнитной.

Только вот Федины ноги чуть не до слез доводили нашего старшину. Десятки самых больших сапог примерит пулеметчик, а все малы. Федя только посмеивается, а командир на старшину зверем смотрит: обеспечь! А как тут обеспечишь: в действующей армии мастерских индивидуального пошива не открывали.

А весельчак-то какой был! Песни любил до самозабвения. И знал их несчетное множество: и старинные, и современные, и веселые, и грустные. К любому случаю у него всегда была наготове хорошая песня. Бывало, осатанеет фашист, поливает огнем, как из пожарного рукава. Голову поднять нельзя, а не то, что двигаться. Лежим, пережидаем. А на поле метель. Ветер насквозь пронизывает, снегу аж под ремень надувает. Досада и уныние невольно начинают одолевать людей. А Федя выберет где-нибудь за бугром местечко и напевает:

Топор, рукавица,
Федя фрица не боится,
Рукавица и топор,
Федя фрицу даст отпор…

Поет, приплясывает, улыбается, а сам глазами своими синими так и светит. Глядишь, и вся рота повеселеет, а тут и долгожданная команда прокатится по цепи: после залпа «Катюши» — в атаку! И уж тут летит на врага наша рота вслед за артиллерийской жар-птицей, чуть не обгоняя ее.

И вот однажды украинский парубок, уральский горняк, пулеметчик мотострелковой роты получил у нас еще один важный пост — «заведующего Западной Европой». Уж очень верил Федя в наших западных союзников. Не может же быть, чтобы против Гитлера, угрожающего всему человечеству, сражался один советский народ! Где же совесть у людей Запада! — думал он.

Вырезал пулеметчик Горбань из «Правды» карту военных действий в Европе и тщательно отмечал на ней все события. И чуть ли не каждый день обещал, что вот-вот откроется второй фронт. Он даже показывал на карте возможные направления главных ударов союзнических армий. И так убедительно получалось у него, что и мы все начинали верить в резонность стратегических предположений Феди Горбаня.

Случалось, конечно, что кто-нибудь говорил Феде:

— Да брось ты, Горбань, эту бумажку. Надуют тебя союзнички.

Тут Федины синие глаза темнели и начинали метать молнии.

— Що ты такэ мелыш! — со сдавленной болью кричал он. — Разве это возможно! Да народы цього не дозволят.

— Народы?! А немцы, итальянцы — это что, не народы?!

— Их Гітлер и Муссоліні гоныть, як скотину. Розумиеш ты? — переходил на увещевательный тон Федя.

— Ну и в Англии, в Америке найдутся свои гитлеры.

Федя с минуту молча взвешивал это возражение, потом решительно тряс головой:

— Нет… Гитлеры, конечно, найдутся, но народы не допустят.

Так и стал наш любимец, веселый пулеметчик «заведующим Закладной Европой».

А в то время наш механизированный корпус сражался с армадой Манштейна, которая шла на выручку Паулюсу, окруженному на берегах Волги. Манштейн к Волге не прошел. Участь армии Паулюса была решена. И воинственный пыл оккупантов заметно упал. Каждый день наши войска освобождали все новые территории и захватывали множество трофеев и военнопленных. Среди пленных особенно много было румын и итальянцев. Итальянцы сдавались поодиночке и мелкими группами, а румыны — целыми полками. Федя Горбань ликовал:

— А що я вам казав, що их гоныть Гітлер. Пішлють воны Гітлера до бисовоі матери, и все станэ на місто.

Однажды февральским вечером зашли мы в тыл одному подразделению Манштейна, расположившемуся в большой станице. Но случилась небольшая неувязка. Мотопехота на автомобилях выскочила вперед, а танки, самоходная артиллерия, минометы отстали. Надо было бы укрыться за обрывом речки и подождать, когда подойдет техника, но наш комбат решил атаковать с ходу. Собственно, комбат-то был ранен в предыдущем бою, а на его место заступил комиссар. Человек он был уважаемый, но тактику знал приблизительно, так как пришел в армию недавно. Вот он и решил положиться на один энтузиазм.

Выскочил вперед и крикнул:

— В атаку, за мной! Ура!

И сам же первый был сражен фашистской пулей. Но командиры рот продолжали атаковать. Приказ дан — надо выполнять.

Не успели наши боевые порядки приблизиться к околице станицы, как выкатились фашистские танки и начали расстреливать нас из пулеметов, «утюжить». Ну, понятно, была

дана команда отойти к берегу.

А Федя Горбань, который любил выскакивать вперед, облюбовал удобное место на окраине станицы и вел огонь по триплексам танков, стараясь ослепить их. И то ли он не слышал команды, то ли что-то надумал, только когда рота стала отходить за обрыв, он вместе со своим вторым номером продолжал стрелять, точно прикипел к пулемету. Но вот вблизи упала мина. Фонтан взрыва на какой-то миг заслонил все, а потом мы увидели, что второй номер остался лежать на земле, около опрокинутого пулемета, а Федя стремительно побежал. Только не в нашу сторону, а к станице. Тотчас вслед ему протянулись красные нити трассирующих пуль. Федя перекувырнулся за плетень крайней хаты.

Нас всех озадачило поведение Феди. Мы и мысли не допускали, чтобы наш любимец задумал что-нибудь худое. Но зачем безоружному бежать в сторону врага, если не сдаваться в плен? Бросаться на безрассудную гибель с отчаяния Федя не стал бы.

Всю ночь мы гадали и ждали возвращения нашего пулеметчика. Напрягали зрение и слух: вдруг надо будет прийти на помощь товарищу. В густой тьме слышно было, как рокотали моторами вражеские танки, топали солдатские сапоги, раздавались отрывистые немецкие команды. По всему видно было, что противник всерьез готовился к утреннему бою.

Изредка фашисты пускали осветительные ракеты. Околица станицы и все снежное поле заливались ярким ядовито-желтым светом. Но не было заметно ни единого признака какого-либо движения.

На рассвете на улицах станицы, перебегая от деревца к деревцу, от хаты к хате, двинулись в нашу сторону солдаты в мышиных шинелях. Фашистская разведка, видимо, прозевала подход нашей техники. А может быть, противник решил выманить пехоту из-за речного обрыва: танки-то на обрыв не могли идти, и они пока стояли в укрытиях.

Когда мышиные шинели высыпали на снежное поле, наши минометы и пулеметы заставили врага залечь. Тогда фашистские танки вышли из укрытий и двинулись в нашу сторону. На броне их сидели десантники.

Но тут загрохотала наша артиллерия, минометы. Еще яростнее застрекотали пулеметы. Поднялся тот всеоглушающий грохот, который можно услышать только в бою. Рев взрывчатки, лязг раздираемого металла, визг распоротого воздуха сливаются в единый затяжной утробный стон войны. В этом аду голос человека не имеет никакой цены. И только ракеты да

трассирующие пули помогают командирам управлять боем… А впрочем, бывалый солдат и сам по ходу дела видит, как будут дальше развертываться события, и что ему надо будет делать.

Мы увидели, как передний фашистский танк словно споткнулся и замер, и вскоре над ним поднялся высоко в небо огромный столб черного дыма. За первым танком задымил второй, третий, четвертый, а остальные поспешно повернули назад. Десантников, конечно, давно, как ветром, сдуло.

Ну, думаем, сейчас ударит «Катюша», а потом надо будет вступать в дело и нам. В ту же минуту сверкнули яркие молнии, и в расположении противника все взялось дымом и пламенем. Казалось, сама земля пылала и взрывалась. Взвились в небо условные ракеты. Поднялась наша пехота и побежала, выставляя вперед автоматы.

Мышиные шинели, до сих пор изо всех сил прижимавшиеся к земле, надеясь укрыться хоть за воображаемым бугорком, сейчас повскакали и, уже ничего не разбирая, ринулись в деревню. А навстречу им из-за угла крайней хаты вдруг ударил пулемет. По звуку явно не наш. Но почему со стороны противника стрелял пулемет по солдатам противника — это было непонятно. Однако разгадывать загадку в пылу боя некогда. Мы только видели, что вражеские солдаты совсем потеряли рассудок. Им бы рассеяться, куда-то уклониться в сторону, чтобы укрыться от встречного огня пулемета, но страх перед натиском советской пехоты был настолько велик, что они, очертя голову, продолжали бежать прямо на пулемет. А он все строчил и строчил, в упор метко разя фашистов. Солдаты противника то и дело падали, кто плашмя, кто кувырком. А по дороге с противоположной стороны села на полном газу удирали танки, самоходки и бронетранспортеры противника.

Как положено, мы «прочесали» всю станицу, а когда стали собираться у назначенных ориентиров, в роте появился Федя Горбань. Он шел приплясывая, держа в руках иностранный пулемет, а позади его, растерянно улыбаясь и пугливо озираясь, плелся солдат в голубой шинели.

Навстречу им со спокойной угрозой двинулся наш старшина, молодой белобровый парень, с круглым курносым лицом. Но для строгости, что ли, брови его всегда были сдвинуты к переносью, а на губах топорщились колючие подстриженные усы.

— Что за маскарад? — спросил старшина, пристально глядя на ноги пулеметчика, обутые в огромные боты, сплетенные из соломы.

— Це новомодные бальные черевычкы сыстэмы Адольфа Гітлера, — как всегда весело гутарил Горбань. — Не терпят

фашистские ножки русского холоду, и господин Гитлер прислал своим «лыцарям» вот эти соломенные ботфорты. Свободно, мягко, ногу не жмет и танцевать удобно. — Федя пустился напевать и приплясывать, выделывая чудовищными чоботами уморительные коленца:

Топор, рукавица,
Морозяки фриц боится.
Рукавица и кушак,
Фюрер фрицу дал башмак…

— Ты что такое напялил? — заглушая смех окружающих, крикнул старшина. — Как ты смел позорить советскую пехоту? Где твои сапоги? И где ты пропадал полсуток?

— Минуточку, товарищ старшина. Нельзя же столько вопросов сразу. Чоботы мои в целости и сохранности, в моем вещмешке. Но жмут же, проклятые! Сами знаете, на два размера меньше моих изящных конечностей.

— Нет, что ты позоришь советскую пехоту? — с угрозой повторил старшина.

— Эти ботфорты я надел не для позору, а для пропаганды. Должны же хлопцы видеть такое чудо фашистской культуры.

— А что это за самопал у тебя в руках? — продолжает наступать старшина, указывая на иностранный пулемет с длинным кожухом, усеянным круглыми отверстиями. — И где твой пулемет?

— Прошу полного внимания, бо сейчас пойдет разговор международный, — торжественно объявил Федя и, взяв за локоть своего странного спутника, выдвинул его вперед. — Ось бачите, хлопцы? Це итальянский трудящийся Антон.

«Итальянский трудящийся» что-то залопотал по-своему. Мы же могли разобрать только слово «Антонио», которое он произнес несколько раз.

— Вин каже: «До бисовой матери Гітлера и Муссоліні, не хочу воюваты против радяньской дэржавы», — с обезоруживающей невинностью, глядя на иностранца, бойко «перевел» Федя. — Верно, я говорю, Антон? Гітлер капут? Муссоліні капут?

— Капут, капут, — закивал головой итальянец и снова что-то добавил на своем языке.

— Итальянский трудящийся говорит: «Заведующий Западной Европой хорошо разбирается в делах», — под общий хохот Горбань продолжал разыгрывать роль бойкого переводчика с итальянского.

— Почему же ты побежал не к роте, а к противнику? —

допрашивал старшина.

Федя не стал томить нас ожиданием и весело рассказал о своем приключении.

— Не к противнику я побежал, а к укрытию, к хате. До роты-то было метров триста, а до хаты меньше сотни. А когда он по мне дал очередь, я свалился за плетень и притворился мертвым. И так спокойненько пролежал до ночи. Кому нужен мертвый? Пока лежал, надумал скрыться в погребе. Здесь же в каждом дворе роют погреба для овощей и фруктов. Залез в погреб, думаю, отсижусь, а утром все равно наши возьмут станицу. На всякий случай приготовил гранату, больше-то никакого оружия при мне не было. Если вдруг обнаружат — даром жизнь не отдам… Должно быть, здорово пошарили в этой яме еще раньше меня. Зажег я свою «катюшу», посветил немного и ничего, кроме нескольких морковок, не нашел. Отер «фрукту» полой, сижу, похрустываю. Вдруг крышка погреба приоткрылась и прямо на меня свалился какой-то тип. Ну, я не люблю, когда гости вваливаются без приглашения. Я крепенько так притиснул его и самыми вежливыми словами справился, какой его бис тут носит. Он нисколько не обиделся и прохрипел жалобно так: «Русски товаррич, карошо». Надо, думаю, посмотреть, что это за «товарищ» и что в нем хорошего. Не выпуская гранаты из рук, засветил свою «катюшу». Увидел он, что имеет дело с советским солдатом, да еще с заведующим Западной Европой, так сразу поднял руки вверх…

Как они сумели объясниться на разных языках, трудно даже догадаться. Однако Федя сказал, что ему опять же помогла карта. У иностранца оказался фонарик. Прикрывшись полой шинели, Федя засветил его и стал «пропагандировать» чужеземного солдата с помощью карты. Когда пришелец увидел изображение Италии, он хлопнул себя рукой по груди и несколько раз произнес: «Итальяно, итальяно». Способности Феди вести такую двуязыкую беседу оказались прямо-таки феноменальными. Он вскоре выяснил, что итальянец крайне недоволен своими немецкими партнерами. Сами они ночью ложатся спать, а итальянцы несут боевое охранение. Сами едут в бой в танках, за броней, а итальянцев сажают десантом сверху, на броню. И вообще итальянец не понимает, как могут эти снежные степи служить каким-то жизненным пространством для них. Словом, Антон счел за благо «выйти из войны» и хотел в яме дождаться, пока русские возьмут деревню, и тогда сдаться в плен. Федя энергично разъяснил, что он не разделяет философию своего ночного собеседника. Пассивное сопротивление — это ерунда, интеллигентщина, можно сказать, поповщина. Не надо бросать

оружия, а надо повернуть его против фашистов.

Федя пришел в негодование, когда узнал, что итальянец (кстати, тоже наводчик), пробираясь в спасительный погреб, бросил свое оружие под забор. Надо же быть таким дураком! Кругом враги, а у них тут единственная граната на двоих. Федя выразил свое возмущение в высокоэмоциональной русско-украинской тираде. Итальянец ничего не понял, но прошептал свое неизменное русское «карошо».

— Ах, хорошо, тогда пошли добывать твой пулемет.

Горбань вылез из ямы, заставил выбраться итальянца. Поползли вместе. Вдруг вспыхнула осветительная ракета. Федя прижался к земле, точно мертвый, а сам настороженно впился глазами в итальянца. А ну, как этот пацифист встанет, позовет своих и скажет: «Держите его, это я вам привел «языка». А у нашего храброго пулеметчика только одна граната. Однако «итальянский трудящийся», пока светила ракета, лежал не шелохнувшись, но как только вновь наступила тьма, сделал решительную попытку уползти обратно в яму. Федя своею властной рукой возвратил его на прежнее место. Еще не раз вспыхивали осветительные ракеты. «Итальяно» пугливо озирался и все время что-то шептал, не то проклятия, не то молитвы. Надо полагать, он тоже не был уверен в благожелательности намерений Горбаня: а вдруг этот русский, вооружившись пулеметом, возьмет и расстреляет его? Так, хоронясь от гитлеровцев и настороженно следя друг за другом, они вырыли пулемет и ленты из сугроба и возвратились ползком в яму.

Горбань немедленно изложил обширный план нападения на гитлеровцев с тылу, но итальянец наотрез отказался. Он молитвенно складывал руки, поднимал глаза к небу. То ли на бога ссылался, то ли еще на какие-то высшие инстанции. Федя понял, что ему в этом пункте без знания языка ничего не добиться и, сердито послав своего подопечного пацифиста к бису, сказал: «Ну, добре, я сам все сделаю. Только ты не мешай мне».

Итальянец охотно рассказал устройство своего пулемета и показал, как надо вести из него огонь. Впрочем, магнитогорский горняк уже повидал немало всякого оружия и мог бы разобраться сам. Но он все же внимательно проследил за всеми манипуляциями итальянца и в точности повторил их. Тот удовлетворительно закивал головой, радуясь понятливости своего ученика. «Эх, темнота, — пробормотал Горбань. — Что же ты, не знаешь, что техника в период реконструкции решает все».

Утром, ориентируясь по звукам боя, Горбань улучил момент, выбрался из ямы и занял огневую позицию. Итальянец лег рядом и расторопно подавал ленты. Это они и нанесли тот

дополнительный встречный удар, который окончательно поставил в тупик фашистскую пехоту…

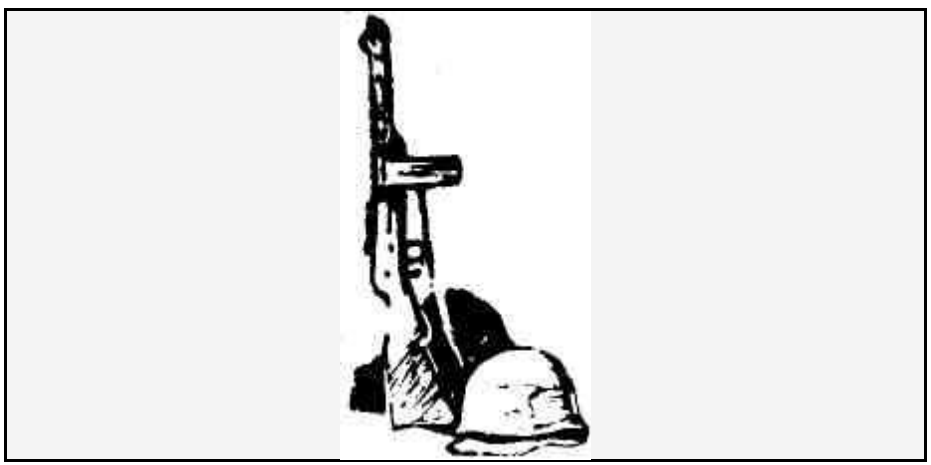
Рассказывая все это, Федя дружелюбно похлопывал итальянца по плечу, стараясь всячески рассеять еще не выветрившееся чувство страха перед русскими.

— Рота знала, кого назначать заведующим Европой. Вот так, друг Антон! Когда и вы будете знать, кого выбирать заведующими, тогда и у вас все будет в порядке. А пока, хлопцы, дайте итальянскому трудящемуся котелок каши, а я пойду разыскивать остатки своего пулемета, а то старшина снова нацелился на меня…

— Отставить! — скомандовал старшина. — Сначала приведи себя в порядок, потом пойдем к командиру. Доложишь по форме, чем ты занимался в расположении врага.

Федя пристально посмотрел на старшину, усмехнулся, сбросил соломенные боты, сел на них, вынул из вещевого мешка свои сапоги и, тщательно наматывая портянки, вполголоса запел:

Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет…



Л. Кузьмин
ОГНЕННЫЙ СЛЕД

Кыштым, площадь Освобождения Урала, 17. Этот адрес приведет к небольшому дому, что стоит на берегу озера. Почти каждый вечер сюда на огонек приходят пионеры, учителя, рабочие. Приветливо встречает гостей среднего роста широкоплечий человек. Из потемневшего шкафа он достает большую папку с письмами. На конвертах знакомые имена. Это письма писателей, офицеров Советской Армии, видных

общественных деятелей, адресованные хозяину дома.

Кто он такой?

Алексей Андреевич Бородулин — прославленный партизан, ветеран Великой Отечественной войны, чье имя знакомо каждому в городе. Он рассказывает о своих однополчанах. И когда слушаешь его, читаешь письма боевых друзей, потрясают подвиги простых советских людей, свершенные ими в годы войны.

РЯДОМ С ВРАГОМ

В один из ноябрьских дней 1941 года Советское Информбюро передало важное сообщение: «Сегодня ночью бойцы отряда особого назначения Западного фронта и партизаны Угодско-Заводского района Московской области разгромили штаб 12-го армейского корпуса отборных частей СС». Об этой дерзкой операции писали многие зарубежные газеты.

А вот что было за этими скупыми строками.

…Бородулина вызвали в штаб ночью. Генерал испытующе посмотрел на Алексея в упор и спросил:

— Уралец, значит? Скажите, согласны ли вы действовать в тылу врага? — Тут же предостерегающе поднял руку. — Подумайте. Это не приказ. Запомните, там опасно, — и добавил: — Очень опасно.

Наступила пауза. На столе будильник отсчитывал напряженные секунды. Переборов волнение, Алексей твердо сказал:

— Готов, товарищ генерал.

Генерал одобрительно кивнул головой.

Несколько месяцев проходили специальную подготовку. Обучал старый чекист, полковник Иовлев.

Однажды глубокой ночью полторы сотни человек, как призраки, перешли линию фронта и растворились в подмосковных лесах. Это был отряд особого назначения, сформированный по указанию Комитета Обороны для выполнения важных заданий. Повел отряд капитан Жабо, высокий русоголовый латыш, человек, не знающий страха.

…Чернильно-черное небо освещалось багровыми вспышками. Ноябрьский ветер качал обледенелые верхушки берез. Вот уже несколько часов отряд Жабо пробирался по намеченному маршруту. Двигались небольшими группами. Рядом с Бородулиным шел, прихрамывая, невысокий мужчина из Башкирии. Это был Султанов Галей. Часто в свободные минуты вспоминали они родные края. Душой привязался к нему Алексей.

Спали с ним под одной шинелью, ели из одного котелка.

— Не устал, земляк? — дружески обнял Бородулин Султанова.

Султанов повернул голову, улыбнулся. У него радостно на душе. Недавно он получил весточку из дома. Все его четыре карапуза живы-здоровы. Бородулин радовался за него.

— Как ты думаешь, осилим немцев? — спрашивал Султанов, пристально глядя на друга.

— Выдюжим, брат. Жабо знает, что делает.

Подошли к небольшой речушке. Ледок на ней колыхался, будто речонка вздыхала. В одном месте вода выбивалась наружу и, замерзая, рисовала на льду затейливые рисунки.

Первым к реке спустился высокий крепыш Николай Козлов. Ломая руками лед, двинулся к тому берегу. За ним пошли и остальные. Через несколько минут весь отряд переправился через реку. И снова начались подмосковные леса. На развилке дороги их ожидала большая группа людей, партизаны Угодско-Заводского района, которых возглавлял секретарь райкома партии Карасев. Теперь в отряде уже триста человек. А накануне разведка донесла, что в Угодском Заводе численность немецкого гарнизона более четырех тысяч.

Под ногами хрустел снег. К часу ночи добрались до опушки леса. Жабо собрал всех командиров групп. Снова кратко повторил задачу: приказано разгромить штаб 12-го армейского корпуса «СС», где разработан план наступления немцев на Москву по Варшавскому шоссе. Сверили часы.

— Ну, пора! — тихо проговорил Жабо.

Он подошел к Бородулину.

— Тебе начинать, Алексей… Желаю успеха.

Отдельно была выделена группа подрывников, которую возглавил Бородулин. Бесшумно двинулись бойцы, прижимаясь к земле, подползли к объектам. Сраженные один за другим, падали немецкие часовые. В два часа ночи резко ударила длинная пулеметная очередь. Сигнал к атаке! И пошло! Взрывы, треск очередей.

…Бородулин залег недалеко от крахмального завода, где расположилось большое число фашистов. Заранее двухэтажное здание с четырех сторон обложили взрывчаткой. Алексей поджег шнур. Через минуту резкий звук потряс морозный воздух. Взорвали мост, затем на дороги, ведущие в Угодский Завод, стали валить деревья. По шоссе с окрестных деревень подходили броневики и танки. Плотным огнем встречали их подрывники, залегшие на обочинах. Бой разгорался. Полыхал весь Угодский Завод. Восемь боевых групп вели жестокий бой. Фонтаны огней

полоскали небо — это горели склады с горючим. Стало светло, как днем. Ствол автомата жег Алексею руку. Взмокла спина. Он подползал то к одному, то к другому бойцу, подбадривал: «Держись, хлопцы, одолеем».

Неожиданно в село вкатились четыре танка и броневик.

— Разрешите, я отвлеку их, — подбежал к командиру Султанов.

Раздумывать было некогда. Бородулин с болью посмотрел на товарища, обнял его за плечи.

— Действуй, друг!

Вскоре в стороне завязалась перестрелка.

Гитлеровцы подтянули крупные силы. Несколько часов длилась эта беспримерная схватка. В небо взметнулись две красных ракеты. Пора уходить. Все группы стали стягиваться к сборному пункту. На опушке леса сделали перекличку. Не досчитались многих.

Отряд особого назначения блестяще выполнил приказ. Штаб армейского корпуса «СС» был полностью разгромлен, захвачены важные документы. В районе Угодско-Заводского района гитлеровцы потеряли убитыми сотни солдат и офицеров. Вскоре советские войска перешли в контрнаступление.

РАЗГРОМ „МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ“

— Тревога! — в тихой палатке это слово прозвучало, как выстрел. Через несколько минут бойцы выстроились на лесной поляне. Было раннее утро. Солнце еще не взошло, лучи его только коснулись верхушек деревьев, окрасив их в бронзовый цвет.

Жабо молча несколько раз прошелся перед строем.

— Не время отдыхать, товарищи, — резко заговорил он. Под Москвой идут бои. Немцы подтянули большие силы. Слушайте боевой приказ…

После разгрома штаба 12-го армейского корпуса отряд Жабо перебросили в район станции Износки под Москвой, где немцы высадили крупный десант. Это были отборные головорезы, полк «СС» под названием «Мертвая голова». Отряд Жабо получил приказ — разгромить десант.

В ночь на 26 февраля 1942 года отряд особого назначения приступил к осуществлению операции, которая вошла славной страницей в историю Великой Отечественной войны.

…Зеленая ракета расколола надвое темное февральское небо. Со всех сторон заговорили пушки, пулеметы. В небе тяжело ревели вражеские самолеты, со свистом проносились наши

истребители. Со стоном падали вековые деревья, вывороченные взрывами бомб. Бородулин и бойцы окопались близ станции, заняв круговую оборону. Неожиданно яркие вспышки ракет осветили большую группу солдат. «Может, пришла подмога?» — подумал Бородулин.

— Братцы, наши! — обрадованно воскликнул молодой боец Григорий Пегасов. — Надо их предупредить, а то фашисты скоро подойдут.

Получив разрешение, он опрометью бросился навстречу бойцам. Прошло несколько минут, вдруг послышался крик Пегасова и длинная автоматная очередь.

— Фашисты… — понеслось по цепи.

Да, это были переодетые в советскую форму гитлеровцы.

Бородулин приказал открыть огонь. «Та-та-та», — затрещали автоматные очереди. Немцы шли цепью. Откатывались назад и шли снова. Атакам, казалось, не будет конца. Через несколько часов боя кончились патроны. Начали отбиваться гранатами. Немцы шли во весь рост, с автоматами наперевес. Когда до окопов осталось несколько метров, бойцы, как один, кинулись вперед. Гитлеровцы не успели даже открыть огонь. Завязался рукопашный бой, который не прекращался почти сутки. К исходу дня «Мертвая голова», действительно, оказалась мертвой. Командование Западного фронта тепло поздравило жабовцев с большой победой. Многие бойцы, в том числе Алексей Бородулин, были награждены орденами боевого Красного Знамени.

В БРЯНСКИХ ЛЕСАХ

Несколько суток шел отряд капитана Жабо к Брянским лесам. По болотам, по безлюдным полям, минуя населенные пункты. Летели под откосы поезда, горели и рвались склады. Огненный след оставляли после себя народные мстители.

…В апреле 1942 года к базе подошел немногочисленный отряд, которым командовал Ковпак. Партизанский отряд был сформирован недавно. Это были семнадцатилетние парни и седобородые старики. Началось обучение людей тактике боя. Бородулин с утра до позднего вечера находился на учебном поле. Обучал взрывать мосты, подкладывать мины под составы. Сколько прошло учеников через руки опытного подрывника Бородулина — не сосчитать! Через несколько месяцев хорошо вооруженные отряды Ковпака двинулись в сторону Карпат. Тепло, по-братски прощались партизаны с бойцами. Ковпак и Жабо

обнялись, расцеловались.

— Если нужна помощь, дайте знать, — говорил Жабо, вытирая рукавом навернувшиеся слезы. Нескольких бойцов Жабо отпустил с Ковпаком.

Партизанское движение ширилось и крепло. Возникали большие партизанские соединения на Брянщине, Украине, в Белоруссии.

* * *

…Алексей Бородулин с группой бойцов осторожно пробирался между деревьями. Стояла напряженная тишина. У небольшой деревни им назначено свидание с Катей Чайкиной. Навстречу вышел древний старик. Он не удержался, заплакал.

— Что стряслось? — встревоженно спросил Бородулин.

— Нету больше нашей Кати. Повесили ее, — сообщил старик. Рассказал о ее гибели. Сотни людей собрались на месте казни. Катя подняла голову, крикнула:

— Люди! Победа будет за нами! Прощай, Родина!

— Пойдем, похороним ее с честью, — смахивая слезу, проговорил один из партизан. Подумав, Бородулин согласился.

Через несколько часов они вышли из леса. Остановились, потрясенные зрелищем. Село горело. Небо, как тучами, затянуло черным дымом. А в поле, окруженные карателями, стояли несколько сотен людей. По всему было видно, что их собираются расстреливать.

Глухо щелкнул затвор автомата.

— Пойду, не могу я на это смотреть, — не выдержал один из партизан.

Бородулин оглядел суровые лица товарищей. И в первый раз он решил нарушить приказ командира — избегать встречи с противником. Где ползком, где перебежками вплотную подошли к карателям.

— Огонь по фашистским гадам! — закричал Бородулин, в гневе сжимая приклад автомата. Скошенные короткими очередями, один за другим падали каратели. Не ушел ни один. Спасенные бросились обнимать, целовать своих спасителей.

На окраине села похоронили Катю. Над могилой прогремели залпы.

— Прощай, Катя, народ тебя никогда не забудет.

Вскоре партизаны и все жители села углубились в лес…

Жестоко мстили бойцы за смерть Кати.

…Станция Ржаница. Здесь скопилось шесть вражеских

эшелонов с техникой и живой силой. Подожгли цистерны с горючим. Гитлеровцы, застигнутые врасплох, бросились к окопам. Тут и встретили их бойцы. Загорелся страшный бой. Земля содрогалась от взрывов. Но ни разу не дрогнула рука Алексея Бородулина. Вплотную приближался он к фашистам, в упор расстреливал их. Пули несколько раз прошивали одежду, темнело в глазах…

Советское Информбюро передало краткую сводку о подвиге отряда на станции Ржаница. Важный узел был парализован на десять дней…

Скоро поступил из штаба фронта новый приказ. И отряд двинулся в сторону Харькова. Только не было среди них Жабо. Капитана назначили командующим партизанскими отрядами Белоруссии.

…В тихое село решили зайти днем — кончилось продовольствие. Население тепло встретило бойцов. Но нашелся предатель, который донес немцам о прибытии отряда. В небе появились четыре «мессершмитта». Стали рваться бомбы. Алексея Бородулина тяжело ранило. Санитарка Галина Ризо успела вынести его из-под бомбежки. Москва немедленно выслала самолет за ранеными бойцами. Так расстался с боевыми друзьями Алексей Андреевич Бородулин, помощник командира особого отряда.

ВСТРЕЧА БОЕВЫХ ДРУЗЕЙ

В июле 1962 года по инициативе Центрального Комитета КПСС и Советского Комитета ветеранов войны в Угодско-Заводском районе под Москвой собрались первые партизаны Отечественной войны. Среди прибывших видные военачальники: Герой Советского Союза генерал-полковник Попов, генерал-полковник Бельченко, генерал-майор Герой Советского Союза Сабуров. На встречу ветеранов прибыли прославленные партизаны: Герой Советского Союза Карасев и комиссар отряда Курбатов.

С Урала приехал и Алексей Андреевич Бородулин, избранный членом секции бывших партизан Советского Комитета ветеранов войны. У памятника Русской славы в селе Тарутино состоялась волнующая встреча однополчан. Крепкие объятия, счастливые слезы. Приветствовать героев пришли жители окрестных сел и деревень. Здесь Бородулин встретился со своим боевым другом Султановым.

В Москве Бородулина и Султанова принял Герой Советского

Союза Алексей Петрович Маресьев. Долго длилась задушевная беседа с прославленным летчиком. Волнующая встреча произошла со Щепровым, бывшим командиром взвода особого отряда, ныне заместителем министра культуры РСФСР, с Ситниковым, корреспондентом ТАСС. Это он помог разыскать адреса оставшихся в живых товарищей.

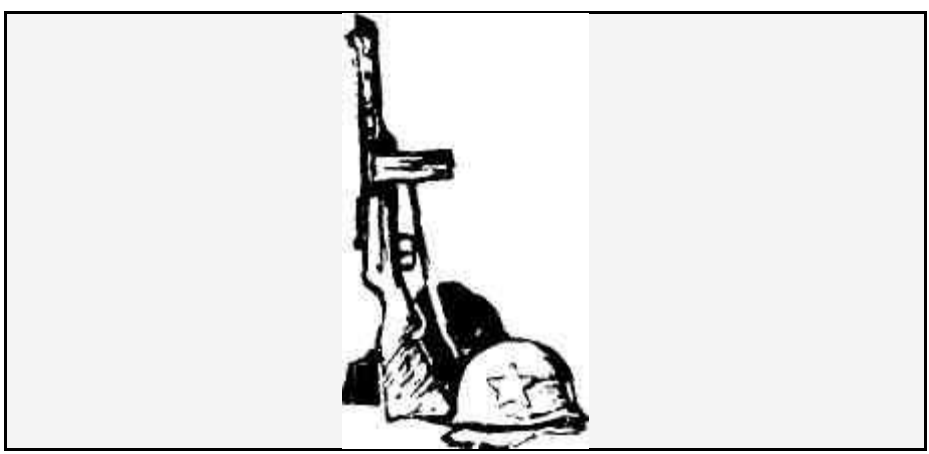
— Алексей, это ты? Живой?! Воскресший! — невысокая женщина подбежала к нему. Это была Галина Ризо, спасшая его от гибели.

Рядом с ней был Н. Козлов, фронтовой товарищ Бородулина. Вспомнили всех, кого не было с ними в этот памятный день встречи.

Козлов рассказал о гибели капитана Жабо под Брянском. На месте его гибели воздвигнут памятник. Здесь покоятся и его друзья.

…В Москву съезжались делегаты конгресса за разоружение и мир. Алексей Андреевич принимал зарубежных гостей в Комитете ветеранов войны. Дружеская беседа состоялась с итальянскими и чехословацкими друзьями. Словно помолодевший, вернулся Алексей Бородулин в родной Кыштым.

…Давно пронеслись грозовые годы. Но память солдата крепко хранит имена тех, с кем приходилось делить последний патрон, последнюю корку хлеба, последний глоток воды. Война — жестокое слово. И тот, кто прошел через войну, никогда не захочет, чтобы она повторилась.



Б. Мацевич
САПЕР В. Г. МИРОНОВ

В парткоме завода имени В. И. Ленина мне сказали:

— Напишите о Миронове, он в инструментальном цехе работает. Бывалый человек, фронтовик и замечательный слесарь. О таких говорят: золотые руки.

И вот я в цехе, в кабинете партийного бюро. Рядом мужчина средних лет. Он сидит у стола и медленно рассказывает о себе, о своих товарищах.

— Вспоминается бой на Буге. Мы строили переправу для наших войск. Немцы с того берега вели непрерывный огонь. Но мы не обращали внимания и делали свое дело. Вдруг что-то

ударило по голове, кровь залила лицо. Меня, конечно, в санбат. Перевязали и в полевой госпиталь отправили. Тут как раз санитарный поезд подошел. Меня в вагон и айда — в тыл. А мне уже лучше стало и даже ранения не чувствую. Думаю: тут мои друзья остаются, а я в тыл прохлаждаться поеду? Нет, не могу ехать, да и фашисты еще сполна мне по счету не заплатили. А поезд уже идет, скорость набирает. Что делать? Эх, была не была! Прыгнул — и в свою часть подался…

…Война застала комсомольца Василия Миронова за слесарными тисками в инструментальном цехе Златоустовского завода. За пять месяцев до начала войны закончил он школу фабрично-заводского ученичества. Стал лекальщиком пятого разряда, делал сложный мерительный инструмент. Парню не было тогда и восемнадцати лет. И только в начале сорок второго его направили в военно-инженерное училище.

Шесть месяцев учебы и — на фронт. Саперную роту, в которой служил Миронов, придали Тихоокеанской морской пехотной бригаде.

Южный фронт. Ожесточенные кровопролитные бои. Немецко-фашистские захватчики рвутся к Волге. Наши части непрерывно контратакуют врага. На второй день после прибытия на фронт вступают в бой моряки. Впереди саперы с миноискателями в руках расчищают им дорогу. Падают в бою друзья и товарищи. Убит командир взвода. Тяжело ранен друг Миронова Витька Кольва.

— Я перетащил его через дорогу — и в кювет, — вспоминает Василий Гаврилович. — Перевязал, дал попить. У нас туго тогда с водой было. А что дальше делать? Оставлять его нельзя и тащить в тыл тоже невозможно. Не имею права покинуть поле боя. Смотрю, ползет моряк. Подполз, сел рядом, подтянул правую ногу, а из нее кровь хлещет. «Видишь, — говорит, — стопу оторвало». Посмотрел я, действительно, еле-еле держится. Моряк вынул нож из кармана, отрезал стопу и стал перевязывать ногу. Я ему, конечно, помог, а он говорит мне: «Можешь идти, я твоего друга не оставлю». И правда, не оставил. Потом я узнал: они оба в госпиталь попали.

Миронов рассказывает, как он вместе с разведчиками ходил по ту сторону фронта за «языком». Он, как всегда, шел с миноискателем впереди, извлек не один десяток мин, потом проделал проход в проволочном заграждении… Одним словом, все шло хорошо. А вот на обратном пути враг обнаружил их и открыл кинжальный огонь. Пришлось залечь под самым бруствером немецкого окопа. Голову нельзя было поднять. Пролежали несколько часов, поморозили руки и ноги.

— Но ничего, — продолжает Василий Гаврилович, — дальше своей землянки не пошел, тут же вылечился и опять в бой.

Всю войну Василий Миронов был сапером. Каждый день с глазу на глаз встречался со смертью. Ведь сапер, говорят, ошибается один раз. Участвовал в составе штурмовой группы в великой битве на Волге, расчищал улицы и подвалы от вражеских мин. Затем Курская дуга. Приходилось саперу не раз и автомат в руки брать, и врукопашную биться. Всякое приходилось. Битва на Курской дуге особенно памятна Василию Гавриловичу.

Здесь в жизни молодого солдата произошло важное событие. Его приняли кандидатом в члены Ленинской партии. Здесь же ему присвоено звание сержанта.

Закончилось Курское сражение — и снова в поход. Днепр. Наши войска уже под Кировоградом. Но откуда-то прорвались немецкие танки, и нашим частям пришлось отступить под Кривой Рог. Заняли оборону, саперам снова работа: минировали подступы, ставили заграждения.

Впереди наших позиций высота, с которой немцам очень удобно вести прицельный огонь. Перед батальоном ставится задача: взять высоту, выбить оттуда врага. Высоту взяли. Самое главное — ее удержать. Но вот немецкие танки. Командир батальона приказал саперам ставить противотанковые мины. А танки все ближе и ближе…

С минами в руках, на виду у вражеских танкистов Миронов и его товарищи выскакивают из траншеи, ползут вперед и ставят мины. Первая вылазка — убило одного солдата, вторая — еще одного. Но саперы продолжают свое дело. И вдруг снаряд упал почти рядом. Мелькнула мысль: «конец». Но и тут смерть прошла мимо. Миронов вскочил на ноги — и в траншею. Тут только обнаружил, что ранен в шею. Осколок засел у самой сонной артерии.

Два месяца госпиталя — и снова в бой. Буг, Днестр… На Днестре устанавливали понтонную переправу. Вдруг немецкий снаряд угодил в понтон. Миронова взрывной волной подбросило в воздух, а потом швырнуло в пучину реки. Утонуть ему не дали старики-молдаване, которые буквально «выудили» солдата и отправили его в госпиталь.

— Очнулся, — вспоминает Василий Гаврилович, — и никак понять не могу, где я и что со мной происходит. И тут слышу голос соседа: «Смотрите-ка, братцы, утопленник воскрес!» Тогда только вспомнил, что произошло. На утро все нормально стало, и я отпросился к своим. Прихожу, а друзья глазам своим не верят: они, оказывается, меня уже списали.

За отличное выполнение задания командования при

организации переправы на Днестре и завоевание плацдарма на правом берегу реки Василий Миронов награжден орденом Красной Звезды. В это же время коммунисты приняли его в ряды партии.

…Сидит передо мной рабочий человек, хороший слесарь, ударник коммунистического труда. И надо сказать, не уронил бывалый воин своей боевой славы, своей фронтовой чести. Трудится так же отлично, как сражался на фронте.

После войны Василий вернулся на родной завод. Начал работать в кузнечно-прессовом цехе, на участке, где делают шоферский инструмент. Здесь он работал слесарем-сборщиком. А теперь вот трудится в инструментальном цехе.

— Почему вы ушли из того цеха? — спросил я Миронова.

— Неинтересно там работать. Каждый день одно и то же. А мне настоящего дела хочется. Чтобы, как говорится, и уму и сердцу приятно было.

— А тут разве нет того однообразия, которое было в кузнечно-прессовом? — допытывался я.

— Конечно, нет! — с убежденностью ответил он. — Здесь я делаю штампы. К тому же штампы разные приходится делать. Так что есть над чем подумать и к чему руки приложить. А бывает, такую головоломку зададут, что не скоро решишь.

Решили на заводе освоить производство штампов из твердых сплавов. Дело, разумеется, весьма выгодное. Стойкость такого штампа в десять раз выше обычного. Но делать его очень и очень трудно.

— Кому поручим этот штамп делать? — обратился начальник цеха к старшему мастеру В. А. Петрову.

— Миронову, кому же еще!

Василий Гаврилович понимал, какую большую ответственность берет на себя. Он хорошо знал, что на многих заводах пытались делать такие штампы, но дальше попыток дело не шло. Товарищи помалкивали, а за глаза кое-кто говорил:

— Не по зубам орешек, ничего у Васьки не получится.

И все-таки Миронов взялся. И это было то настоящее дело, ради которого он и перешел в этот цех. Порошковая смесь вольфрама и молибдена. Под воздействием высокой температуры она превращается в сплав. А он не поддается механической обработке. Пришлось осваивать электроискровой станок и на нем обрабатывать детали из твердых сплавов. Всю душу, всего себя вкладывал слесарь в это дело. А когда уже все было готово и победа казалась близкой, сломалась ответственная деталь — то ли во время перевозки, то ли при погрузке…

— Досталось мне, чего там говорить, — вспоминает Василий

Гаврилович. — Пережил немало, да своего добился: довел-таки этот штамп.

…Как всегда, Миронов на посту, на своем рабочем месте. В руках у него надфиль — небольшой напильник с мелкой-мелкой насечкой. Такой инструмент чаще всего встречается у часовых мастеров, которые имеют дело с ювелирной работой. Василий Гаврилович обрабатывает деталь, допуски которой измеряются микронами.

— Очень сложный штамп, — поясняет молодой мастер Борис Куракин. — Такие у нас делают всего несколько человек. А Василию Гавриловичу достаются самые тонкие. А вообще-то штамп — штука капризная. И ошибаться тут, как и в саперном деле, нельзя.

Да, ошибаться нельзя. Стоит допустить малейшую оплошность, и пойдут штамповать бракованные детали. А машины и электрические приборы, выпускаемые заводом, должны быть долговечными, надежными и безотказными в работе. За это и Миронов в ответе.

Пять лет, как Василий Гаврилович работает в инструментальном цехе и ни разу не ошибся. Три года назад ему, ударнику коммунистического труда, вручили личное клеймо. И если на штампе стоит клеймо с буквами «В. М.»; то знайте: это надежный инструмент. Делали его золотые руки мастера Василия Миронова.

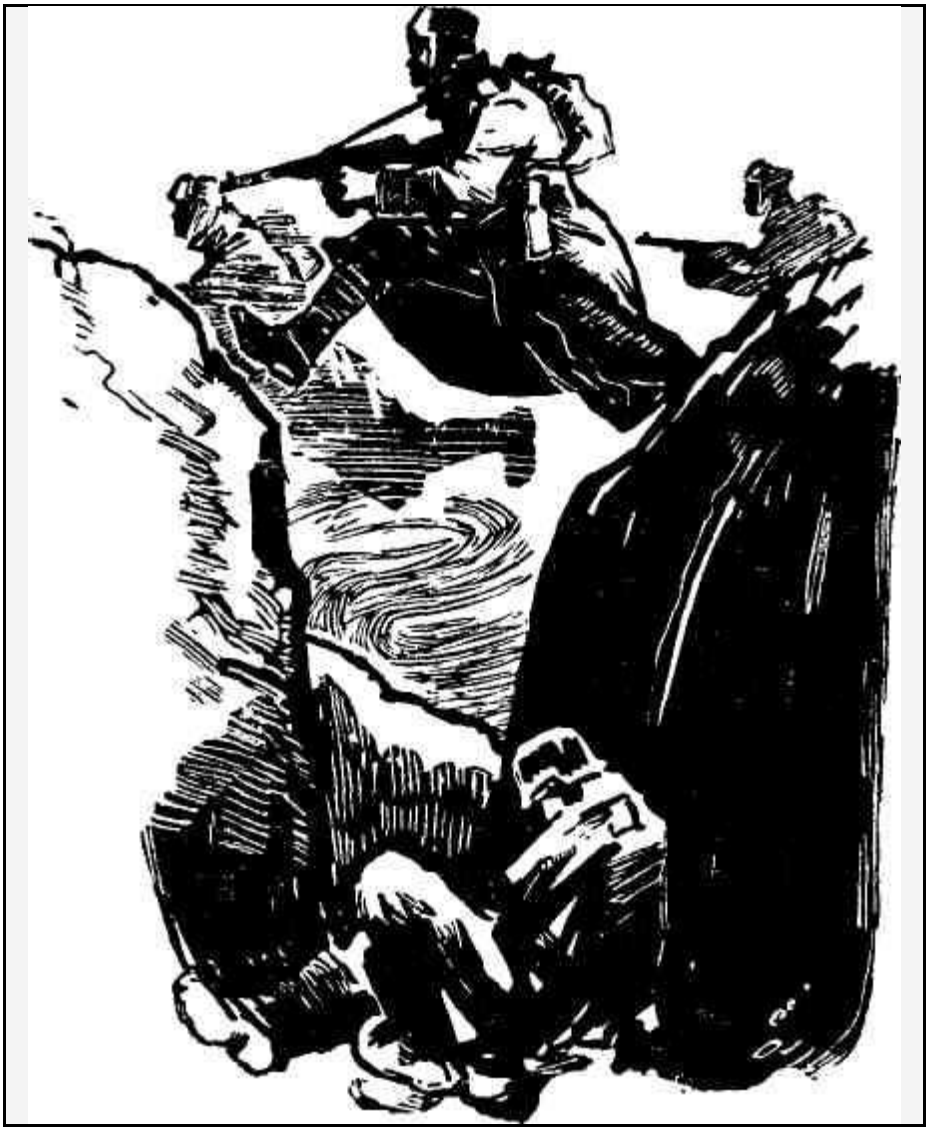
Десятки штампов, самых разных и самых сложных, прошли через его руки. Здесь он нашел то, чего искал: трудный поиск и радость победы. За пять лет работы в цехе он выполнил более восьми годовых норм.

…Летом минувшего года мы встретились в 18-й школе. На мой вопрос, что привело его сюда, В. Г. Миронов ответил:

— Проверяю готовность школы к началу занятий.

Василий Гаврилович — депутат областного Совета. К тому же, он член цеховой группы содействия партийно-государственному контролю. И дел у него общественных — непочатый край. Вот почему его можно встретить в школе и в горисполкоме, у директора завода и в книжном магазине, в инструментальном отделе и в парткоме завода. Всюду у него дела — важные, государственные, и брака, как и и слесарном деле, допускать нельзя.

В. Василевский
ЖИЗНЬ — ПОДВИГ



Давно отгремели залпы сражений. Но время не в силах стереть из нашей памяти страницы воинской славы. Великий подвиг советского народа складывался из ратных подвигов миллионов людей. До сих пор какое-либо событие вдруг осветит неожиданным светом судьбу одного человека. Отбросит этот свет

свои лучи в прошлое и вновь (в который раз!) заставит нас с благоговением думать о тех, кто в грозную годину с оружием в руках не щадил себя во имя нашего сегодняшнего счастья.

* * *

…Это было двадцать лет назад. Шел январь 1945 года. Наши части теснили врага с польской земли.

К вечеру в подразделении появился заместитель командира батальона капитан Решетников. Солдаты занимались своим делом. Кто еще раз протирал автомат или высвобождал в вещмешке место под боеприпасы, кто просто отдыхал перед боем.

— Что, письмо на родину написал? — поинтересовался заместитель комбата, заметив, как младший сержант Патраков свертывал треугольником лист бумаги.

— Так точно, товарищ капитан.

— Небось, невесте?

— Нет, матери… Жив-здоров, мол, не волнуйся. А Гитлеру скоро будет крышка.

Офицер уважал этого рослого красивого сержанта, отличавшегося большой храбростью.

— Насчет Гитлера ты верно сказал, — заметил капитан, — а вот повоевать нам с тобой еще придется.

На передовой, как всегда перед большим сражением, стояла зловещая тишина. Лишь изредка на флангах раздавался сухой треск одиночных винтовочных выстрелов.

— Друзья! — обратился к солдатам капитан Решетников. — Перед нами поставлена задача: завтра овладеть деревушкой, что впереди, и принять участие во взятии Кракова.

Командир разъяснил исключительную важность и сложность предстоящей операции.

— Будем бить врага, как повелевает воинский долг и присяга, — выразил общую мысль Иван Патраков.

— Товарищ капитан, — обратился боец, который был ближе других к заместителю командира батальона. — У нашего помкомвзвода завтра праздник.

— Какой?

— День рождения.

— Это здорово! Сколько же тебе стукнет, младший сержант?

— Двадцать, товарищ капитан.

— Да, круглая дата, — офицер задумался на минуту, но тут же добавил: — Ну, что ж… Вот возьмем Краков и тогда по всем правилам отметим…

— Есть товарищ капитан, перенести именины, — приложив руку к ушанке, шутя отрапортовал Патраков.

В ночь перед боем младший сержант Иван Патраков не сомкнул глаз. Тишина навевала дорогие сердцу воспоминания. В мыслях он был далеко-далеко. Там, за Уральской грядой, на берегу озера раскинулась маленькая деревушка Патраково, где он родился и рос. Ваня рано, с пятнадцати лет, познал труд. Сначала в колхозе пристроили его учетчиком к механизаторам в бригаду, а потом сам научился управлять трактором. Здесь в сороковом году вступил в комсомол.

На второй день войны отец ушел на фронт. Минул год. Помнит Иван тот вечер, когда возвращался домой после сева. Шел полем и вдруг больно кольнуло сердце, когда увидел бегущих навстречу мать и младшую сестренку Валю. «Что случилось?»

— Ой, Ваня, отца убили… — обливаясь слезами, сказала мать, протягивая какую-то серую бумажку: «Похоронная».

— Не плачь, мама, — утешал он ее, — я отомщу за него.

Добровольцем ушел Иван Патраков на фронт. Воевал на Ленинградском, где сложил голову отец. Служил в разведке. Достал первого «языка». Получил первую медаль «За отвагу». Потом первое ранение. После выздоровления — снова на передовую. В разведке под Выборгом тяжело ранило. Почти пять месяцев пролежал в госпитале. Поправился. И вот завтра снова в бой.

Ночь прошла спокойно. Но едва на востоке занялась утренняя заря, как сотни стволов обрушили свой огонь на врага. Земля ожила, застонала. В воздухе стоял сплошной гул, вверх взлетали комья мерзлой земли, исковерканное железо и бетон. Снег почернел от копоти и гари. Стало трудно дышать. С полчаса длилась артиллерийская подготовка.

Потом по цепи пронесся приказ командира:

— Приготовиться к атаке!

— За Родину, вперед! — раздался голос политрука.

— Впе-р-е-е-д!

Сотни людей в едином порыве с автоматами наперевес устремились к траншеям врага. Впереди — холмистая равнина без единого кустика, лишь темными пятнами на белом снегу то тут, то там зияли воронки от снарядов и мин. Противник яростно сопротивлялся. Бешеным огнем ощетинились уцелевшие огневые точки. Немецкая артиллерия вела беспорядочный огонь по наступающим цепям наших войск.

Бежавший рядом с Иваном Патраковым молодой пулеметчик упал на землю, тот, что напомнил вчера о дне рождения. Тяжело в

живот ранило командира взвода.

— Вперед, братцы! — успел крикнуть капитан Решетников, находившийся в атакующей цепи, и тут же свалился замертво, сраженный осколками разорвавшейся поблизости мины.

«Эх, капитан, видно не суждено нам отметить мое двадцатилетие», — подумал Иван.

— Вперед!..

Уже недалеко немецкие траншеи. Иван Патраков швырнул в ту сторону противотанковую гранату и, сходу перескочив через одну из траншей, побежал дальше, Вот и вторая линия обороны. Дальше дзот. Патраков видел, что его амбразура дышала огнем. Немецкий пулемет сеял смерть. «Надо заставить его замолчать», — мелькнуло в сознании помкомвзвода. Он выдернул чеку и метнул гранату туда, в амбразуру дзота.

— Получай, гад!..

В этот момент Иван почувствовал, как полоснуло огнем. Он как-то сразу обмяк, и, не сделав больше ни шага, рухнул на землю. Перебиты ноги, правая рука. Пуля, прошив комсомольский билет, едва не задела сердце. В помутневшем от боли сознании билась леденящая душу мысль: пришел конец. Истекая кровью, Патраков потерял сознание. И не слышал Иван, как после взрыва брошенной им гранаты товарищи вновь поднялись в атаку, смяли сопротивление врага, заняли безвестную ему деревушку под Краковом. Сколько пролежал Патраков на снегу — никто не знает. Подобрали его поляки из той деревни, на которую наступал батальон. Думали захоронить вместе с убитыми солдатами, да оказалось, что в этом бездыханном, израненном теле чуть слышно билось сердце. Жизнь еле-еле теплилась. И тогда доставили Ивана крестьяне в один из армейских госпиталей.

Младший сержант Патраков считался безнадежным. Девять пулевых ран. Большая потеря крови. Неизбежна газовая гангрена. Одна за одной следуют тяжелейшие операции. Сначала отняли правую ногу, через три дня — левую, еще через неделю — ампутировали правую руку. Неделями не отходили врачи от Патракова и вернули, да что вернули! Вырвали его жизнь из цепких объятий смерти.

Долгое время Патраков был прикован к больничной койке. Солнце заглядывало в окна палаты почти каждый день. И Ивану порой казалось, что жизнь, по существу, не изменилась. Но стоило сделать малейшее усилие — попытаться перевернуться с боку на бок, как раны начинали нестерпимо ныть и в глазах исчезало все: и солнце, и палата, и товарищи, лежавшие рядом. Казалось, что обрывается сама жизнь… И так долгие мучительные

месяцы, пока всем в госпитале не стало ясно, что безнадежный будет жить. Но как жить? Какую выбрать цель в жизни? Хорошо сказано — цель жизни. Чтобы научиться ходить на протезах, требуются долгие месяцы и даже годы… Годы!

И если вы спросите у этого человека, кто были ему незаменимыми помощниками и учителями в большом труде, кто закалял его волю, он, не задумываясь, скажет: люди. Люди в белых халатах, с помощью искусных и заботливых рук которых он остался жить. Нет, не только жить!

Упорство вело к цели. Он нашел свое место в строю!

* * *

Давно бывший воин Иван Патраков вернулся в свою родную деревню, в свой родной колхоз «Заветы Ленина», что находится у нас в Зауралье. В госпитале он хорошо научился владеть левой рукой. Государство обеспечило его пенсией, транспортом. Но не привык он сидеть без дела. Вот почему Патраков пришел в правление и попросил:

— Дайте мне работу.

Нашлось место в бухгалтерии. Стал председателем ревизионной комиссии. Комсомольцы избрали его своим вожаком. Потом ему поручили учет труда колхозников в бригаде, а зимой поставили фуражиром. Он всегда среди людей, и люди ценят и уважают его за боевые дела на фронте, за его труд в наши дни. Он нужен людям!

Мы сидим с ним в уютной квартире и неторопливо ведем беседу о делах давно минувших дней. Хозяину сегодня исполняется сорок. Выглядит он моложе своих лет. У него открытые серые глаза и волевое лицо.

Патраков охотно знакомит меня с фотографиями военных лет, много рассказывает о товарищах по оружию. Показывает свои боевые реликвии.

У Ивана Александровича хорошая жена, подруга школьных лет. Растут прекрасные дети.

— Каковы наши планы? — переспросил меня хозяин дома и тут же ответил: — Детей надо сделать настоящими людьми.

Я не сомневаюсь, у таких родителей не может быть иначе: детям есть с кого брать пример.

— А вот это, — говорит Иван Александрович, протягивая мне потертую на изгибах, сложенную вчетверо бумажку, — мать получила после того памятного боя, в день моего рождения.

Этой бумажке ровно двадцать лет.

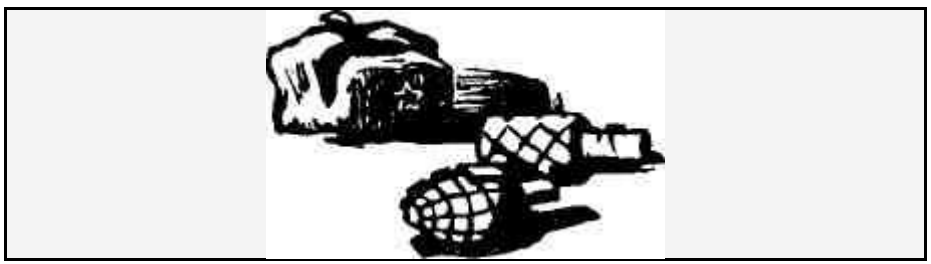
Читаю:

«Гражданке Патраковой Ксении Лукьяновне, проживающей в дер. Патраково Чинеевского сельсовета.

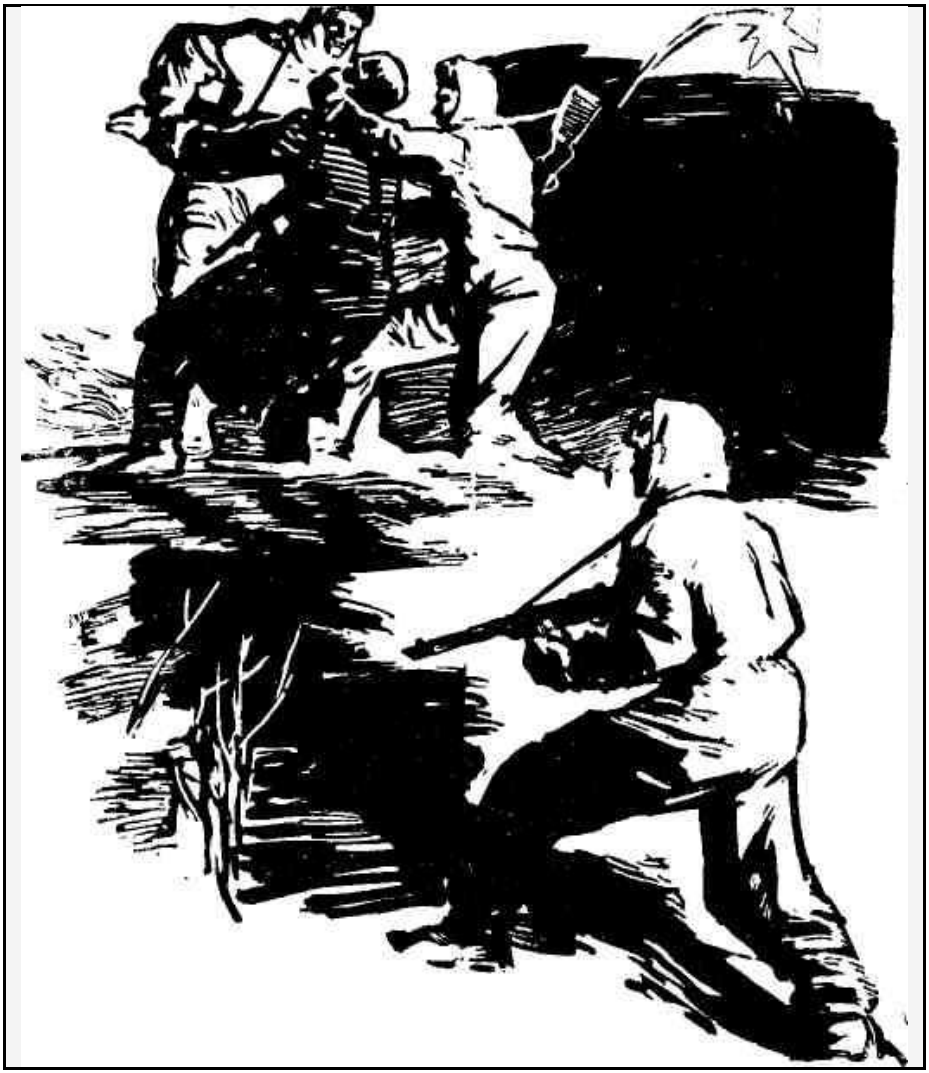
Извещение.

Ваш сын, младший сержант, командир отделения Патраков Иван Александрович, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 19 января 1945 года».

Да, всякое бывает на войне. Но нет, Иван Александрович Патраков выжил! Это человек, сильный духом. Такие всегда в строю!



А. Куликов
МЕРА МУЖЕСТВА



…Как-то наводчика Александра Кутепова, командира минометного расчета, вызвали к заместителю командира батальона старшему лейтенанту Белоусову.

— По вашему приказанию младший сержант Кутепов прибыл! — отрапортовал минометчик.

Разговор шел в землянке. Белоусов спросил, давно ли на фронте, где учился и не желает ли пойти в разведку. А

разведчиками принимались только добровольцы. Команда тут считалась неподходящим делом. Александр подумал-подумал и промямлил что-то неопределенное:

— Вряд ли из меня выйдет хороший разведчик. Особого желания идти в разведку у меня нет. Мне миномет дали. Буду громить врага из миномета.

— Ну ладно, — остановил его Белоусов, — мой ординарец проводит тебя к заместителю командира полка майору Сергееву. Там вы с ним побеседуете.

— Я слышал, ты изъявил желание пойти в разведку? — начал без обиняков Сергеев.

— Нет, — категорически отрезал Кутепов.

— Это почему же? — сделал удивленное лицо майор.

— Там мне несподручно будет, не смогу, наверное. Опыта нет. На фронте недавно, — виновато смотрел в пол Кутепов.

— А я-то думал, что ты настоящий комсомолец, — сказал Сергеев. — Ну, что ж, неволить не будем. Можешь идти в роту.

— Есть, идти в роту! — козырнул младший сержант Кутепов.

После этого разговора остался какой-то нехороший осадок, на душе было неспокойно. С одной стороны, он как будто радовался, что остался в минометной роте, а с другой стороны, чувствовал, что поступил неправильно, действительно, не по-комсомольски. Он даже думал, что проявил трусость, отказавшись пойти в разведку, испугался…

* * *

…Противник сосредоточил большие силы в районе Ярцево. Перед воинской частью, в которой воевал Кутепов, стояла задача — зайти в тыл противника правее Ярцево и взять город с тыла. Бой продолжался уже двое суток. Били «катюши», бомбила авиация. Случилось так, что противнику удалось перейти в контратаку. Советские бойцы открыли огонь, остановили противника. У минометчиков кончились боеприпасы. Они оставили минометы, сражались в стрелковом строю. Отбили у противника половину рощи. Закрепились. Стали окапываться. Глянули, а их обходят танки. Кутепов начал бросать гранаты. Его заметил командир стрелковой роты старший лейтенант Морозов:

— Слушай, вот тебе задача, — сказал он, — надо немедленно проникнуть в рощу. Там остался наш взвод, он отрезан, установи с ним связь и передай приказ, чтобы они не отходили. Сейчас наш полк пойдет в атаку и займет рощу. Сигналом будет красная ракета. Я буду ждать тебя здесь, в ячейке.

Александр, где перебежками, а где ползком, добрался до большака, отыскал командира взвода.

Немцы слева начали обходить рощу. Заметив Кутепова, стали бить по нему. Под ногами трещало. Били разрывными пулями. Изрешетили всю шинель. В воздухе гудели немецкие штурмовики. Вот она, красная ракета! Справа, слева, отовсюду бегут наши солдаты.

— Вперед, за мной! — скомандовал Морозов.

Все кинулись в рощу, на помощь окопавшемуся взводу.

Кутепов нос к носу столкнулся с немцем. Тот успел дать очередь из автомата. Александр упал, чувствуя, какой свинцовой тяжестью налилась нога.

Весь сентябрь Александр пролежал в госпитале. Потом его перевели в батальон выздоравливающих и направили в пригород Смоленска — Красное. Стал он проситься, чтобы выписали. Хотелось скорее догнать свою часть.

— А что, это верно, — сказал врач. — Пока догоняешь, все заживет.

Дивизия была уже на подступах к Орше. Александра назначили помощником командира взвода. Командир — старший сержант Макаров.

Готовилось большое наступление. В небо взвилась зеленая ракета.

— Вперед, в атаку! — что есть сил кричал сержант Макаров справа.

— За мной! — командовал Кутепов слева.

Солдаты поднялись. Правый и левый фланги сошлись. А впереди не смолкает вражеская точка. Косит. Появились советские танки. Пулемет смолк. Добежали до пустых вражеских траншей. В них гранаты. Ход ведет в глубину вражеской обороны. Кутепов взял одну из гранат. Вместе с Макаровым двинулись вдоль хода. Смотрят, бежит немец с пулеметом. Когда он поравнялся с траншеей, Кутепов поманил его к себе:

— Комм, комм…

Немец сначала принял их за своих. Он подбежал метров на пять и только тогда понял, в чем дело. Но Кутепов грозно крикнул ему:

— Хенде хох!

Солдат бросил пулемет и хотел ускользнуть. Но Кутепов затянул его в траншею.

— Ви хайст ду? — спросил он.

— Альфред Шмидт, — ответил немец.

— Вифиль яре альт — сколько лет?

— Двадцать один.

— Ровесник, — объяснил ему Александр.

— Веди этого фрица в штаб полка, — сказал Макаров.

Александру не хотелось отлучаться с передовой. «До Орши осталось 18 километров, — думал он, — скоро ее возьмем. А отлучишься, как там опять сложится судьба?»

— Давай передадим его солдатам, — предложил Александр.

— Не доведут, — сказал Макаров, — а он может дать такие показания, которые помогут сохранить целые полки и дивизии.

— Веди ты, — попросил Кутепов.

Макаров увел пленного на командный пункт.

* * *

Осенью сорок третьего года стрелковый полк, в котором служил Кутепов, погрузился на автомашины и двинулся в распоряжение командования Первого Украинского фронта. Александра Кутепова зачислили в роту автоматчиков. Путь держали на Киев. Затем двинулись дальше, в район Умани. Стало темнеть, когда подъехали к селу Баштечки. Стрельба. Немцы прорвали фронт. Идут самоходные орудия, танки, автомашины.

Приказ: «Занять круговую оборону. Не сдавать Баштечки». Противнику удалось потеснить наши передовые части. Немцы занимали улицу за улицей. Начальник штаба полка майор Белкин собрал роту автоматчиков.

— За мной, ребята! Надо выбить врага во что бы то ни стало.

Дружно атаковали врага. У школы майора Белкина ранило. Его подняли. Перевязали. Командир полка Белаонов приказал Кутепову и солдату Сулимову любым способом вывезти майора Белкина в ближайший госпиталь. Выбираться пришлось в сложной обстановке. Кругом шныряли немцы. Не прекращалась ожесточенная стрельба. Местами раненого приходилось выносить на руках, пробираться ползком, опасаясь нарваться на вражеский заслон.

Вышли на дорогу благополучно. На второй день разыскали медсанбат и оставили там раненого майора.

Когда командиру полка доложили, что Белкин доставлен в госпиталь, он обрадованно сказал:

— Вот молодцы! Это вы совершили подвиг! Спасли человека в такой сложной обстановке. Будете представлены к награде.

И разнеслась слава в полку о мужественном поступке Кутепова во время спасения командира, о его смелости и находчивости в сложных боевых условиях. Вспомнились как-то сразу и его прошлые боевые дела.

И вот Кутепова снова вызвал заместитель командира батальона. Он хорошо помнил Кутепова по той беседе под Смоленском, когда тот отказался пойти в разведчики.

— У нас с тобой разговор остался незаконченным, — сказал Белоусов, улыбаясь. — Теперь ты стреляный воробей. В разведчики пойдешь?

— Теперь пойду, — решительно ответил Кутепов.

Вскоре после беседы с капитаном Белоусовым Кутепова назначили командиром отделения разведчиков. Командир полка поставил перед разведчиками задачу: во что бы то ни стало достать «языка».

Группу возглавил Кутепов. Он внимательно изучил передний край немецкой обороны. В середине нейтральной полосы каким-то образом уцелела большая скирда сена. Кутепов и его товарищ Иван Попов ночью пробрались к скирде. Дня два они сидели там, наблюдая за вражеской стороной. На третьи сутки двинулись за «языком».

Разведчики обычно делятся на две группы — группу захвата и прикрытия. Первая должна захватить «языка», другая — прикрывать отход. Кутепов оказался в группе захвата. Вместе с ним — Иван Попов и Павел Смирнов. В группе прикрытия — Иван Кондрашов и Василий Конев.

В сумерках направились в сторону немецкой обороны. Все в белых халатах. Передвигались с остановками. Надо было хорошо осмотреться, потом продвигаться дальше. К немецкой обороне подползли метров на двадцать, залегли. В группе захвата переговариваются шепотом. Двое остались позади. Стали ждать.

Из окопа вылез немец, выстрелил из ракетницы, пошел впереди разведчиков. Ваня Попов шепчет Кутепову:

— Время брать.

Кутепов вскочил на ноги, за ним — Попов и Смирнов. Кинулись к немцу. Он — сопротивляться. Смирнов выстрелил из автомата по ногам фрицу. Тот упал. Немцы спохватились, когда разведчики были уже далеко. Кинулись следом.

— Ребята, тащите его скорей, — командовал Кутепов. Сам залег с автоматом. Одна за другой автоматные очереди. Удалось прикрыть отход разведчиков. «Языка» дотащили до скирды. Сердце учащенно бьется. Отдохнули и снова в путь. Начальник разведки радостно встретил разведчиков. Вскоре он сообщил им, что немец дал ценные сведения.

Дней через пять началось наступление наших войск. Взвод разведчиков первым ворвался в населенный пункт. Двинулись дальше. Впереди — село Русаловка. Над селом завязался воздушный бой. Наши истребители подбили вражеский самолет.

Летчик вынужден посадить машину. Он спокойно ковырялся в моторе, пытаясь устранить какую-то неисправность, когда Кутепов и его товарищи без единого выстрела захватили незадачливого вояку. Но, как видно, немцы заметили разведчиков. Они бросились на выручку летчика. Бойцы не растерялись.

Забравшись в самолет, они открыли пулеметный огонь. В стане противника начался переполох. Немцы отступили. Немецкого летчика захватили в плен.

За эти операции Кутепов получил медаль «За отвагу».

Командир полка полковник Белаонов поручал теперь Александру Кутепову самые ответственные задания.

Взвод полковой разведки, в котором служил Александр Кутепов, далеко оторвался от основных частей. В местечко Шпигов разведчики ворвались внезапно. А там стояла гестаповская часть. Возле моста увидели низенькое кирпичное здание. Издали услышали автоматную стрельбу и взрыв. Когда подошли к зданию, увидели толпу. Люди смотрят на шапки со звездочками и не верят: неужели свои?

— Кто вы такие?

— Советские солдаты.

— Помогите схватить извергов. Вон там фашисты пьянствуют… Вот что они, проклятые, наделали…

У стены лежали трупы расстрелянных, человек пятьдесят. Говорят, пьяные эсэсовцы только перед приходом разведчиков расстреляли этих людей из автоматов. Натешившись, разделились на две группы и ушли в дома пьянствовать.

Фашисты, разумеется, не ожидали внезапного прихода советских солдат, вели себя разнузданно, без опаски. У одного двора стояла машина, работая на малом газу. Оружие брошено в углу дома. Разведчики захватили в комнате семерых гестаповцев. В другом доме, тоже без единого выстрела, взяли пятнадцать эсэсовцев.

* * *

Полк, в котором воевал Александр Кутепов, получил задание захватить переправу на Буге. Целый день шел бой. Наши войска несли большие потери. Командир полка приказал разведчикам зайти в тыл противника и, по возможности, доставить в штаб шесть-семь немцев. Командовать группой назначил лейтенанта Павлова. С наступлением темноты разведчики ушли во фланг и проникли на берег реки. В тыл к немцам пробрались

незамеченными. Впереди — дом мельника. Приблизились. Собрались. Распределили обязанности. Одни становятся под окна. Лейтенант Павлов — у крыльца. Кутепов поднялся на крыльцо. Посмотрел: вроде огонек в щель просвечивает. Потянул дверь на себя — закрыта.

— Попробуй постучать, чтоб открыли, — сказал командир.

Кутепов постучал легонько. Слышит — шаги.

— Хтось туточки? — женский голос.

— Витчиняйте, свои! — тихо сказал Кутепов.

Дверь отворилась. Кутепов перешагнул через порог. Взял за руку женщину:

— Немцы есть?

— Есть. Двое.

Вошли вместе с командиром. Автоматы — на изготовку. Захватили двух офицеров. Решили поднять панику. Начали бросать гранаты. Сотни полторы немцев сдалось. За эту операцию Александр Кутепов награжден орденом Красного Знамени.

* * *

Полк переправился через Буг и стал быстро продвигаться к Каменец-Подольску. Разведчики первыми вышли на Днестр. У села Неджимова остановились на обед. Кутепов смотрит, в село въезжает до сотни повозок. На каждой — немцы. Подводы тянутся на площадь. Команда: окружить обоз. А всюду — сады, огороды, каменные ограды. Разведчики подождали, когда весь обоз втянулся на площадь, и начали бить со всех сторон. Оказалось, что это прибыл штаб немецкой дивизии. На одной повозке нашли знамя, на другой оказалась касса, неврученные кресты… Захватили в плен подполковника, майора и еще пятерых офицеров. Взвод разведчиков за эту операцию представлен к награде. Александр Кутепов награжден орденом Отечественной войны.

* * *

После боя у села Неджимова повернули на север, в сторону Карпат. Сколько пришлось Александру Кутепову отбивать у противника разных высот! Сколько пришлось лазать по горам, по камням и кручам!

В горных селениях живут лесорубы, виноградари, пастухи. Доят овец, делают брынзу. Нередко под видом пастушеских

стойбищ занимали удобные позиции гитлеровские солдаты. Разведчики должны были вскрывать эти маскировки, чтобы успеть обезвредить врага, пока он не нанес нашим войскам серьезного удара. На территории Румынии советским разведчикам часто помогали местные жители. Однажды разведчикам была поставлена задача — пройти на лесозавод и выбить оттуда противника. А если там большие силы, отойти.

Подошли. Завод — в горах. Дорога труднодоступная. В село, как всегда, входили мелкими группами, через сады, огороды. Солдат на лесозаводе не оказалось. Но вдруг неподалеку услышали стрельбу. Кто стреляет? Непонятно. Советских частей тут вроде не должно быть. Оказывается, километрах в четырех от завода бьются румыны с немцами.

Около часа наблюдали разведчики за перестрелкой. Потом задержали одного румына. Спросили, в чем дело.

— Я вас могу со своим офицером свести. Он вам все расскажет.

— Подвох, может быть, — переговаривались между собой разведчики. Но все же троих послали.

— Ракетку давайте, если что, — наказали друзья.

Сергей Седельников, Иван Реутов и Александр Кутепов отправились вместе с румынским солдатом в сторону боя. Румын представил разведчиков офицеру. Тот подал руку:

— Майор Богдану! Батальон, которым я командую, порвал с немцами. Мы отказались отступать. Они пытались разоружить нас. Теперь мы их добьем, не выпустим.

Большой бой был на перевале через венгерскую границу. Там проходит шоссейная дорога через хребет. Немцы поставили на этом узком участке два дота и пулеметные гнезда.

Взводу разведчиков и роте автоматчиков приказали взять перевал обходом. Целые сутки пробирались бойцы по ущельям, по сваленным деревьям, по камням. Ранним утром вышли в тыл противника. Окружили в течение пяти минут, забросали гранатами, открыли стрельбу из автоматов. Человек тридцать захватили в плен. Через час минеры сняли мины. За ними пошли передовые части. Александра Кутепова за взятие перевала наградили орденом Славы 1-й степени.

А потом — Венгрия. На реке Тиссе, в городе Ньиредьхаза приняли большой бой с противником.

Усиленному взводу разведки дали задание — занять плацдарм на противоположном берегу. Только добрались до середины реки, противник начал усиленный обстрел. Добирались до берега вплавь. Сделав бросок, выбили противника из окопов, продвинулись метров на двести. Вслед за разведчиками на

плацдарм высадилось еще три батальона. К рассвету подтянулись немецкие части. Немцы наступали раз десять. Но каждый раз их атаки Отбивали. За форсирование реки Тиссы Александр Кутепов награжден орденом Славы II-й степени.

После взятия Венгрии — бои на территории Чехословакии.

Трудящиеся Чехословакии встречали советских воинов радостно и торжественно. Два боевых ордена — Славы I-й степени и Отечественной войны II-й степени получил Александр Кутепов за освобождение Чехословакии, городов Злынь и Банска-Бистрица. Город Злынь славился крупным производством обуви на заводах, которыми владел миллионер Батя. Советским воинам предстояло захватить заводы Бати. Через горы, по бездорожью, подошли к городу. Разведчикам приказано разведать, с какой стороны лучше прорваться, куда будут отступать немцы. Кутепов и его товарищи увидели на склоне горы амбразуры дзотов, предназначенных для гарнизона. Разведчики наблюдали: машины спешно вывозили ценности с завода по шоссейной дороге, идущей между гор. Кутепов с группой разведчиков принял решение — устроить засаду на шоссе. Благодаря решительным действиям разведчиков огромное количество народного добра было спасено.

* * *

Окончилась самая кровопролитная война в истории человечества. Наступили мирные дни. Бывшие солдаты возвратились в родные края. Александр Кутепов, которому в то время было двадцать два года, решил ехать на Урал, в Увельский район, где родился, где провел свое детство.

Мать встретила сына со слезами радости: с любовью и гордостью смотрела она на него, возмужавшего, статного. Еще бы не гордиться таким сыном — кавалером девяти орденов, в том числе трех орденов Славы! За первыми радостями пришли минуты печали и горя.

— А где Андрей, Алексей, Николай? — спрашивал Александр.

Мать плакала горькими, безутешными слезами.

В семье Кутеповых было пять сыновей. Три сына не вернулись с фронта.

А те, что вернулись, с жадностью набросились на работу. Руки солдат стосковались по мирному труду. Александр Кутепов пошел работать в животноводство.

Вставал чуть свет, возвращался поздно вечером. Недаром жена прозвала его «полуночником».

Александр Иванович Кутепов сейчас работает зоотехником первого отделения Увельского совхоза. Коллектив отделения борется за звание коллектива коммунистического труда. Так бывший военный разведчик Александр Кутепов стал разведчиком будущего, разведчиком коммунизма.

ФОТОГРАФИИ

Николай Ильич Савичев. Войну он закончил начальником штаба артиллерийского дивизиона. Сейчас Н. И. Савичев — знатный доменщик Магнитки, Герой Социалистического Труда.

Леонид Михайлович Рудниченко и Николай Федорович Агапов (в центре). На свои сбережения они купили танк и назвали его „Амурский мститель“. Танковый экипаж „Амурский мститель“ перед отправкой на фронт. На снимке: второй справа — наш земляк Н. Ф. Агапов. Сейчас Николай Федорович работает мастером на Челябинском автоматно-механическом заводе.

Младший сержант А. Каширин своим телом закрыл амбразуру вражеского дота, повторив подвиг Александра Матросова. А. Каширину посмертно присвоено звание Героя

Советского Союза. Челябинские комсомольцы в комнате боевой славы подразделения, в списки которого навечно зачислен А. Каширин.

Враг изгнан с родной земли. Советские люди возвращаются в родные края. На снимке: встреча жителей Западной Украины со своими освободителями — танкистами 44 Гвардейской танковой бригады.

Танкисты-уральцы в боевой разведке.

На привале. Задумчивы взгляды бойцов. Льется фронтовая песня „Землянка“…

Вот она гроза фашистов — „Катюша“.

Всем известен бессмертный подвиг Николая Гастелло. В его экипаже бесстрашно сражался и геройски погиб воспитанник Челябинского высшего военно-авиационного училища штурманов Анатолий Бурденюк.

Уральские танки в Берлине.

Марк Иосифович Соколов. Все годы войны был хирургом полевого госпиталя. Сейчас М. И. Соколов — главный хирург г. Златоуста.

Танкисты-гвардейцы Челябинско-Пиотраковской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова II степени добровольческой танковой бригады внимательно слушают боевой приказ о наступлении. Впереди — Берлин.

Александр Иванович Кутепов. На фронт ушел добровольцем. Отважный разведчик, кавалер ордена „Славы“, закончил войну в Праге. После войны вернулся на родину. Трудится зоотехником в Увельском совхозе Увельского района Челябинской области.

Тамара Ивановна Шмакова. С полевым госпиталем полка она прошла боевой путь от Сталинграда до Берлина. Сейчас у Т. И. Шмаковой самая мирная профессия. Она — детский врач в городе Кургане.

Минометчики ведут огонь по врагу.

Фото наших земляков — военных корреспондентов Аркадия Георгиевича Ходова и Николая Григорьевича Чижа.